И. П. СУСЛОВ

МЕТОДОЛОГИЯ экономического исследования

ЭКОНОМИКА

И. П. СУСЛОВ

МЕТОДОЛОГИЯ экономического исследования

Издание второе, переработанное

МОСКВА, ЭКОНОМИКА, 1983

ББК 65.01
С89

Рецензенты:
д. э. н. **В. В. Куликов**, к. э. н. **Агеев В. М.**

С $\frac{0603000000-043}{011(01)-83}$ 14—83

© Издательство «Мысль», 1974
© Издательство «Экономика», 1983, с изменениями

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая монография принадлежит перу одного из известных советских ученых-экономистов Ивана Петровича Суслова, завершившего ее подготовку в апреле 1981 г., за несколько дней до своей безвременной кончины. Книга представляет итог многолетних исследований И. П. Суслова, его глубоких раздумий об основных проблемах развития экономической теории.

И. П. Суслов был теоретиком в области статистики. Он — автор фундаментального учебного пособия по общей теории статистики, выдержавшего два издания[1]. Свои специальные исследования в этой области он обобщил в монографиях «Теория статистических показателей» (1975); «Основы теории достоверности статистических показателей» (1979); «Основы социальной статистики» (в соавторстве с Е. Д. Гражданниковым, 1973); «Методология статистических сравнений» (в соавторстве с М. И. Туравой, 1980) и ряде других работ. С особым вниманием И. П. Суслов изучал методологию и конкретные приемы статистических исследований, проведенных В. И. Лениным, показывал фундаментальное значение ленинских идей в этой области. Он опубликовал книги «Методология экономического анализа в трудах В. И. Ленина» (1962); «Статистика промышленности в работах В. И. Ленина» (1965); «Политическая статистика в работах В. И. Ленина» (1968).

В работах И. П. Суслова рассмотрены философская природа и особенности измерения общественных явлений, глубоко обоснованы необходимость и плодотворность рассмотрения экономики и общества в целом как вероятностной системы, дана классификация видов и систем статистических показателей, сделаны исключительно важные и актуальные выводы для контроля за их достоверностью.

Глубокое осмысление проблем экономических измерений привело автора к выводу о необходимости рассмотрения методологии и метода экономического познания вообще. Другим источником его интереса к этой проблематике было постоянное внимание к современным процессам развития экономической

[1] Суслов И. П. Общая теория статистики. М.: Статистика, 1978. 2-е изд.

науки. Особенно пристально изучал он ход развития экономико-математических исследований. Видя в них существенные черты будущей экономической теории, он вместе с тем стремился помочь преодолению их методологических слабостей, проявившихся на первых этапах. Будучи уже известным ученым в области методологии экономической науки, и особенно в теории статистики, он в 1968 г., когда ему было более 50 лет, переехал на постоянную работу в Новосибирск, вошел в состав ведущей группы исследователей Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. Он оказал большое влияние на теоретические и прикладные экономико-математические исследования, проводившиеся в Институте, воспитал много учеников, помог становлению ряда молодых ученых. Будучи редактором целого ряда монографий и сборников научных трудов, он вложил в них свой кропотливый труд и огромные знания. Помощь, которую он оказал всем, кто с ним сотрудничал, никогда не будет забыта. Вместе с тем период после переезда в Новосибирск стал наиболее плодотворным в его собственной научной деятельности.

В 1974 г. вышла его книга «Методология экономического исследования» (М.: Мысль). Она привлекла внимание ученых и преподавателей. Дальнейшая работа И. П. Суслова над проблемами методологии нашла отражение в главе «Статистические методы» в коллективной монографии «Метод политической экономии социализма» (М.: Наука, 1980). В продолжение и развитие своих исследований он начал готовить обобщающий труд по актуальным проблемам метода политической экономии. Результатом этой работы и является предлагаемая монография. Можно не сомневаться, что читатель оценит ее философскую глубину, смелость и напряженность мысли автора, тщательность разработки им своих идей.

Публикацией этой книги советская экономическая наука воздает должное памяти одного из своих лучших представителей, оставившего нам пример высокой чистоты, скромности, требовательности к себе, беззаветной преданности делу.

К. К. Вальтух

Часть первая
ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Глава I
ПОНЯТИЕ МЕТОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

1. МЕТОД И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Термин «метод» происходит от греческого methodos, что в буквальном переводе означает «путь к чему-либо». Под методом принято понимать упорядоченную деятельность по достижению определенной цели. Деятельность человека может быть практической и теоретической (познавательной), поэтому понятие метода в равной мере относится и к теории, и к практике. В частности, когда говорится о таком широком понятии, каким является метод марксизма-ленинизма, то имеется в виду метод не только научного познания, но и революционного действия, практической деятельности партии рабочего класса. Ведь познание ценно не само по себе, оно осуществляется с целью активного воздействия на общественную практику. В силу этого метод научного познания в конечном счете направлен на совершенствование практической деятельности человека, на преобразование им действительности.

Метод науки — это путь, способ, орудие теоретического исследования предмета. Метод связан с действиями ученого, он представляет собой совокупность мыслительных (в общественных науках — преимущественно) или физических операций, осуществляемых в ходе научного исследования, в нем заключено знание процедур, необходимых для получения нового знания. Метод — это своеобразная мыслительная технология.

Научный метод выступает орудием труда исследователя, которое он создает сам. Но метод — не выдумка ученого, не дань его вкусу или внешнему удобству, а отражение познанных законов изучаемого объекта, формирующееся на базе этих законов.

К. Маркс и Ф. Энгельс выступали против предрассудков «здравого смысла», согласно которым важен результат исследования, а не путь, который ведет к нему. К. Маркс писал, что

не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. «Исследование истины само должно быть истинно...» — указывал он[1]. Метод исследования — не произвольное изобретение или фантазия ученого, а детерминированный объективной действительностью феномен. Вполне определенно высказывался о природе метода В. И. Ленин. Так, в «Философских тетрадях» он отмечал, что «логические формы и законы не пустая оболочка, а *отражение* объективного мира»[2]. В. И. Ленин критиковал Н. И. Бухарина за то, что тот в «Экономике переходного периода» пытался представить диалектико-материалистический метод лишь как одну из «точек зрения», а не как теоретическое выражение объективных закономерностей. Эту попытку Бухарина рассматривать диалектический метод в отрыве от материи, от объективной действительности В. И. Ленин охарактеризовал как идеализм[3].

Формирование метода науки на базе свойств и законов исследуемого объекта представляет собой не механический перенос известных законов науки о реальном мире в метод, а особое их рассмотрение «под углом зрения того, как человек должен поступать, чтобы достичь новых результатов в познании и практике»[4]. Иными словами, законы науки об объективной действительности должны быть осмыслены с точки зрения возможности использования их (в модифицированном виде) как средства последующего познания. В этой связи представляет интерес высказывание болгарского философа академика Т. Павлова: «Научный метод — это внутренняя закономерность движения человеческого мышления, взятого как субъективное отражение объективного мира, что одно и то же, как „пересаженная" и „переведенная" в человеческом сознании объективная закономерность, используемая сознательно и планомерно как орудие объяснения и изменения мира»[5]. Из слов Т. Павлова можно сделать важный вывод, что метод науки является категорией субъективной диалектики. В объективной действительности есть объективные законы, но нет никаких методов; последние имеются лишь в головах, в сознательной деятельности человека.

Таким образом, в основе формирования метода лежат свойства, особенности, законы исследуемого объекта, а также целенаправленная деятельность познающего субъекта, обладающего определенными потребностями, возможностями и способностями. В результате активной деятельности ученого и создаются те или иные познавательные средства, в совокупности составляющие научный метод. Такой метод является, с одной стороны, не умозрительным понятием, а «аналогом действительности» (Ф. Энгельс), с другой — не пассивным, а активным, относительно самостоятельным орудием познания реальной действительности. Эти две стороны научного метода П. В. Копнин определяет как объективную и субъективную: «Познанные закономерности составляют объективную сторону метода, возникшие на их основе приемы исследования и преобразования явлений — субъективную»[1]. Если обратиться к категориям содержания и формы, то, видимо, первая из названных сторон выступает содержанием метода, вторая — его формой.

Научный метод одновременно является и результатом, продуктом научной деятельности человека, и предпосылкой, средством дальнейшей научной работы. Приступая к исследованию, ученый пользуется методологическим аппаратом, сложившимся на предшествующих этапах познания, т. е. метод здесь служит предпосылкой исследования (такие предпосылки отсутствовали лишь на самых начальных стадиях познания). В процессе научной работы возникает новое знание, которое методологически осмысливается и пополняет арсенал познавательных средств,— метод предстает теперь продуктом научного исследования.

Все сказанное выше о научном методе полностью относится к методу политической экономии. Метод политической экономии можно определить как совокупность теоретико-познавательных и диалектико-логических принципов и категорий, а также научного (формально-логического, математического, статистического, собственно политэкономического и т. п.) инструментария, применяемую для исследования системы производственных отношений.

Понятие метода политической экономии не просто и не только охватывает перечисление и описание отдельных познавательных принципов, приемов, средств или совокупности их, а включает знание об их происхождении, структуре, применении, взаимосвязях, субординации, развитии и т. д. Метод политической экономии — это и совокупность принципов и инструментария исследования, и методологическое знание, т. е. наука о них. В отличие от предметного знания, объектом которого выступают явления и процессы реального мира, объектом методологического знания выступают мыслительные и предметно-орудийные познавательные операции, направленные на получение, проверку и построение знания. Метод политической экономии не описывает непосредственно сам объект и предмет исследования (систему производственных отношений), но предписывает политэконому, какие и как применять средства исследования, чтобы получить истинные знания о предмете.

В экономической науке общепризнано, что на современном этапе развития существует политическая экономия в широком смысле, которая, как и всякая наука, имеет свой единый пред-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 7.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.
[3] Ленинский сборник XI, с. 400—401.
[4] Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М.: Наука, 1973, с. 80.
[5] Павлов Т. Теория отражения. М.: Госполитиздат, 1948, с. 401.

[1] Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания, с. 80.

мет и метод. Внутри единой политической экономии сформировались (с различной степенью завершенности и совершенства) три раздела: политэкономия докапиталистических формаций, капитализма и социализма.

Возникает вопрос, можно ли считать, что наряду с единым методом политической экономии имеются самостоятельные методы каждого из ее разделов, или правомерно говорить лишь об особенностях метода в них? Думается, что нет оснований придавать принципиальное значение этому вопросу. Очевидно, что политическая экономия в широком смысле является системой, а ее разделы — подсистемами. Подсистемы зависят от системы, но обладают и достаточной самостоятельностью. Поэтому, на наш взгляд, вполне оправдано говорить о самостоятельных разделах политической экономии, одновременно учитывая, что они выступают частями целого. Если же исследуется политическая экономия в широком смысле как целостная система, то при рассмотрении единого метода (как и предмета) следует указывать на особенности его в отдельных формациях.

В философской литературе обсуждается вопрос о свойствах метода и способах (правилах) его действия. Постановка и обсуждение этих вопросов небесспорны. По нашему мнению, можно говорить лишь о свойствах и способах действия технического или формально-логического инструментария, а не общих теоретико-познавательных и диалектико-логических принципов. В первом приближении можно сформулировать следующие свойства или требования к математическим, статистическим, формально-логическим и другим способам и приемам политэкономического исследования. Они должны:

быть ясными и понятными;

учитывать предшествующее познание;

соответствовать цели, которая поставлена перед конкретным исследованием;

быть пригодными для анализа имеющейся исходной информации;

являться достаточно надежными, т. е. способными с большой вероятностью или достоверностью обеспечивать получение искомого результата;

быть по возможности стандартными и способными образовывать алгоритмы и методические правила их применения;

являться экономичными, т. е. достигающими цели с наименьшими затратами средств и времени.

Метод политической экономии, как и метод общественных наук в целом, имеет общие черты и в то же время значительно отличается от метода естественных наук.

Специфика общественного познания заключается в том, что общество здесь выступает и как объект, и как субъект познания: люди творят историю, они же и познают ее. Это обстоятельство для познавательной деятельности оказывается и положительным (исследуемые процессы близки познающему субъ-

екту), и отрицательным (элементы субъективного в объекте и субъекте в определенной степени затрудняют получение истинного знания). Разумеется, элементы субъективного наблюдаются и при познании природы, однако в познании общества они сказываются сильнее. Следовательно, отличие метода политической экономии от метода естественных наук заключается в том, что метод политической экономии потенциально может содержать больше элементов субъективного, случайного, привносимого деятельностью исследователя. При этом черты случайного могут содержаться как в используемом политэкономом методе, сложившемся ранее, так и в его текущей познавательной деятельности. Для устранения искажающего влияния субъективных черт используемых методологических средств необходимо чаще и тщательнее проверять соответствие получаемых в ходе исследования результатов и выводов общественной практике.

Специфика общественных, в том числе экономических, отношений состоит в том, что они являются самыми сложными из всех имеющихся в окружающем мире. Отсюда вытекает необходимость иметь метод, адекватный предмету. Он должен быть совершенным, тонким, гибким. В частности, общественным явлениям в бо́льшей степени присуща неопределенность и соответственно в них содержится больше элементов случайности. Поэтому особенностью метода политической экономии следует назвать настоятельную потребность в использовании здесь средств, связанных с познанием не изолированных явлений, а их совокупности[1].

Следует отметить различия в фактическом материале, используемом в общественных и естественных науках. Как правило, естествоиспытатель имеет больше возможностей наблюдать явления и процессы непосредственно, а перед политэкономом такая возможность открывается значительно реже. Это выступает одной из причин того, что методологическими средствами политэкономии преимущественно служат различные формы абстракции, тогда как естествоиспытатель широко использует приборы, химические реактивы и т. п.

Методы политической экономии и естественных наук наиболее существенно отличаются по применяемому техническому, математическому инструментарию и незначительно — в области общих теоретико-познавательных и диалектико-логических принципов.

Понятие «метод» («метод политической экономии») надо отличать от понятия «методология» («методология политической экономии»). Еще недавно понятия «метод» и «методология»

---

[1] С этой точки зрения вполне объяснимым является такой исторический факт, как первоначальное становление и использование теоретико-вероятностных исчислений в сфере общественных отношений (А. Кетле, Д. Граунт, В. Петти).

философы отождествляли. В настоящее время между ними проводится различие, хотя интерпретируются эти понятия и их различия по-разному. Однако все ученые пришли к выводу, что названные понятия надо различать и что понятие «методология» шире понятия «метод». В чем и насколько шире — неясно, поскольку по-разному понимаются и метод, и методология.

Согласно наиболее распространенной точке зрения метод политической экономии составляет совокупность способов познания экономических отношений, а методология включает как сам метод, так и учение о нем[1]. Болгарские ученые Г. Гиргинов и М. Янков полагают, что методология не включает метод, но является наукой о методе и методах[2]. Многие советские философы (В. П. Тугаринов, В. П. Рожин, П. В. Копнин и др.) также определяют методологию как науку о методе.

На наш взгляд, эти точки зрения не совсем точны. Метод любой науки, в том числе политической экономии, представляется как описание приемов и способов познания (пусть даже их совокупности), так как учение о них содержит методология. Но это не так: теоретическое осмысление совокупности познавательных средств входит в задачу и содержание самого метода; в противном случае метод из науки, из системы знаний о познавательных средствах исследователя превращается в простой набор инструментов.

Методология политической экономии действительно шире ее метода. Она прежде всего включает сам метод с его проблематикой — учение о происхождении, структуре, взаимосвязях, субординации, способах оптимального применения, развитии, эффективности совокупности познавательных средств. Методология политической экономии, как и ее метод, включает мировоззренческий и классовый подход к исследуемым экономическим явлениям, а также критику буржуазных, реформистских и ревизионистских методологических идей. Методология политической экономии шире метода за счет включения в нее философских и экономических понятий, категорий и законов в их функции объяснения существующей экономической действительности. Помимо этого методология политической экономии охватывает исследование ее предмета и структуры, места в системе наук, теоретических основ, а также целей и задач, стоящих перед нею. За счет перечисленных элементов методология политической экономии шире ее метода.

Наряду с понятиями «метод» и «методология» в философской литературе обсуждается понятие «стиль научного познания»[3]. Стиль научного познания, так же как метод и методология, характеризует познавательную деятельность человека. Однако, если последние выражаются в явно формулируемых принципах, приемах, средствах, то стиль познания присутствует в знании в неявном виде и осознается лишь в случае теоретических размышлений философов или самих исследователей о научной деятельности. Стиль научного мышления пронизывает всю теоретическую деятельность ученого, он мало изменчив, а его изменения носят фундаментальный характер. Стиль познания связан с методом и методологией, проявляется через них, оказывает существенное влияние на их формирование, испытывая при этом обратное влияние. Стиль мышления питает интуицию ученого, определяет направление его творческих поисков. Господствующий стиль научного мышления усваивает каждое новое поколение. История познания знает ряд стилей мышления. Так, господствующим стилем классической физики был лапласовский детерминизм, а современной физики — диалектический детерминизм; господствующим стилем средневековой науки была метафизика, часто сочетавшаяся с идеализмом, а современной науки (особенно марксистско-ленинской) — материалистическая диалектика. Этот стиль мышления присущ и марксистско-ленинской политической экономии.

Понятия и термины, употреблявшиеся при обсуждении форм методологического знания, не являются однозначными. Так, понятие «метод» в литературе часто употребляется в значении отдельного методологического средства, приема (метод математический, статистический, системный, абстрагирования и т. п.)[1]. Метод политической экономии как совокупность основополагающих принципов и инструментария можно назвать методом в широком смысле, а метод как отдельный методологический прием — методом в узком смысле. В данной работе метод в большинстве случаев понимается в широком смысле.

Метод политической экономии и в широком и в узком смысле конкретизируется в способах, приемах, средствах. Например, метод абстрагирования выступает в форме исчисления экономических индексов, причинно-следственных группировок, различных приемов индукции. Сами способы, приемы, средства могут быть доведены до составления методик.

Формы методологического и методического знания в области политической экономии можно представить в виде следующей иерархии: стиль научного познания → методология → метод в широком смысле → метод в узком смысле → способ, прием, средство → методика. Причем это лишь один из вариантов иерархии рассматриваемых форм. В частности, способы, приемы, средства рассматриваются в данном случае как однородные, находящиеся на одном уровне иерархии, но при более детальном исследовании они могут быть отнесены к разным уров-

---

[1] Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975, с. 477.

[2] Вопросы философии, 1973, № 8.

[3] Микешина Л. А. Стиль и метод научного познания.— Проблемы методологии науки и научного творчества. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

[1] В обоих названных значениях термин «метод» употребляется в монографии «Метод политической экономии социализма»/Под ред. В. Н. Черковца и А. А. Сергеева. М.: Наука, 1980, с. 8, 57 и др.

ням (например, способ → прием → средство); имеются различные точки зрения на понятие «средство»; методики различают общие и частные и т. д.

2. МЕТОД И ПРЕДМЕТ. МЕТОД И ТЕОРИЯ

При раскрытии природы метода политической экономии важным выступает его соотношение с предметом и теорией политической экономии. Обратимся сначала к соотношению метода и предмета.

Если предмет науки характеризуется тем, *что* исследуется, то метод — тем, *как* исследуется. Познавательный опыт человека свидетельствует, что метод (как) зависит от предмета и определяется им (что). При этом связь метода и предмета носит непосредственный характер и вполне очевидна: например, обобщить статистический материал без статистических методов невозможно, так же как нельзя распилить дрова без пилы. Следовательно, определенный предмет (объект) исследования требует определенного метода[1]. Зависимость метода политической экономии от предмета может быть обнаружена и опосредованно: объективные стороны и закономерности предмета выражаются в категориях и закономерностях науки, а последние, осмысленные методологически, выступают элементами метода. По содержанию метод политической экономии в конечном счете детерминирован свойствами, чертами, сторонами предмета — системы производственных отношений.

Причинно-следственная связь предмета и метода выражается, в частности, в том, что с изменением предмета изменяется и метод. Это можно проиллюстрировать следующими примерами из истории политэкономического познания. Экономические отношения хозяина и работника при феодализме были достаточно прозрачными: крестьянин полдня работал на помещика, полдня на себя. Чтобы выявить и оценить степень эксплуатации, здесь не нужен сложный аппарат абстрагирования. При капитализме отношения эксплуататора и эксплуатируемого становятся неизмеримо сложнее, для их анализа потребовался более совершенный методологический аппарат, который был создан

[1] В философской литературе различаются понятия «объект» и «предмет» познания. Объектом познания считают то, на что направлена познавательная деятельность субъекта, предметом познания — исследуемые с определенной целью стороны, свойства, отношения объекта. Например, все общественные науки практически познают один объект — общество, но имеют разные предметы: политическая экономия — систему производственных отношений, экономическая статистика — количественную сторону экономических явлений, право — правовые отношения и т. д. С теоретико-познавательной точки зрения и объект, и предмет познания — феномены однопорядковые, относятся к объективной действительности и как таковые противостоят субъекту. Поэтому при общей характеристике объекта и субъекта некоторые авторы не различают понятий «объект» и «предмет» познания. Не различаются эти понятия и в настоящей работе.

К. Марксом. Другой пример. При анализе капиталистического способа производства марксистско-ленинская политическая экономия сводится в основном к исследованию и формированию системы экономических категорий и законов, выводу о неизбежной гибели последнего эксплуататорского строя. Политическая экономия социализма органически включает теоретический анализ механизма использования экономических законов, принципов и методов социалистического хозяйствования, превращается в теоретическую базу экономической политики социалистического государства. Налицо модификация предмета политической экономии, которая ведет к развитию метода. Типичным новым в методе политической экономии социализма можно назвать оптимальные расчеты важнейших народнохозяйственных показателей, которые невозможны при капитализме.

Сказанное свидетельствует о том, что метод зависит от зрелости объекта (предмета) исследования. Более развитой, зрелый объект требует более совершенного метода. Зрелый объект открывает возможность и обусловливает необходимость развития теории, а на основе более развитой теории формируется более совершенный метод. Таким образом, связь зрелости метода и объекта не непосредственна, а опосредована через развитие теории: степень зрелости объекта (предмета) → степень зрелости теории → степень зрелости метода. Разумеется, в следовании развития метода за развитием объекта нет автоматизма, развитие метода неизбежно отстает, тем более что метод изменяется на основе изменения теории. В зависимости от масштабов и глубины изменений объекта и теории такое отставание может быть весьма продолжительным. К примеру, новые методы анализа капиталистического способа производства были созданы почти через столетие после того, как в Англии практически сложились капиталистические отношения. В нашей стране построен развитой социализм, что привело к необходимости разработки новых вопросов по теории и соответствующих модификаций метода политической экономии[1].

Зависимость метода (как) от предмета (что) особенно отчетливо видна на уровне отдельных специальных наук. Несомненно, что экономика для ее познания требует иного метода, чем, например, физика, математика или история. В каждой специальной науке складывается свой метод, своя «малая логика».

Итак, содержание метода политической экономии и его движение определяются содержанием и движением ее предмета. Это означает, что метод адекватен предмету. Тесная зависимость метода от предмета определяет его действенную роль в познании, его активное влияние на реальность.

Но связь между методом и предметом политической экономии не односторонняя: не только предмет влияет на метод, определяет его, но и метод оказывает определенное обратное воз-

[1] Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 78.

действие на понимание предмета, на предвидение его изменений. Так, подлинно научный метод, примененный К. Марксом, позволил ему задолго до возникновения реального коммунизма предвидеть существенные экономические черты грядущего коммунистического общества — объекта (предмета) изучения политической экономии. Именно диалектико-материалистический метод, особенно метод восхождения от абстрактного к конкретному, дал возможность объяснить глубинные процессы капиталистического способа производства.

Если взглянуть на метод с точки зрения философии, становится очевидным следующее положение: от метода, применяемого исследователем, зависит то, что он рассматривает в качестве предмета. Так, на основе диалектико-материалистического метода исследуется такой предмет (объект) политической экономии, как сама реальная экономическая действительность, система производственных отношений, а метафизически-идеалистический метод под предметом политической экономии подразумевает хозяйствование изолированных субъектов, их психологию и т. д.

В толковании связи метода и предмета политической экономии имеются различные, иногда противоположные точки зрения. Согласно одной из них метод и предмет практически тождественны. Сторонники такой точки зрения считают, что метод — это обобщение особенностей, отношений, объективных закономерностей предмета исследования. Она основывается на мнении Гегеля, что метод не отличается от своего содержания. Но эта мысль Гегеля относится к его логике, в рамках которой метод и объект в самом деле совпадают и, более того, объективная действительность (материальное) выступает как результат процесса мышления (идеального). Критикуя за это Гегеля, К. Маркс писал: «У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»[1].

Отождествление метода и предмета лишает метод относительной самостоятельности, приводит к отрицанию его собственных проблем. Все это в конечном счете ведет к методологическому разоружению исследователя.

Другая крайность в интерпретации связи метода и предмета политической экономии — полный их разрыв. Представители этой точки зрения абсолютизируют усиливающуюся в современном мире тенденцию к интеграции наук, выступают за ликвидацию методологических различий между науками, безграничное взаимное переплетение разных методологических приемов, универсализацию метода. По их мнению, метод является не органическим порождением предмета, а представляет по отношению к нему нечто привнесенное извне. Разумеется, общность методов в современной науке велика, но это не может служить причиной для беспредельной их универсализации. Отрыв метода от предмета, также ведущий к методологическому разоружению исследователя, присущ многим субъективным школам буржуазной науки. В этой связи П. В. Копнин писал, что субъективизм «представляет метод совершенно чуждым объекту, чисто субъективной процедурой. Но если бы это было так, то метод не мог бы вести познание и практическое действие к овладению объектом»[1].

Диалектика взаимосвязи метода и предмета политической экономии заключается в зависимости происхождения и становления метода от предмета и относительной самостоятельности метода. Она приобретает особо важное значение в том случае, когда противостоит автоматическому переносу в политическую экономию познавательных приемов и средств из других наук. Все методологические принципы, включая философские, и инструментарий, привлеченный из других наук, при использовании их в политической экономии должны быть адаптированы, органически вписаны и приспособлены к предмету политической экономии. Таков вывод из диалектики взаимосвязи ее метода и предмета.

Рассмотрим теперь соотношение метода и теории, в котором содержится общее и различное по сравнению с соотношением метода и предмета.

Метод и предмет относятся соответственно к областям субъективного и объективного, метод и теория — элементы сферы субъективного. Поэтому если отношение метода и предмета является опосредованным (между ними стоит процесс образования научных понятий), то между методом и теорией опосредствующих звеньев нет.

Любая наука, в том числе и политическая экономия, выступает единством теории, т. е. совокупности знаний об объекте (предмете), выраженных в системе понятий, законов и других форм теоретического мышления, и метода. В философских категориях теорию можно определить как содержание науки, метод — как форму, а науку в целом — как диалектическое единство содержания и формы. Теорию иногда образно называют телом науки, а метод — душой науки.

Единство метода и теории непосредственно вытекает из существа метода, являющегося отображением законов науки, адаптированных применительно к познавательному процессу. В силу этого путь развития метода повторяет путь развития теории. Однако метод не следует слепо за теорией; составляя с теорией не тождество, а диалектическое единство, он обладает относительной самостоятельностью. Поэтому пути развития метода и теории совпадают лишь в тенденции, в основных чертах;

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 21.

[1] Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания, с. 81.

наряду с отображением закономерностей науки метод обладает и собственными закономерностями развития.

В процессе развития политической экономии успешная разработка метода опирается на достижения ее теории (а также достижения других наук), а разработка теории невозможна без осмысленного применения и совершенствования метода.

Процесс политэкономического познания в современных условиях осуществляется при наличии определенного метода. В ходе исследования добывается новое знание, происходит своеобразное превращение метода в теорию. Но в результате исследования и дальнейшего методологического осмысления теории метод уточняется и обогащается, происходит своеобразное превращение теории в метод. Эти циклы диалектических превращений метода и теории повторяются постоянно.

Диалектическое единство и взаимосвязь метода и теории проявляются прежде всего в прямой зависимости развития метода от развития теории. При этом следует иметь в виду, что формирование метода вслед за достижениями теории идет с определенным лагом, отставанием во времени. Эта ситуация аналогична ситуации отставания во времени степени зрелости метода от степени зрелости объекта (предмета). Различие в том, что отставание во времени развития метода и теории значительно меньше, чем метода и предмета.

Прямая зависимость метода от теории означает, что метод представляет собой концентрированное выражение теории. Чем более развита и обобщена теория, тем в конечном счете более развит и всеобщ метод. Разные понятия, их системы и даже науки в целом могут выступать в качестве обобщенных методов. Наиболее обобщенным является диалектико-материалистический метод, вытекающий непосредственно из всеобщности диалектического и исторического материализма. Весьма общий характер носит математический метод. Мексиканский философ Эли де Гортари пишет, что пример математики показывает, что «многие знания превращаются в методические инструменты, а иногда целые науки выступают в качестве методов исследования...»[1].

В основу формирования метода кладутся адаптированные к процессу познания научные понятия. Особое методологическое значение имеют теории, т. е. логические системы научных понятий. Установление взаимосвязи, координации и субординации научных понятий, составляющих определенную теоретическую систему, открывает возможность, в частности, находить недостающие звенья системы.

Но метод в исследовательском процессе играет отнюдь не пассивную роль. Выступая концентрированным выражением теории, он оказывает обратное воздействие на ее развитие. Ярким

[1] Эли де Гортари. Введение в диалектическую логику. М.: Изд-во иностр. лит., 1959, с. 299.

452

историческим примером воздействия метода на теорию является мощный импульс, который дал развитию теории общества метод материалистической диалектики, созданный гением Маркса. В качестве современного примера такого влияния можно назвать прогресс, достигнутый в анализе народнохозяйственных проблем в результате внедрения в практику экономических исследований мощных ЭВМ.

Указывая на единство метода и теории (системы знаний), П. В. Копнин писал: «Единство системы и метода носит диалектический характер. С одной стороны, ни одна система знаний полностью не реализуется в методе, она по своему содержанию богаче его. С другой стороны, возникший на основе системы метод в своем развитии обязательно выходит за ее пределы, ведет к изменению старой системы знания и созданию новой. Система более консервативна, стремится сохранить и усовершенствовать себя. Метод по своей природе более подвижен, направлен на приращение знания и создание новой системы»[1]. В этих словах, развивающих идею диалектического единства метода и теории, особенно в положении об активной роли метода, содержится мысль о несовпадении метода и теории по широте (количеству) охватываемых ими понятий. По охвату знаний, с одной стороны, теория шире метода (не вся теория реализуется в специальных приемах метода), но с другой — метод шире теории, поскольку служит приращению знания.

Отсюда, в частности, следует, что отдельные части теоретического знания при использовании их в качестве методологических средств выполняют различную роль в последующем познании. Одна часть (преобладающая) играет роль методологического подхода. Например, закон стоимости, сформулированный в политической экономии капитализма, в последующих исследованиях используется как средство понимания соответствующих процессов и основа дальнейшего уточнения его, т. е. выполняет роль методологического подхода к познаваемому объекту. Такую же роль выполняют все категории диалектической логики. Другая часть теоретических знаний преобразовывается в специальные методологические приемы. К примеру, на основе теории планомерного развития социалистического народного хозяйства создан такой специфический познавательный прием, как балансовый метод анализа пропорций. Многое из арсенала методологических приемов используется и как средство методологического подхода, в виде специфических способов, полученных в процессе преобразования теоретического знания. Например, диалектико-логический принцип взаимосвязи понятий применяется и в качестве наиболее распространенного средства методологического подхода к исследуемым явлениям, и в качестве его специфических модификаций, таких, как

[1] Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания, с. 83.

системный подход, аналитические экономические индексы, регрессионный и корреляционный анализ.

Следовательно, связанное с теорией методологическое знание применяется в исследовательском процессе в различных формах. Можно выделить следующие две части:

1. Методологическое знание, по форме совпадающее с теоретическим; последнее лишь «повернуто» к процессу познания. Таким знанием в политической экономии могут выступать любые философские и экономические понятия, категории, законы, взятые в логико-гносеологическом аспекте.

2. Методологическое знание, преобразованное из теоретического, выступающее в специфической форме особых познавательных приемов.

Обе эти части входят в метод, хотя в методологическом отношении они неравноценны. Элементы второй части подвергнуты более значительной методологической адаптации и приспособлены к выполнению функций метода в большей степени, чем элементы первой части.

Таким образом, одни и те же понятия могут выступать и теоретическим, и методологическим знанием. В результате этого усложняется их различение. Для того чтобы не допускать ошибок в процессе познания, такое различение следует осуществлять, не допуская ни отождествления, ни абсолютного противопоставления теоретических и методологических знаний. Разграничить указанные знания можно на основе установления того, каким целям они служат. Если знания раскрывают природу объекта познания, то они являются предметными, теоретическими; если характеризуют подход, путь к познанию объекта, то они относятся к методологическим.

3. ЗНАЧЕНИЕ И ЗАДАЧИ МЕТОДА

Метод политической экономии используется для получения нового политэкономического знания. В условиях социализма метод политической экономии вооружает практику мощным средством активного воздействия и революционного преобразования экономической действительности.

Человек давно осознал несомненную пользу научного метода. Английский философ Ф. Бэкон сравнивал метод со светильником, освещающим путнику дорогу в темноте: даже хромой, медленно идущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги. Немецкий ученый и писатель Г. К. Лихтенберг выразил значение метода следующими словами: «Когда людей станут учить не тому, что они должны думать, а тому, как они должны думать, то тогда исчезнут всякие недоразумения...»[1] Д. И. Менделеев говорил: «Чинить и даже строить мосты, лечить и делать другие практические дела, конечно, можно по

[1] Лихтенберг Г. К. Афоризмы. М.: Наука, 1965, с. 74.

рецептам, по наглядке, но прямо, судя по опыту, оказывается, что наилучшим способом, т. е. наивыгоднейшим по затрате времени, средств и усилий, практические дела делаются только исходя из общих начал, только при знакомстве с абстрактами... прямую пользу которых первоначально не улавливают».

Огромное значение методу научного познания придавали классики марксизма-ленинизма. Так, в рецензии 1859 г. Ф. Энгельс исключительно высоко оценил метод, примененный К. Марксом в книге «К критике политической экономии». «Выработку метода, который лежит в основе Марксовой критики политической экономии,— писал он,— мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению»[1]. Подобную оценку метода К. Маркса Ф. Энгельс дал в одном из своих последних писем: «...все миропонимание... Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод *для* этого исследования»[2]. Об учении К. Маркса как о руководстве для действия говорил В. И. Ленин[3].

Метод дает политэконому надежное средство познания экономики, дисциплинирует ход исследования, открывает возможность существенно сберегать его силы и время. Некоторые ученые в исследовании предмета идут путем «проб и ошибок», что может привести к отрицательным последствиям. Совершенно очевидно, что глубина теоретических разработок в значительной степени зависит от методологической оснащенности исследования. Ученый познает окружающее в зависимости не только от своего идейного, общеобразовательного и профессионального уровня, но и от степени овладения методом, умения мыслить. Слабое знание метода, встречающееся иногда нежелание расходовать время на основательное его изучение оказывают негативное воздействие на ход исследований, ведут к узкому эмпиризму, к отрыву практики от теории. Как отмечал академик Л. Ф. Ильичев, «узкий эмпиризм, пытающийся выдать себя за наиболее полное выражение единства теории и практики, является на деле одной из форм разрыва теории и практики, их противопоставления»[4].

Метод политэконома подобен инструменту в руках рабочего. Плох тот рабочий, который не знает своего инструмента и не умеет им пользоваться, не знает, как его починить, улучшить. Плох тот ученый, который не овладел методом своей науки, не проник в глубины его природы, не стремится к его совершенствованию.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497.
[2] Там же, т. 39, с. 352.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 84.
[4] Ильичев Л. Ф. Философия и научный прогресс. (Некоторые методологические проблемы естествознания и обществознания.) М.: Наука, 1977, с. 124.

Достижения политической экономии измеряются не только конкретными теоретическими результатами познания, но и уровнем ее метода, так как в развитии старых и создании новых методологических средств содержится залог дальнейших успехов науки, предпосылка творческого решения стоящих перед политической экономией задач в будущем. В этой связи представляет интерес следующая мысль Г. В. Плеханова: «Ошибка в результате непременно будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем, как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких частных случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой истине»[1]. Поэтому, по мнению Г. В. Плеханова, метод исследования имеет большее значение, нежели его результат. И действительно, ошибка в результате, конкретном теоретическом выводе, как правило, индивидуальна, одноразова, а ошибочный метод в последующих циклах исследования многократно повторяет неправильные выводы.

Таково в общих чертах значение метода политической экономии. Для того чтобы конкретизировать этот вопрос, обратимся к функциям политической экономии, из которых вытекают стоящие перед методом задачи. Можно выделить следующие функции марксистско-ленинской политической экономии: познавательную, идеологическую, методологическую, практическую.

Познавательная функция политической экономии заключается в познании экономических явлений, построении теоретической системы экономических законов, категорий, понятий. Полученные в ходе познания научные понятия, категории, законы служат основой формирования специфических приемов политэкономического исследования, обеспечивающих подлинно научное познание экономической действительности. Они являются также базой формирования научного мировоззрения трудящихся. В условиях социализма понятия, категории, законы политической экономии выступают теоретическим фундаментом хозяйственного управления.

Идеологическая функция политической экономии заключается в формировании научного мировоззрения рабочих, крестьян и народной интеллигенции, осуществляемого на базе познания экономических законов и категорий. Политическая экономия, раскрывая антагонистические противоречия между наемным трудом и капиталом, научно обосновывает классовый подход к анализу общественных явлений, доказывает неизбежность гибели эксплуататорского строя и победы нового бесклассового общества, показывает исторические преимущества социализма, служит основой для развертывания всесторонней идеологической работы и формирования марксистско-ленинской идеологии.

[1] Плеханов Г. В. Сочинения. Т. II. М., 1956, с. 151.

Идеологическая функция политической экономии направлена на коммунистическое воспитание трудящихся.

Методологическая функция состоит в том, что политическая экономия как наука более высокого уровня выступает методологией конкретных экономических наук (общих, отраслевых, функциональных), образует важнейшую часть метода этих наук. Например, метод такой конкретной экономической дисциплины, как экономика социалистической промышленности, не может быть создан без привлечения понятий политической экономии социализма (стоимости и цены социалистического товара, экономической эффективности социалистического производства, производительности труда и т. д.).

Практическая (управленческая) функция заключается в том, что политическая экономия служит теоретической основой управления народным хозяйством. Эта функция получает развитие в полной мере лишь в социалистическом обществе.

Следует отметить, что все функции политической экономии взаимосвязаны. Наряду с тем, что основополагающей выступает функция познавательная, остальные функции оказывают на нее обратное влияние, а также взаимодействуют друг с другом. Познавательная и идеологическая функции могут быть объединены в мировоззренческую функцию[1].

Перед методом политической экономии стоят задачи по обеспечению выполнения всех функций политической экономии. Важнейшей является задача обеспечения исследователей методологическими средствами теоретического познания экономической действительности. Решая эту задачу, метод вооружает ученого познавательными приемами и средствами, используемыми для формирования научного мировоззрения, разработки методов конкретных экономических наук, теоретического оснащения практики социалистического хозяйствования. Каждая функция политической экономии реализуется с помощью ее метода.

Значение метода политической экономии в современных условиях возрастает, что связано с изменениями как в экономической действительности, так и в самой политической экономии.

Наряду с увеличением объема экономической деятельности и информации о ней усложняются структура и взаимосвязи экономических явлений. Следовательно, предмет политической экономии и информация о нем изменяются не только количественно, но и качественно. Факты экономической действительности накапливаются со скоростью, иногда превышающей возможность их осмысления. Для того чтобы ориентироваться в экономических фактах, необходимо овладеть научным методом, ко-

[1] Некоторые ученые выделяют две функции политической экономии — мировоззренческую и практическую. (Метод политической экономии социализма/Под ред. В. Н. Черковца и А. А. Сергеева, с. 33—40.) Думается, что это не совсем точно. Во всяком случае для политической экономии характерна методологическая функция, которая несводима ни к познавательной, ни к мировоззренческой функциям.

торый служит своеобразным компасом ученого, плавающего по этому бурному, почти безбрежному океану эмпирической информации.

Большим изменениям подвергается не только объект исследования политэкономии, но и теория, сама политическая экономия, что еще более повышает значимость ее метода. В политической экономии возрастает количество научной информации (понятий, категорий и т. п.). Науковеды утверждают, что объем научной информации в фундаментальных науках, к числу которых относится политическая экономия, удваивается каждые 8—10 лет. Сами теоретические понятия становятся более глубокими по содержанию и сложными (зачастую математизированными) по форме, в меньшей степени непосредственно связанными с эмпирическим наглядным материалом. Политическая экономия обогащается новейшими представлениями о действительности как сложной, многоуровневой, вероятностной, динамической системе. Углубление познания предмета политической экономии обусловливает необходимость расширения исследования некоторых аспектов экономических отношений. Если раньше экономические отношения рассматривались в известной мере в отрыве от собственно социальных проблем и проблем окружающей природной среды, то теперь политическая экономия исследует свой предмет в теснейшей связи с названными процессами общественного развития.

В современной политической экономии значительно возросло значение научной абстракции. Это связано с повышением роли субъекта в познании. Причем усложняется процесс отделения субъективного от объективного. Ныне многие результаты науки могут быть достигнуты лишь с помощью высоконаучных абстракций, выделение которых возможно только в условиях применения метода познания.

Значение метода возрастает в связи с усиливающимися дифференциацией и интеграцией наук, их взаимопроникновением, обогащением политической экономии методами смежных наук, например математики и экономической кибернетики. Однако, высокой методологической культуры требует «вписывание» в политэкономию математики. Отсутствие диалектико-материалистического подхода на начальном этапе применения математики в экономике привело к появлению ряда неверных теоретических выводов (о природе математических оценок, сущности производственных отношений и др.).

Свойственный современному этапу развития науки процесс дифференциации идет как в политической экономии, так и в системе всех экономических и общественных наук. Этот процесс осуществляется в двух направлениях — горизонтальном (выделение отдельных координированных отраслей наук) и вертикальном (создание субординированных отраслей в пределах одной крупной науки). Следует стремиться, чтобы дифференциация наук не приводила к неоправданному раздроблению знаний,

одностороннему анализу общественных явлений, к утрате панорамного видения предмета и перспективы его развития.

Наряду с дифференциацией развития современной науке присущ противоположный процесс — интеграция, которая призвана воссоединить различные отрасли науки, синтезировать научное знание. Как и в дифференциации, здесь наблюдаются две тенденции — к горизонтальной интеграции (взаимопроникновение отдельных отраслей наук) и вертикальной интеграции (в политической экономии — упрочение ее связей с конкретными экономическими науками).

Дифференциация и интеграция — две стороны одного и того же процесса развития науки. Задача состоит в том, что они не были разорваны. Ученый должен сочетать исследование отдельных проблем, включая межнаучные и пограничные, анализ частных вопросов и деталей с широким кругозором и умением обобщать полученные знания, ориентироваться в эмпирической и научной информации.

В ходе становления развитого социалистического общества расширяются возможности и усиливается необходимость создания научной системы его экономических законов и категорий. Создание такой системы неосуществимо без научного метода. Политическая экономия должна опережать экономическую практику при решении теоретических вопросов.

Метод политической экономии при анализе производственных отношений социализма постоянно совершенствуется. Производственные отношения представляют собой наиболее сложную, динамическую систему для познания и описания. Эта система включает отношения, различающиеся по своей социально-экономической природе. В нее входят общекоммунистические, собственно социалистические отношения и отношения, которые сохранились от предыдущих способов производства и органически не присущи социализму. Социалистические производственные отношения постоянно развиваются и перерастают в коммунистические.

Необходимость тщательной научной разработки метода политической экономии при социализме обусловлена обострением борьбы с враждебной буржуазной идеологией, а также с ревизионизмом и догматизмом в экономической науке. Аргументированная наступательная критика и разоблачение враждебных нападок на марксистско-ленинскую политическую экономию (особенно социализма) возможны лишь на базе подлинно научного метода.

Метод политической экономии социализма приобретает важное значение в процессе овладения экономическими знаниями широкими слоями трудящихся. Значительной экономической информацией располагают сейчас не только политэкономы, экономисты-практики, но и рабочие, колхозники, интеллигенция в процессе работы и в процессе всеобщего экономического обучения. Метод призван максимально помочь трудящимся в изу-

чении экономики; он вооружает их элементарными знаниями в области анализа экономических явлений.

В заключение можно отметить следующее.

Научный метод необходимо знать и уметь применять в политэкономическом исследовании. Кроме того, разработка, усвоение и надежность применения методологических средств политической экономии не всегда дают непосредственный практический результат. Метод политической экономии оказывает воздействие на практику опосредованно, влияя на методы конкретных экономических наук. Методологическое политэкономическое знание в условиях социализма может оказывать и непосредственное воздействие на экономическую народнохозяйственную практику путем, например, использования в планировании закона планомерного, пропорционального развития. Практические результаты могут быть получены на основе сформированной политической экономией научной системы экономических законов и категорий социализма. Какими бы оторванными от жизни не представлялись с первого взгляда методологические политэкономические разработки, в конечном счете они оказывают (с различной степенью запаздывания) большое воздействие на экономическую практику, особенно в условиях социализма.

4. КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР МЕТОДА

В классовом обществе любая общественная наука, в том числе политическая экономия, носит ярко выраженный классовый, партийный характер. Это означает, что производственные отношения, являющиеся предметом политической экономии, различными исследователями рассматриваются с соответствующей классовой, партийной точки зрения. Анализируя вопрос об источниках и составных частях марксизма, В. И. Ленин заметил, что «„беспристрастной" социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе» [1].

Буржуазные политэкономы рассматривают капиталистические производственные отношения с точки зрения господствующего класса — буржуазии. Такая точка зрения является реакционной и утопической, направленной на затушевывание антагонистических противоречий буржуазного строя, на оправдание и защиту классового господства капиталистов. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин писал о буржуазных ученых, что *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов...» [1].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

Марксистско-ленинская политическая экономия рассматривает экономические отношения с точки зрения наиболее прогрессивного класса общества — рабочего класса, выражающего в конечном счете интересы всех трудящихся. Точка зрения рабочего класса, основывающаяся на диалектическом и историческом материализме, выступает единственно научной, правильно отражающей процессы развития общества, соответствующей прогрессивному ходу истории.

В отличие от партийности эксплуататорских классов, выражающейся в субъективизме и защите корыстных интересов эксплуататоров, партийность рабочего класса выражается в объективном подходе к анализу действительности и связана с защитой насущных интересов эксплуатируемых, с достижением высшей цели, стоящей перед рабочим классом и всеми трудящимися,— построением коммунизма. Буржуазные ученые отворачиваются от истины, затушевывают ее. Коммунистическая партийность предполагает научную объективность в анализе экономической действительности.

Классовость, партийность политэкономического исследования — методологический принцип, который обусловливает необходимость при марксистском подходе к исследованию экономических явлений всегда исходить из научного подхода к развитию экономики, т. е. из признания ее диалектико-материалистического содержания и объективности экономических законов.

Принцип классовости, партийности обязывает экономистов-марксистов вскрывать классовую природу рассматриваемых явлений и их теоретических отражений, в том числе и тех, которые сами по себе не носят непосредственно классового характера, но протекают в классовом обществе. В. И. Ленин подчеркивал, что люди всегда были и будут жертвами обмана, пока не научатся за любыми нравственными, политическими, социальными фразами разыскивать интересы тех или иных классов.

Блестящий образец классовости, непримиримой партийности политэкономического анализа представляют собой работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. «Капитал» — этот, по выражению самого К. Маркса, страшный снаряд в голову буржуазии, является классическим примером сочетания объективного, подлинно научного анализа экономической действительности с последовательной научно обоснованной защитой интересов передового класса буржуазного общества — пролетариата. Ярким примером классовости экономического анализа является книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», представляющая собой аргументированный обвинительный акт буржуазному обществу, написанный страстным революционным борцом за дело пролетариата. Классовая, партийная точка зре-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363—364.

ния проходит красной нитью во всех произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса.

Воинствующая классовость и партийность присущи всем трудам В. И. Ленина. В этом отношении своеобразным кредо выступают его слова в одной из первых работ «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Характеризуя различия между буржуазным объективизмом и марксизмом, он отмечал, что «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»[1]. Наряду с разоблачением буржуазной апологетики при исследовании капиталистической действительности В. И. Ленин дает многочисленные образцы классового марксистского подхода к анализу буржуазных общественно-экономических отношений (положение мелких крестьян и кустарей при капитализме, эксплуататорскую сущность капиталистических налогов, вкладов в сберкассы и т. д.).

Буржуазные экономисты и ревизионисты пытаются представить марксистско-ленинский классовый, партийный подход к экономической действительности и ее анализу как проявление «классового субъективизма», «примат идеологического подхода над научным». Однако это не так. Марксистская партийность не имеет ничего общего с конъюнктурным подходом, с волюнтаризмом и субъективизмом в науке, она обусловливает объективный характер исследования.

Классовость и партийность присущи как теории, т. е. содержанию политической экономии, так и ее методу. Если обратиться к конкретному содержанию буржуазной политической экономии, то обнаруживается, что на протяжении всего своего развития она характеризуется буржуазной апологетикой, сознательной антинаучной и антипролетарской направленностью[2].

Наиболее беззастенчивая классовая защита капитализма со стороны буржуазных политэкономов, реформистов и ревизионистов осуществляется в областях, тесно связанных с интересами буржуазии. Например, область производства и распределения национального дохода. Начиная с работ одного из основателей вульгарной буржуазной политической экономии Ж. Б. Сэя и кончая трудами современных буржуазных экономистов (П. Самуэльсона и др.) развивается теория факторов производства. Согласно этой теории, стоимость товара создается равноправными факторами производства и распределяется соответственно вкладу этих факторов. В качестве факторов называются (с различными модификациями) труд, капитал и земля. Поскольку участники производства получают доходы

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 419.

[2] Некоторым исключением является классическая буржуазная политическая экономия, представители которой в условиях становления капиталистической формы общества пытались объективно подойти к анализу буржуазных экономических отношений.

в соответствии с их вкладом в создание стоимости, никакой эксплуатации рабочих нет. В буржуазной литературе предпринимаются попытки изгнать из научного обихода терминологию, напоминающую об эксплуатации и классовой борьбе в буржуазном обществе. Так, рабочих предлагают называть «работополучателями», капиталистов — «работодателями», а тех и других — «социальными партнерами». Антирабочую классовую направленность, приводящую к извращениям объективной реальности, имеют и другие разделы буржуазной политической экономии.

Партийность и объективный характер теории марксистско-ленинской политической экономии социализма проявляются в создании научной экономической теории социализма, в решении текущих и перспективных экономических и социальных задач на каждом этапе социалистического строительства, в вооружении трудящихся коммунистическим мировоззрением, в воспитании у них непримиримости к недостаткам. Партийность содержания марксистско-ленинской политической экономии выражается в аргументированной критике буржуазных, реформистских и ревизионистских экономических теорий, разоблачении их антинародной, лженаучной сущности.

Теория и метод — неразрывные стороны науки, поэтому классовый характер присущ не только теории политической экономии, но и ее методу. Причем метод всех наук, включая естественные, носит более ярко выраженный классовый характер, чем их теория. Законы природы, как правило, не затрагивают интересов отдельных классов. Но применяемый метод и методологические выводы, сделанные на основе естественнонаучных открытий и теорий, имеют классовое, идеологическое значение.

На классовый характер метода, зависимость его от классового содержания исследуемого процесса указывал В. И. Ленин, критиковавший русских либеральных народников за невключение ими в программу обследования данных о скупщиках: «Предвзятая точка зрения народников,— которые идеализировали «кустарные» промыслы и изображали торговый капитал каким-то печальным уклонением, а не необходимой принадлежностью мелкого производства на рынок,— отразилась, к сожалению, и на статистических исследованиях. Так, мы имеем целый ряд подворных переписей кустарей (по Московской, Владимирской, Пермской губ.), которые подвергали точному исследованию хозяйство каждого мелкого промышленника, но опускали вопрос о *хозяйстве* скупщиков, о том, как складывается его капитал и чем определяется величина этого капитала, какова стоимость сбыта и закупки для скупщика и т. д.»[1].

Очень интересную мысль о классовой направленности методики преподавания, являющейся особой формой метода в области педагогики, высказала Н. К. Крупская: «Если цель школы — воспитать послушных рабов капитала,— и методика

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 360—361.

будет соответствующая, и наука будет использована для того, чтобы воспитать послушных исполнителей, как можно менее самостоятельно думающих, рассуждающих: если цель школы — воспитать сознательных строителей социализма, и методика будет совсем другая — все достижения науки будут использованы для того, чтобы научить самостоятельно мыслить, действовать коллективно, организованно, отдавая себе отчет в результатах своих действий, развивая максимум инициативы, самодеятельности»[1].

Отсюда можно сделать вывод, что от классовых позиций исследователя зависит степень научности метода, степень возможности проникновения в сущность исследуемых явлений.

Выше раскрыты сущность и содержание метода марксистско-ленинской политической экономии. Этот метод представляет собой совокупность основополагающих диалектико-материалистических принципов и научного инструментария, основан на марксистско-ленинской философии, определяется объектом изучения и теорией политической экономии. Строгая научность метода марксистско-ленинской политической экономии означает, что он нацелен на познание экономических отношений с точки зрения рабочего класса, является классовым, коммунистически партийным орудием анализа действительности.

Принципиально иначе обстоит дело с методом буржуазной политической экономии. Он также носит классовый характер, но классовость его буржуазная. Он, как и теория, направлен на защиту буржуазного строя, в силу чего является ненаучным, буржуазно-апологетическим. Это определяет общий подход и тяготение буржуазных экономистов к социально обезличенным понятиям, таким, как производство вообще, народ той или иной страны вообще (например, американцы, немцы и т. д.), средний доход, среднее потребление. Применение таких оценок затушевывает противоречия буржуазного общества и характеризует метод буржуазной политэкономии в целом как ненаучный.

Особенностью метода буржуазной политической экономии является его оторванность от объектов (предмета) изучения и политэкономической теории. По мнению буржуазных ученых, метод не имеет никакого отношения к объективной действительности, к законам науки, а создается чисто умозрительно. Он определяется ими как сумма, свод технических правил проведения исследований, подобных правилам проведения спортивных игр, движения транспорта и т. д. Метод якобы вырабатывается исследователем на основе субъективных потребностей в целях его удобства, в частности для упорядочения эмпирического материала. Например, известный буржуазный экономист И. Шумпетер в работе, посвященной истории экономических исследований, отождествляет прогресс в методах экономического анализа с прогрессом зубоврачебной техники[2].

[1] Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. III. М., 1959, с. 556—557.
[2] Shumpeter I. A. History of Economic Analysis. New York, 1954, p. 1145.

Следует отметить, что среди буржуазных экономистов есть отдельные авторы, которые указывают на недостатки применяемого ими метода. Американский экономист С. Шефлер, также отождествляющий метод с техникой исследования, в несовершенстве метода видит причину отставания экономической науки, движущейся, по его мнению, со скоростью улитки. Он образно сравнивает экономиста со слесарем, пытающимся обработать сталь с помощью деревянного инструмента. Некоторые буржуазные экономисты сомневаются в возможности определения научного метода. К ним относится Д. Робинсон, которая свой скептицизм выразила так: «Научный метод нечто, что существует и может быть описано, но не может быть определено»[1].

Критические элементы в оценке метода буржуазными экономистами не устраняют его классовой направленности. Соответственно своему пониманию буржуазные политэкономы трактуют метод как инструмент, не связанный ни с идеологией, ни с классовыми интересами исследователей.

Классовый апологетический характер метода буржуазной политической экономии раскрывается в исходных принципах, которые лежат в его основе и определяют его содержание. Такими главными принципами выступают идеалистическая философия и метафизический метод мышления.

Существеннейшей чертой метода буржуазной политической экономии является субъективно-идеалистический подход к анализу экономических проблем. Решающим фактором развития экономики буржуазные экономисты считают различного рода субъективные оценки. Практически все экономические явления объясняются психологическими мотивами, целями, желаниями, предпочтениями, ожиданиями отдельных личностей. Из психологических оценок, анализа склонностей людей исходил Д. Кейнс, который говорил о склонностях к потреблению, склонностях к сбережению, предпочтении ликвидности и т. п. Склонности отдельных личностей считает определяющими факторами экономики У. Ростоу. На анализе психологических мотивов построен так называемый «неоклассический синтез» П. Самуэльсона. В последнее время некоторые буржуазные ученые обращаются к психологии коллективов, т. е. к социальной психологии. Однако такая модификация психологического подхода к экономике не делает буржуазный метод научным, так как классовый характер социальной психологии игнорируется.

Важным философским источником, из которого черпаются идеи буржуазного метода, выступает весьма разветвленное течение субъективного идеализма — позитивизм и его современная форма — неопозитивизм. Для сторонников этого направления характерен принципиальный отказ от методологических обобщающих идей, которые они считают ненужными, даже вредными. Полагая, что они освобождаются от философии, по-

[1] Robinson J. Economic Philosophy. London, 1964, p. 25.

зитивисты провозглашают: всякая наука сама себе философия. Но это обманчивая видимость. По поводу ученых, не признающих методологической роли философии, Ф. Энгельс заметил, что они фактически оказываются в плену у худшей философии [1]. Отказавшись от общих «умозрительных» принципов, позитивист выступает за наглядные, частные, преимущественно формально-логические методы, которые могут быть подвергнуты эмпирической проверке. Такие методы нужны им только для систематизации эмпирической экономической информации, исследования внешней стороны явления, для сведения сложных отношений к простым, поскольку буржуазная наука даже не ставит перед собой задач теоретического обобщения. Тезис о том, что экономическая наука относится к описательным, выдвинул в 1962 г. П. Самуэльсон.

Нечто новое в проблему метода привносят представители позитивистского течения — прагматизма. Сторонник этого субъективно-идеалистического направления американский ученый Н. Решер ратует за «надежный», рациональный метод, который позволяет достичь желаемой цели. «Естественным стандартом рациональной оценки методов,— заявляет он,— является их успешность» [2].

Идеализм в методологическом подходе к истолкованию и исследованию капиталистических экономических отношений в буржуазной политической экономии является ее основной, но не единственной чертой; в ряде случаев он сочетается и мирно уживается с вульгарным материализмом. Так, многие представители позитивизма в экономике (У. Ростоу и др.) к важным причинам экономического развития наряду с психологическими относят изменения в технике. Отсюда видно, что для буржуазных экономических исследований и подходов к методу характерны эклектизм, беспринципное смешение различных, подчас противоположных исходных позиций и взглядов.

Другая характерная черта метода буржуазной политической экономии — метафизика. Она проявляется в том, что экономика рассматривается внеисторически, как механический агрегат изолированных индивидуумов, а не как единая динамическая система взаимосвязанных явлений и процессов. В соответствии с таким толкованием буржуазные производственные отношения представляются надклассовыми и вечными. Во многих случаях экономические явления рассматриваются вне связи друг с другом. Процессы изменения в экономике, игнорировать которые буржуазные экономисты не в состоянии, трактуются ими как простой количественный рост, а не как качественное развитие через разрешение противоречий.

Метафизический подход приводит к формализму буржуазных экономических исследований, заключающемуся в подмене

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 524—525.
[2] Resher N. The Methodological Pragmatism, Oxford, 1977, p. 4.

содержательного качественного анализа экономических отношений конструированием различных количественных зависимостей, схем, моделей, оторванных от реальной экономической действительности. Работы современных буржуазных экономистов пестрят теоремами и формулами математики, терминами и законами физики, принципами действительности, относительности, соответствия и т. п. Проявлением метафизического и классового характера метода буржуазной политической экономии выступает ненаучное использование экономических эмпирических фактов. Буржуазные экономисты не рассматривают факты в их взаимосвязях и взаимозависимостях, а вырывают их из системы и используют в соответствии со своими классовыми целями. Если факты не укладываются в прокрустово ложе предвзятых мнений буржуазных экономистов, то они или отбрасываются, или подвергаются прямой фальсификации. Это относится главным образом к таким областям буржуазной экономической действительности, как безработица, инфляция, стачки, распределение национального дохода, роль монополий.

Наряду с крупнейшими недостатками и апологетической направленностью метод буржуазной политической экономии содержит некоторые рациональные элементы в области техники исследования. К ним следует отнести отдельные моменты внедрения системы национальных счетов, применения математического аппарата и ЭВМ в экономическом анализе; элементы методов прогнозирования и некоторые другие. Достижения буржуазных экономистов в способах исследования после соответствующей их критической переработки могут быть использованы в марксистско-ленинской экономической науке. Называя буржуазных профессоров-экономистов учеными приказчиками класса капиталистов, В. И. Ленин ставил перед марксистами задачу «суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“ (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),— и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»[1]. Эта задача актуальна и сегодня.

5. СТРУКТУРА МЕТОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Метод политической экономии, как и любое сложное явление, имеет свою структуру. Средства познания формируются в процессе методологической переработки положений теории, а сама теория, лежащая в основе политэкономических исследований, имеет много уровней. В связи с этим и в методе политической экономии с точки зрения его функциональной и содержательной сторон также можно выделить различные уровни.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

Разные уровни метода обусловлены и структурной неоднородностью предмета (объекта) политэкономического исследования, который опосредованно (через теорию) влияет на содержание метода. Идея многоуровневости метода развивается рядом ученых, занимающихся как общей, так и политэкономической методологией познания (Л. И. Абалкин, И. Д. Андреев, Л. Ф. Ильичев, П. В. Копнин, Т. Павлов, А. А. Сергеев, В. Н. Черковец и др.).

Структура метода политической экономии непрерывно развивается и усложняется. Это вызвано усложнением предмета исследования, ускорением развития самой политической экономии, появлением множества разнообразных познавательных приемов в других науках, которые творчески применяются в политэкономии.

Структура метода может быть рассмотрена с точки зрения как горизонтали (однотипные приемы и способы в пределах одного уровня), так и вертикали (различные уровни и их субординация). Выделение и классификация способов и уровней может производиться по различным критериям. Так, можно выделить метод политической экономии в широком смысле; метод политической экономии только эксплуататорских общественно-экономических формаций; метод политической экономии одной формации. Методологические средства можно классифицировать по степени их формализации и т. д. Наиболее важна классификация уровней метода политической экономии по его содержанию, определяемому теоретическими системами, на основе которых формируются познавательные приемы и средства. С этой точки зрения, по мнению многих авторов, метод политической экономии содержит три уровня — философский, общенаучный, специфический (частнонаучный).

Философский, или всеобщий, уровень служит теоретико-познавательной и диалектико-логической основой метода политической экономии. Этот уровень включает соответствующие категории, законы и принципы марксистско-ленинской философии. Общенаучный уровень охватывает элементы (методы), общие для всех или для многих специальных наук, вышедшие за пределы конкретной области знания, в которой они первоначально применялись. К ним относятся категории и законы общих наук, используемые как методологические средства в политической экономии (формальной логики, математики, статистики и т. п.). Частнонаучный, или специфический, уровень метода политической экономии включает элементы (методы), созданные и используемые в процессе политэкономического исследования.

Уровни метода политической экономии образуют диалектическое единство. Ядро этого единства — философский уровень, являющийся теоретической базой общенаучного и частнонаучного уровней. Наряду с этим элементы (методы) общенаучного и частнонаучного уровней оказывают обратное воздействие на философский уровень, выступая материалом для его обобщений. Метод политической экономии в целом — это сложная динамическая система познавательных приемов и средств, уровней, взаимосвязанных как внутри системы, так и за ее пределами, т. е. во взаимодействии с другими науками. Каждый уровень, элемент, прием этой системы существует и действует не изолированно, а как органическая ее часть, обладающая одновременно относительной самостоятельностью.

В основе частнонаучных и общенаучных средств, методов лежат философские принципы и категории, но они не являются простым преломлением, модификацией этих принципов и категорий, а имеют самостоятельное значение, выступают знанием особого, менее высокого познавательного уровня. Соответственно сами философские категории не выступают суммой общенаучных и частнонаучных методов, а образуют отдельный, наиболее высокий уровень метода политической экономии.

В литературе встречаются неточные, на наш взгляд, высказывания о структуре метода политической экономии. В большинстве случаев метод представляется одноуровневым и определяется как метод диалектического и исторического материализма, или материалистической диалектики, или диалектической логики. Так, метод политической экономии определяется как «материалистическая диалектика, которая изучает наиболее общие законы развития природы, общества и человеческого мышления» [1]. Некоторые авторы определяют метод как «диалектическую логику, применяемую для исследования экономических процессов в их единстве и различии, в их историческом развитии» [2]. Такая точка зрения либо игнорирует, либо считает «конкретизацией» диалектико-материалистического метода все частнонаучные и общенаучные методы, без которых не обходится политэкономическое исследование, и сводит метод политической экономии к одному философскому уровню.

Существует и противоположная точка зрения, принижающая роль диалектико-материалистического метода в конкретных общественных науках, рассматривающая метод таких наук лишь как совокупность частнонаучных приемов и средств. Обе эти точки зрения носят односторонний характер.

Метод политической экономии не следует сводить к философскому уровню, противопоставлять ему другие познавательные приемы и средства. С другой стороны, нельзя сводить метод политической экономии к сумме общенаучных и частнонаучных методов, тем самым недооценивая его философский уровень. Недооценка философского уровня метода политической экономии может привести к позитивизму.

---

[1] Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 2, с. 477.

[2] Политическая экономия. Капиталистический способ производства. Т. I. Учебник для экономических вузов и факультетов. Изд. 2-е, доп./Под ред. А. М. Румянцева, Г. А. Козлова и др. М.: Политиздат, 1976, с. 21.

Глава II

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ О ПРИРОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Важнейшими функциями и задачами марксистско-ленинской философии выступают: 1) мировоззренческая, которая раскрывает природу и диалектику развития объективного мира; 2) логико-гносеологическая, которая раскрывает природу и диалектику развития познания, мышления. Круг проблем первого вида составляет предмет онтологии, второго вида — гносеологии и диалектической логики. Оба эти раздела философии имеют большое, хотя и неодинаковое, методологическое значение. Если гносеология и диалектическая логика, адаптированные к политэкономическому познанию, составляют органический философский элемент метода политической экономии, то онтология представляет собой лишь предельно общее методологическое знание, необходимое для понимания природы и диалектики развития объективной действительности. Например, на основе принципа всеобщей взаимосвязи явлений можно сделать вывод, что любое экономическое явление можно понять, рассматривая его не изолированно, а во взаимосвязи с другими. Онтология, не являясь органической частью метода, выступает элементом методологии политической экономии.

Онтологические и логико-гносеологические аспекты философии тесно взаимосвязаны как объективное содержание (объект отражения) и субъективная форма (результат отражения). Предметом анализа в данной работе является метод политической экономии, т. е. субъективное, которое следует рассматривать во взаимосвязи с объективным, т. е. онтологическим аспектом марксистско-ленинской философии.

Для политэкономического исследования, для формирования экономических законов необходимо раскрытие природы и форм разнообразных экономических явлений, выступающих предметом онтологического раздела марксистско-ленинской теории. Только правильно поняв и ясно представив полную картину экономической жизни, научно истолковав законы экономического развития, можно плодотворно заниматься политэкономическим исследованием, дальнейшим обобщением экономических фактов.

Многовековая теория и практика познания свидетельствуют, что объективный мир пронизан диалектикой, поэтому познать его можно лишь на основе последовательного применения принципов, развиваемых диалектическим и — применительно к обществу — историческим материализмом.

Одна из главнейших теоретических заслуг основоположников марксизма-ленинизма заключается в том, что они использовали материалистическую диалектику, выступающую, по словам Ф. Энгельса, аналогом действительности, как метод объяснения всего окружающего мира.

В статье «Переписка Маркса и Энгельса» В. И. Ленин писал: «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,— к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [1].

О значении сознательного диалектико-материалистического подхода при анализе фактов природы Ф. Энгельс писал: «К диалектическому пониманию природы можно прийти, будучи вынужденным к этому накопляющимися фактами естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру этих фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления» [2]. Разумеется, то же самое можно отнести и к фактам экономической действительности.

Диалектический и исторический материализм, вооружающий исследователя-политэкономa знанием всеобщих законов и принципов общественного развития, и политическая экономия, раскрывающая сущность и особенности экономической действительности, дают базу для истолкования, для подхода к изучению экономических явлений. Не руководствуясь наиболее общими законами и принципами общественной жизни, а также экономическими законами, нельзя правильно понять и исследовать сложнейший и многообразный мир экономических процессов.

В экономической науке до сих пор не уделяется должного внимания философскому осмыслению ее проблем. Иногда считают, что исследования в этой области — пустая трата сил, главное — дать конкретные предложения, сиюминутные рекомендации. Разумеется, от экономистов в первую очередь действительно требуются научные рекомендации. Однако экономическая наука, и в первую очередь политическая экономия, не в меньшей мере должна осмысливать изучаемые процессы в целом, в их сложнейших взаимосвязях с другими сферами объективного мира, в их развитии в настоящем и на длительную перспективу. Кроме того, она призвана обнаруживать диалектические противоречия и исследовать возможные пути их разрешения. Такие возможности ей открывает философия. Умение связать специальные проблемы с философией сегодня становится необходимым условием для успешных теоретических исследований в экономике, существенным показателем культуры этих исследований и важнейшей чертой современного стиля научного мышления.

Каковы же природа и механизм, диалектика развития общественных, в том числе экономических, явлений?

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 264.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 14.

1. ПРИНЦИПЫ И ЗАКОНЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РАСКРЫТИИ ПРИРОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Закономерности развития экономики. Понятие общественно-экономической формации.

Основополагающим в научном понимании окружающего мира выступает вопрос о материальности мира, первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. Буржуазные обществоведы XVIII—XIX вв. рассматривали общество как случайное скопление индивидов, изменяющееся не под воздействием объективных законов, а по воле самих людей, либо подчиняющееся «всеобщему разуму», «абсолютной идее». Они в лучшем случае отображали отдельные стороны исторического процесса, накапливали отрывочные факты, не различая важные и неважные, поскольку не располагали объективным критерием для такого разграничения. В соответствии с идеалистическими и метафизическими воззрениями на общество буржуазные социологи ограничивались бессодержательными сентенциями об обществе вообще; об обществе, соответствующем или не соответствующем «природе человека», об обществе «желательном» или «нежелательном» с точки зрения «идеала» и т. д.

Обосновав теорию материалистического понимания истории, К. Маркс показал, что окружающий мир является материальным, весь общественно-исторический процесс представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций, развитие которых подчиняется объективным законам. В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» писал, что К. Маркс покончил с распространенным воззрением на общество как на механический агрегат индивидов, «возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации...»[1].

Закономерности развития общества — это прежде всего закономерности развития материального производства. Общественные отношения сложны и многообразны, они охватывают все стороны жизни человека в обществе. Но основу всякого общества составляет материальное производство, в котором люди вступают в определенные производственные, экономические отношения. Эти отношения являются главными среди всех общественных отношений, на них строятся все другие отношения (политические, юридические и т. д.). Понятие общественно-экономической формации К. Маркс установил именно «посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»[1].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

Установление понятия общественно-экономической формации имеет огромное методологическое значение. До выработки этого понятия ученые обычно ограничивались описанием общественных явлений. С установлением этого понятия стало возможным научное изучение общественных явлений, был изгнан субъективизм и идеализм из последнего их убежища — области общественных отношений. Выделение понятия общественно-экономической формации «дало возможность перейти,— писал В. И. Ленин,— от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их...»[2]. В частности, теория общественно-экономических формаций позволила перейти от анализа отдельных сосуществующих экономических явлений к анализу целостных экономических систем, создала предпосылки для системного подхода к исследованию экономических отношений.

Понятие общественно-экономической формации раскрывает диалектику взаимосвязи экономической и идеологической, объективной и субъективной сторон в жизни общества, утверждает первичность общественного бытия, т. е. материальной жизни, и вторичность общественного сознания, т. е. духовной жизни общества. Тем самым материалистически решается основной вопрос философии о первичности материи и вторичности сознания применительно к общественным явлениям.

Положение о материальности мира, первичности общественного бытия — необходимая, обязательная предпосылка политэкономического исследования. В. И. Вернадский писал, что в основе всей научной работы лежит положение о реальности мира и его законообразности. Только при признании этого положения возможна и приемлема для человека научная работа[3]. Последовательное признание материальности мира и теории общественно-экономических формаций нацеливает на изучение материальных основ жизни людей, предполагает умение четко отделять объективное от субъективного, реальные процессы — от их истолкования, объект исследования — от средств и форм его познания. Теория общественно-экономических формаций имеет важное значение и при решении одного из аспектов основного вопроса философии — о познаваемости общественных явлений. Буржуазные ученые исходят из того, что общественные явления непознаваемы, науку об обществе создать невозможно. Ими предпринимаются попытки разоружить исследователей, внушить им неверие в возможность и необходимость познания

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 134.
[2] Там же, с. 137.
[3] Цит. по: Философская энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1964, с. 412.

социальной жизни. Марксистско-ленинская общественная наука и практика созидания новой, коммунистической общественно-экономической формации убедительно опровергают порочный тезис о непознаваемости общественных явлений.

Выделение в развитии общества отдельных этапов — формаций дает ученым-марксистам ключ к решению многих актуальных проблем. Так, в современных условиях без понятия формаций капитализма и коммунизма нельзя правильно понять сущность и значение мирного сосуществования двух мировых систем, уяснить, что нынешняя эпоха — это эпоха крушения капиталистической и становления коммунистической формации. Понятие коммунистической формации позволяет яснее представить контуры развития общественных процессов, служит путеводной нитью и основой для организации целеустремленной борьбы за победу коммунизма.

Буржуазные ученые отрицают существование общественно-экономических формаций. Так, М. Вебер выделял абстрактные, «идеальные типы» хозяйства. Сторонники теории «единого индустриального общества» считают критерием выделения технику и технологию производства. Так, У. Ростоу выделил пять стадий развития общества (традиционное, переходное и т. п.), в которых полностью игнорируются принципиальные классовые, социально-экономические различия между социализмом и капитализмом. Предпринимается попытка снять проблему классовой борьбы и революционного изменения капиталистической действительности.

Итак, окружающий мир, в том числе экономические явления, диалектически развивается по присущим ему объективным законам. Важнейшим элементом механизма развития экономических явлений выступает принцип их взаимосвязи.

Принцип взаимосвязи экономических явлений

Все явления экономической действительности находятся во взаимной связи как друг с другом, так и с явлениями другого рода (природными, политическими, идеологическими). Взаимосвязь экономических явлений предполагает наличие различий между ними. Если явления в каком-то отношении одинаковы, они равнодушны друг к другу, не взаимосвязаны в данном отношении. Так, патриархальные натуральные хозяйства как экономические ячейки первоначально не отличались друг от друга, в каждом из них производилось все необходимое и полностью потреблялось. Появление различий в этих хозяйствах означало и появление взаимных связей.

Связь между производительными силами и производственными отношениями затрагивает наиболее общие закономерности, действующие в общественно-экономических формациях. Эта взаимосвязь заключается в том, что определенные уровень, структура и темп развития производительных сил требуют определенных производственных отношений; коренное несоответствие производительных сил и производственных отношений ведет к коренному изменению производственных отношений (переход от одной социально-экономической формации к другой); в коммунистической формации частичное несоответствие производительных сил и производственных отношений вызывает необходимость совершенствования производственных отношений; новые производственные отношения открывают путь для убыстрения развития производительных сил.

В отношении межотраслевых связей особенно важно учитывать связь между промышленностью и сельским хозяйством. Замедление темпов развития сельского хозяйства может привести к замедлению в развитии промышленности, так как сельское хозяйство призвано удовлетворять возрастающие потребности населения в продуктах и ряда отраслей промышленности — в сырье. С другой стороны, для успешного развития и подъема сельского хозяйства необходимо усиленное развитие отраслей промышленности, производящих сельскохозяйственные машины, минеральные удобрения, ядохимикаты и другие промышленные товары, нужные сельскому хозяйству. Межотраслевые связи в настоящее время весьма интенсивно изучаются посредством составления специальных балансов.

Взаимосвязь одних предприятий с другими (например, поставщиков с покупателями) обнаруживается, когда в угоду местным или ведомственным интересам допускаются нарушения договоров между ними. Ярким примером взаимосвязи, покоящейся на социально-экономических различиях, доведенных до противоположностей, является связь капиталиста и рабочего, которая основывается на обладании каждым из названных таким экономическим признаком, который отсутствует у другого (у капиталиста есть капитал, но нет рабочей силы, у рабочего есть рабочая сила, но нет капитала).

Принцип взаимосвязи экономических явлений блестяще применен в трудах К. Маркса и В. И. Ленина. Капиталистические производственные отношения во всех решающих связях и взаимозависимостях К. Маркс рассмотрел в «Капитале». В. И. Ленин использовал этот принцип в трудах «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» и многих других. В этих работах он рисует широкую и разностороннюю картину разложения русского крестьянского хозяйства в пореформенную эпоху. Дифференциацию крестьянского хозяйства он рассматривает не с какой-либо одной стороны, а всесторонне: по наличию надельной, арендной, купчей земли, использованию рабочей силы, количеству и качеству скота, применению удобрений и сельскохозяйственных машин, сумме денежных доходов и расходов. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» также всесторонне, многопланово В. И. Ленин анализирует состояние мирового капиталистического хозяйства.

В качестве примеров взаимосвязей экономических явлений можно назвать связи между производительными силами и производственными отношениями, между отраслями народного хозяйства, хозяйствами различных регионов и территориальных единиц, между потреблением и накоплением, поставщиками и покупателями.

Огромное значение также имеет правильное понимание взаимосвязи между экономикой и техникой (технологией, агротехникой, зоотехникой). Технические решения нельзя принимать без учета экономической стороны дела. При анализе экономических явлений следует учитывать их связь с демографическими, политическими, юридическими и другими социальными отношениями. Решение экономических проблем неразрывно связано с решением социальных проблем, задач коммунистического воспитания, повышением сознательности масс. В ходе интенсивного освоения новых территорий и дальнейшего освоения старых районов стала ясно просматриваться тесная связь между экономическими и демографическими процессами. Связь экономики и политики особенно ярко видна в международных масштабах: именно экономические успехи нашей страны и других социалистических стран выступают наиболее весомыми факторами внешнеполитических отношений и оказывают революционизирующее влияние на классовую борьбу внутри капиталистических и освободившихся стран.

Анализ экономики показывает, что связи между ее явлениями неодинаковы по силе, характеру и направленности. Связи могут быть существенные и несущественные, прямые и обратные, постоянные и временные, непосредственные и косвенные, случайные и необходимые, внутренние и внешние. В зависимости от различной силы (тесноты) связей экономические явления оказываются стянутыми в различные «качественные узлы», блоки, комплексы, совокупности, системы. Связи между явлениями внутри отдельных качественных образований, систем наиболее тесны, между явлениями разных систем и системами в целом они либо слабы, либо практически отсутствуют.

Таким образом, экономические объекты в силу различия связей между ними и по своей природе в целом выступают в виде систем, являются системными; сама системность выступает универсальной чертой экономической действительности, а принцип взаимосвязи в определенной мере может считаться принципом системности.

Понятие системности объективного мира сложилось в течение последнего столетия. Разумеется, сам мир всегда был и остается системным, но эту его глубинную особенность человек уловил не сразу. В течение многих столетий в силу ограниченности своих познаний человек имел дело с отдельными объектами, изолированными сторонами действительности. Лишь пройдя эту необходимую познавательную ступень, он поднялся до понимания системности мира, принцип которой теперь лежит

в основе познания и истолкования экономической действительности.

Первым в научной литературе принцип системности экономических явлений разработал К. Маркс. Идея системности обнаруживается в его работах 40-х годов. Так, в «Нищете философии» он писал, что «в каждом обществе производственные отношения образуют некоторое единое целое»[1]. Однако наиболее развернутую характеристику системности содержит «Капитал», в котором капиталистический способ производства представлен целостно, как система. Принцип системности пронизывает и теорию общественно-экономических формаций.

Идея системности явлений действительности развивается в трудах Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс писал, что «вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел...»[2]. В. И. Ленин в «Замечаниях на второй проект программы партии» отметил, что использование термина капиталистические производственные отношения «без добавления слов „система" и т. п. (отношений) не указывает на нечто законченное и цельное»[3].

Принцип взаимосвязи, или системности, объективного мира служит для политэкономов важным методологическим инструментом для правильного истолкования экономической действительности. Он предполагает рассмотрение любого экономического явления, любого производственного отношения не изолированно, а в системе, во взаимосвязи с другими отношениями. Лишь в системе раскрываются роль и сущность того или иного явления, отношения. Например, трудно понять роль товарно-денежных отношений, если не знать, в какой системе социально-экономических отношений они функционируют: при капитализме категории товарно-денежного хозяйства имеют первостепенное значение, а при социализме они играют второстепенную роль.

Системный подход к исследованию экономических процессов приобрел наибольшую актуальность в условиях развитого социализма. Важной особенностью развитого социализма является его целостность как общественной системы, что требует системного рассмотрения всех его сторон (подсистем) — экономической, социально-политической, идеологической. Если раньше экономика рассматривалась преимущественно как автономная система, то теперь становится очевидным, что она является только подсистемой более высокой системы. Последняя, кроме экономики, включает подсистемы надстроечных отношений, а также подсистему отношений, складывающихся при рациональном использовании, охране и приумножении ресурсов окружающей природной среды. Необходимость такого широ-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 133.
[2] Там же, т. 20, с. 392.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 222.

кого системного «видения» общественных явлений подтверждается сказанными почти сто лет назад словами В. И. Ленина, что марксисты «были первыми социалистами, выдвинувшими вопрос о необходимости анализа не одной экономической, а всех сторон общественной жизни» [1].

Важное значение принцип взаимосвязи, или системности, экономической действительности имеет в экономической практике. Претворяемые в жизнь экономические решения должны приниматься с учетом данного принципа. В наибольшей степени это относится к капитальным вложениям в народное хозяйство.

Важным признаком экономических систем выступает их многоуровневость, иерархичность. На первых этапах познания преобладало представление об экономике как одноплоскостном, одноуровневом феномене. Применение принципа системности дало возможность перейти к представлению о структурной многоуровневой экономике. Примером такого разграничения уровней служит «Капитал» К. Маркса, в котором узловыми точками в развитии форм стоимости называются случайная, развернутая, всеобщая и денежная формы; в производстве прибавочной стоимости — абсолютная и относительная формы; в развитии способов извлечения относительной прибавочной стоимости — простая кооперация, мануфактура, капиталистическая фабрика и т. д. О сущностях разного порядка в объективном мире неоднократно говорил В. И. Ленин. В «Развитии капитализма в России» он рассматривает стадии внедрения капитализма в промышленности и земледелии, в «Империализме, как высшей стадии капитализма» и других работах анализирует две крупные ступени развития капитализма — домонополистическую и монополистическую, различные формы монополистических объединений и т. п.

Наличие множества структурных уровней в экономике отражает необычайную сложность экономических отношений. Сами экономические уровни существенно неоднородны: они могут охватывать крупные качественные этапы в развитии производственных отношений, например общественно-экономические формации, и более мелкие ступени в пределах одной качественной системы, например различные формы монополистических объединений (синдикаты, картели, тресты).

Положение о субординации структурных уровней имеет важное значение для исследования системы производственных отношений социализма. Мысль об иерархии уровней социалистических экономических отношений была высказана Н. А. Цаголовым в 1966 г., затем конкретизирована в «Курсе политической экономии»[2]. Дальнейшее развитие эта идея получила

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 161.

[2] Курс политической экономии. Социализм. Т. II/ Под ред. Н. А. Цаголова. М.: Экономика, 1970.

в работах А. А. Сергеева, В. В. Куликова и других политэкономов.

Социалистические производственные отношения характеризуются большим разнообразием уровней и звеньев. Они могут быть сгруппированы по разным критериям. Так, в литературе предлагается классификация по следующим критериям:

по воспроизводственному признаку — отношения непосредственного производства, распределения, обмена, потребления;

по глубинной сущности — отношения, связанные с присвоением средств производства и результатов труда; организационно-экономические отношения, связанные с механизмом функционирования экономики;

исходное, основное и другие производственные отношения;

по звеньям народного хозяйства — производственные отношения в народном хозяйстве в целом, в отраслях, в объединениях, на предприятиях;

по субъектам отношений — между отдельными трудящимися и обществом, между предприятием и обществом, между отдельными предприятиями, внутри предприятий и т. п.

Наиболее значима в теоретическом и практическом плане классификация, основывающаяся на характере связи различных производственных отношений социализма с общекоммунистическими отношениями. Именно в ней отражается особенность социализма как системы, перерастающей в полный коммунизм. Здесь выделяются следующие основные уровни производственных отношений.

1. Общекоммунистические, возникающие в результате революционных преобразований переходного периода. К ним принадлежат отношения социалистической общенародной собственности на средства производства, планомерный характер производства, основной экономический закон и др. На стадии социализма эти отношения сохраняют такие черты (например, наличие двух форм социалистической собственности), от которых они постепенно освобождаются, и превращаются в коммунистические отношения.

2. Специфически социалистические, установившиеся в результате социалистической революции. Пример таких отношений — распределение по труду. Эти отношения развиваются в коммунистические (распределение по труду перерастает в распределение по потребностям).

3. Отношения, перешедшие от капитализма и преобразованные в процессе развития социализма. Они не являются обязательными для нового строя и обусловлены конкретно-историческими обстоятельствами перехода к социализму в той или иной стране. К ним относятся элементы товарно-денежных отношений, а также отношения, складывающиеся в личных подсобных хозяйствах товарного типа. Отношения такого рода в процессе перехода к коммунизму отмирают.

Перечисленные группы образуют систему производственных отношений социализма, структурирование которой имеет важное значение. Процесс перерастания социализма в коммунизм нельзя представлять как процесс превращения всех социалистических экономических отношений в коммунистические, потому что некоторые отношения, существующие при социализме, не развиваются в коммунистические, а отмирают. Необходимо учитывать роль тех или иных отношений в системе при использовании их в практике хозяйствования [1].

Принцип взаимосвязи, или системности, предполагает не изолированное, не одностороннее, а взаимосвязанное, всестороннее рассмотрение экономических явлений. Но это не означает, что нужно рассматривать буквально все их стороны, все их особенности (признаки). Подобная задача практически невыполнима, так как каждое явление имеет бесчисленное множество свойств, особенностей, признаков. Даже саму всесторонность можно рассматривать эклектически-эмпирически (как бесконечное перечисление всех сторон, эмпирических подробностей) и диалектически (как учет лишь главнейших, определяющих сторон). Марксизм-ленинизм требует диалектической всесторонности, т. е. охвата важнейших, коренных признаков, отражающих суть явлений. При этом истолкование экономических явлений необходимо начинать с основного признака, отношения, основного звена, о котором неоднократно писал В. И. Ленин [2]. Основное звено определяет главные особенности, закономерности развития совокупности фактов, вокруг него группируются, ему «подчиняются» другие, менее важные, неглавные особенности явлений.

Применительно к экономической действительности основным звеном являются производственные отношения среди всех других общественных отношений, основное производственное отношение — среди различных форм этих отношений, производство — среди известных четырех моментов воспроизводства (производства, распределения, обмена, потребления). Основные звенья, узловые центральные задачи выделяются в последовательном процессе развития советской экономики. Например, в 1921—1922 гг., в период перехода от гражданской войны к хозяйственному строительству, основным звеном в хозяйственном строительстве было развитие внутренней торговли при государственном регулировании. В первые годы реконструкции народного хозяйства основным звеном выступала социалистическая индустриализация страны. Основным звеном экономики разви-

[1] Производственные отношения, в которых отражаются переходы одного качества в другое (например, от капитализма к социализму, от социализма к коммунизму), некоторые авторы предлагают называть «переходными формами». На наш взгляд, к ним могут быть отнесены общекоммунистические и специфически социалистические отношения.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 164; т. 36, с. 205.

того социализма стало создание материально-технической базы коммунизма.

При рассмотрении вопроса об основном звене важнейшее методологическое (и в условиях социализма) практическое значение имеет положение о примате производства. Его нельзя понимать как метафизическое абсолютное господство производства над распределением, обменом (обращением), потреблением. Все моменты воспроизводства образуют взаимодействующие части целого, различия внутри единства; не только производство оказывает влияние на другие моменты воспроизводства, но и последние оказывают обратное влияние на производство (при этом само производство в конечном счете служит потреблению народных масс). И тем не менее определяющим, главенствующим среди всех частей или моментов является производство; в нем заложено основное производственное отношение — отношение по поводу собственности на средства производства. В. И. Ленин писал: «Раз выяснены отношения по производству,— *тем самым* выяснилась и доля в продукте, приходящаяся отдельным классам, а следовательно, „распределение" и „потребление"» [1].

Задача создания материально-технической базы коммунизма как основное звено современного этапа коммунистического строительства в нашей стране вытекает из положения о примате производства.

Основные звенья могут быть разной степени широты и глубины охвата. Построение материально-технической базы коммунизма — этого основного звена наиболее всеобъемлющего охвата — основная задача среди экономических, социально-политических и всех других задач, вставших перед общественной практикой в связи со строительством коммунизма.

При создании материально-технической базы коммунизма перед теорией и практикой возникают основные задачи иного плана. Так, в развитии отраслей промышленности важнейшее значение придается ключевым отраслям, особенно электроэнергетике, машиностроению, нефтегазовой и химической промышленности; в сельском хозяйстве основной задачей является интенсификация производства на основе его химизации, мелиорации и механизации. Основным звеном в народном хозяйстве выступает повышение его экономической эффективности. Разные звенья экономики дают неодинаковую эффективность; среди них надо выявлять наиболее эффективные, в которые следует в первую очередь направлять капитальные вложения.

Руководствуясь метафизическим методом познания, буржуазные экономисты часто рассматривают экономические явления не во взаимосвязи друг с другом, а изолированно, в отрыве от конкретно-исторической обстановки, выхватывая то одну, то другую сторону явления. В работе «Новые данные о законах

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 196.

развития капитализма в земледелии» В. И. Ленин писал, что постарается дать картину капитализма в американском земледелии в ее целом, так как одной из главных ошибок буржуазных экономистов является выхватывание отдельных фактов и фактиков, цифр и цифирек из общей связи политико-экономических отношений.

Буржуазные ученые если и признают наличие связей, то считают их чисто внешними, случайными, не выделяя среди них существенных, определяющих. Такой несистемный подход к связям экономических явлений воплощается, к примеру, в порочной буржуазной «теории множественности факторов», согласно которой общественное развитие определяется многими равноценными «факторами» — моральными, политическими, психологическими, экономическими.

Принцип развития экономических явлений

Принцип развития экономических явлений, систем заключается в том, что все они находятся в постоянном движении и развитии, при этом развитие происходит как во времени, так и в пространстве или генетически (в развитии от зарождения к становлению и отмиранию). Отсюда следует, что и отдельные экономические явления и экономические системы в целом надо всегда рассматривать исторически, поэтому принцип развития может быть назван принципом историзма[1]. Понятие «историческое» с точки зрения онтологии может быть интерпретировано как материальный мир, т. е. объективная диалектика.

Согласно принципу историзма при истолковании экономических отношений нельзя их представлять как нечто застывшее, постоянное, неизменное, а, напротив, нужно рассматривать в динамике, в процессе исторического становления и развития. Необходимо рассматривать исторический процесс как процесс становления и развития общественно-экономических формаций, строго исторически анализировать отдельные этапы в развитии конкретных формаций, отдельные отрасли народного хозяйства, промышленности, те или иные экономические процессы.

Пытаясь понять конкретный экономический процесс, надо уяснить, как он возник, какие этапы в своем развитии прошел, чем стал теперь. Любая экономическая система развивается от зарождения к становлению, расцвету, упадку. Поэтому на

[1] Здесь развитие понимается лишь как прогрессивное движение вперед. В философской литературе рассматриваются также регрессивное и круговое движение, которые встречаются в истории общества (например, приход к власти фашизма в довоенной Германии и Италии). Однако в общественной жизни и особенно в экономике возможности регрессивного или кругового движения весьма ограничены. Это связано с тем, что общественные отношения в конечном счете определяются состоянием производительных сил, которые совершенствуются вслед за развитием науки. Исследуя общественное развитие, нельзя сбрасывать со счетов и то воздействие на развитие общества, которое оказывает прогрессивная идеология.

каждый данный момент она находится в определенной точке на траектории развития. В связи с этим выхватывание явления из системы временных координат, а также из системы взаимосвязей явлений недопустимо. Например, для того чтобы оценить роль военного коммунизма в истории народного хозяйства нашей страны, нужно принять во внимание историческую обстановку, сложившуюся после победы Великой Октябрьской социалистической революции и во время гражданской войны. Для полноты картины недостаточно учитывать результаты сельскохозяйственного производства в рамках только одного года, нужно основываться на данных за ряд лет.

Принцип историзма дает возможность видеть экономические отношения в движении, в развитии, учитывать своеобразие каждого момента и его неразрывную связь с предшествующими. Он обусловливает необходимость уяснения связи настоящего не только с прошлым, но и с будущим и, следовательно, предвидения, прогнозирования перспектив развития. Представление о процессе будет неполным, если рассматривать его без перспективы, так сказать, в двух измерениях (прошлого и настоящего). Отсюда возникает потребность в третьем измерении — прогнозировании. Таким образом, в экономическом исследовании историзм предполагает применение трехчленной формулы: прошлое — настоящее — будущее.

Принцип развития помогает экономисту разобраться в довольно-таки частой ситуации, когда он в конкретных условиях сталкивается с признаками различных этапов развития изучаемых явлений. В. И. Ленин по этому поводу писал: «...кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?»[1]

Важное значение имеет вывод о роли зачатков нового. Все развивается, поэтому сегодняшнее главное и устойчивое завтра может оказаться второстепенным и отмирающим, а сегодняшнее слабое, нарождающееся завтра окажется сильным и устойчивым. Поэтому при исследовании экономических явлений нужно ориентироваться на новое, передовое, если даже это новое в данный момент не играет определяющей роли. В связи с этим весьма существенное значение имеет выявление зачатков нового в процессе перерастания социалистических экономических отношений в коммунистические.

Для социально-экономических явлений, систем принцип историзма более актуален, чем для природных, так как первые более изменчивы, динамичны, чем вторые. При этом история свидетельствует о нарастании темпов экономического развития. Если первобытнообщинные экономические отношения прогрессировали крайне медленно, а рабовладельческие и феодальные

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181.

отношения развивались уже быстрее, то темпы развития капиталистических и особенно социалистических экономических отношений становятся еще быстрее. Убыстрение темпов экономического развития с переходом от одной общественно-экономической формации к другой происходит потому, что прогресс производственных отношений в конечном счете определяется прогрессом производительных сил. Развитие последних на начальных этапах определялось прежде всего природными условиями, на последующих этапах — разделением труда, применением техники, в настоящее время — прогрессом науки и социальными факторами. Вследствие все убыстряющегося социально-экономического развития в современных условиях можно говорить о перерастании принципа историзма в принцип динамизма.

Принцип развития, или историзма, теснейшим образом связан с принципом системности (взаимосвязи) экономических явлений. Всякая система взаимосвязанных, определенным образом структурированных явлений представляет собой не статическую, а динамическую целостность, имеет свою историю, свое начало и конец. Главное различие между принципами системности и историзма заключается в том, что первый из них акцентирует внимание на относительной устойчивости систем, а второй — на изменчивости, историчности систем.

К экономическим отношениям принцип историзма впервые применил К. Маркс. Историзм пронизывает всю теорию общественно-экономических формаций и материалистическое понимание истории в целом. Образец того, как следует анализировать экономические явления с точки зрения данного принципа, представлен в «Капитале». Экономические отношения здесь рассматриваются в их возникновении, становлении, отмирании. Свой анализ К. Маркс начинает с самой простейшей, изначальной формы обмена — случайного обмена, с самого обычного массового явления — товара. В дальнейшем прослеживается, как в процессе развития усложняются отношения обмена, как появляется особый товар — деньги, как деньги перерастают в капитал и т. д. В «Капитале» буржуазный способ производства представлен во всех его взаимосвязях и в непрерывном изменении — от самых простых экономических отношений до самых сложнейших, от зарождения до гибели. Рассмотрение капитализма в развитии дало К. Марксу возможность совершить революционный переворот в понимании буржуазного строя, определить историческое место и тенденции развития капиталистической формации.

Неоднократно на значение принципа историзма указывает В. И. Ленин. В своих трудах он тщательно прослеживает процесс внедрения капиталистических производственных отношений в отрасли народного хозяйства, анализирует возникновение и становление монополистического капитализма в мировом хозяйстве.

Принцип историзма конкретизируется в законах материалистической диалектики — перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания. Развитие социально-экономической действительности осуществляется в соответствии с этими законами.

Закон перехода количественных изменений в качественные и обратно

Согласно закону перехода количественных изменений в качественные и обратно развитие экономических явлений, систем происходит путем постепенного накопления количества и скачкообразного или постепенного перехода его в новое качество, а новое качество расширяет возможности количественного роста.

В названный закон входят понятия качества и количества. Эти понятия, как и закон в целом, имеют важное значение для понимания механизма развития экономических отношений.

Качество — это существенная определенность явления, в силу которой оно выступает данным, а не иным явлением и отличается от других явлений. Качество проявляется в совокупности существенных свойств, признаков явления, оно тесно связано с законом его развития. При утрате существенных свойств явление утрачивает прежнее качество, изменение качества означает коренное изменение сущности явления.

Количество — внешняя определенность явления, выступающая в виде величины, числа. Величина представляет собой ограниченное количество, она характеризует явление со стороны его объема, степени развития свойств, темпов протекания процессов и т. д. Величина находит внешнее выражение в числах, определяемых в зависимости от принятой системы единиц измерения. В отличие от качества, изменение которого ведет к изменению сущности явления, количество может изменяться (иногда в довольно широких масштабах) в рамках одного качества, одной сущности. Например, численность рабочих на капиталистических предприятиях может колебаться от нескольких человек до десятков тысяч.

В последние годы в связи с более глубоким исследованием экономики, в частности пониманием ее системности, возникли и развиваются новые представления о качестве экономических явлений[1]. В соответствии с этими представлениями, в экономической действительности существуют, по меньшей мере, два вида качеств экономических явлений — предметные (предметно-функциональные) и системные.

Как принцип системности в целом, так и понятие качества экономических явлений были открыты и применены впервые

[1] Например, Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1976.

К. Марксом. Различие предметного и системного уровней качества вытекает из действительного характера труда, содержащегося в товаре и выражаемого в его потребительной стоимости и стоимости. Конкретный индивидуальный труд, затрачиваемый товаропроизводителем, создает отдельные потребительные стоимости, а абстрактный общественный труд создает стоимость; при этом если потребительная стоимость формируется непосредственно на предметном уровне, то формирование стоимости происходит на уровне всей общественной системы производства товаров. Соответственно этому и складываются два вида качеств экономических явлений.

Предметные, или предметно-функциональные, качества определяются природным, или материальным, содержанием явления, его функциональным назначением. Например, пальто производится человеком из шерсти, льна, хлопка и предназначено для удовлетворения потребности в одежде. Эти качества пальто (вид материала и т. п.) конкретны, индивидуальны, могут рассматриваться обособленно от других качеств и явлений, не изменяются с изменением последних. Предметные качества выступают общими функциональными свойствами экономических явлений, не связанными с социальным строем: производство одежды, обуви и других предметов потребления, как и затраты на них ресурсов, конкретного труда, осуществляется в любой общественно-экономической формации.

Системные качества — это качества совокупностные, интегральные. Они не свойственны непосредственно конкретному явлению и обнаруживаются лишь в силу принадлежности его к системному целому, поэтому не выявляются простым наблюдением. Эти качества связаны с формационными общественными соотношениями, вследствие чего могут изменяться независимо от изменения конкретного явления. Так, содержание общественно необходимого труда в товаре непосредственно не зависит от затраченного индивидуального труда на производство этого товара. Системные качества формируются в зависимости от природы социального строя. Их нужно рассматривать не изолированно, а вместе с предметными, так как в отрыве друг от друга они не в состоянии раскрыть внутренние существенные связи объекта.

Качество и количество экономических явлений находятся в тесной взаимосвязи, составляя в единстве друг с другом меру явления. В мере качественная определенность количественна, а количественная определенность качественна. Любое явление представляет собой целостность качественной и количественной определенности.

Мера, как и качество явлений, может быть различной степени обобщенности. Различают простую, или внешнюю, и сложную системную, или внутреннюю, меру. Простая мера связана с непосредственно очевидным, но еще не исследованным, не познанным предметным качеством. Пример простой меры —

взвешивание разных товаров, которые мы эмпирически отличаем друг от друга по потребительной стоимости. Простая мера определяет явление само по себе, без учета его взаимосвязей с другими явлениями.

Системная мера характеризует явление с учетом того, что оно входит в определенную систему экономических явлений. Такой мерой является стоимость товара, устанавливаемая исходя из системы товарных отношений. Простой и системной мерами выступают также индивидуальные и общественно необходимые затраты труда на производство определенного товара.

Простая мера связана с непосредственно очевидными, чисто описательными качественными различиями товаров (как потребительных стоимостей); системная мера связана с научно познанным системным качеством товаров, воплощающих в себе общественно необходимый труд. Простая мера, синтезирующая в себе предметное качество и соответствующее количество, раскрывает только непосредственное бытие, внешнее проявление экономического явления. Системная мера, синтезирующая в себе системное качество и адекватное ему количество, ведет к раскрытию внутренних взаимосвязей, сущности экономического явления.

Взаимосвязь качества и количества проявляется в законе перехода количественных изменений в качественные и обратно. Например, в капиталистических условиях накопление денежных средств у зажиточного крестьянина в сумме, достаточной для приобретения необходимых средств производства и содержания минимума наемных работников, дает ему возможность открыть свое «дело» — организовать сыроварню, арендовать мельницу и т. п.; здесь количественные изменения переходят в качественные; простой товаропроизводитель превращается в мелкого капиталиста. С другой стороны, переход от натуральных форм крестьянского хозяйства к товарным открыл в свое время возможность увеличения у крестьян производства продуктов сверх их потребностей, для продажи. Произошел переход качества в количество. Подобный переход совершается при улучшении качества продукции, поскольку для удовлетворения определенных общественных потребностей продукции более высокого качества требуется меньше. Он также происходит, когда в ходе углубления разделения и улучшения качества труда повышается уровень его производительности. Такой процесс наблюдается при возникновении новых производственных отношений, которые приводят к расширению количественных границ общественного производства.

Закон перехода количества в качество дает основу для анализа количественной стороны экономических явлений. Без знания и учета названного закона ни о каком научном подходе к истолкованию экономических отношений не может быть и речи. Экономические явления и процессы не представляют собой однородной, однокачественной массы, они разнокаче-

ственны, разнородны, выражаются в различной количественной мере. Задача политэконома заключается в том, чтобы за различным количественным выражением экономических явлений увидеть различные качества, т. е. проследить процесс перехода количества в качество, процесс перехода старого качества в новое. Только на основе и в результате разграничения разнокачественных множеств на однокачественные типы и группы открывается возможность проникновения в существо явлений, возможность делать правильные, действенные выводы и заключения.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин в своих работах дали классические образцы исследования развития экономических явлений как перехода количественных изменений в качественные. Их труды проникнуты пониманием развития как процесса перехода количественных изменений в качественные. Такое понимание развития позволило классикам марксизма-ленинизма раскрыть существо общественно-экономических процессов.

О сфере экономических отношений К. Маркс в «Капитале» писал: «Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его „Логике", что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия» [1]. Во всем «Капитале» прослеживается понимание экономических процессов как процессов нарастания количественных изменений и перехода их в качественные. К ним можно отнести переходы от одной формы стоимости к другой, совершающиеся в результате развития обмена товаров. Переход количества в качество осуществляется при превращении денег в капитал, при возникновении кооперации и т. д.

В трудах В. И. Ленина развитие также показано как процесс перехода количественных изменений в качественные. В работе «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» он приходит к выводу о том, что распределение внепадельной аренды у крестьян свидетельствует о существовании между отдельными крестьянскими хозяйствами различий не только количественных (много арендует, мало арендует), но и качественных (арендует из нужды в продовольствии; арендует с коммерческой целью) [2]. Анализ качественно новых черт монополистического капитализма проведен в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Здесь показывается, что концентрация капитала на определенной ступени развития неизбежно приводит к господству монополий и переходу от капитализма эпохи свободной конкуренции к империализму; концентрация банков привела к громадному усилению их роли, а сращивание монополистического банкового капитала и монополистического промышленного капитала — к образованию финансового капитала.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 318.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 19.

Переходы количественных изменений в качественные могут совершаться как в рамках данной формации, так и при смене одной формации другой. Если переходы внутри формации могут быть постепенными, то одна формация сменяется другой путем крупных скачков — социальных революций.

Закон перехода количества в качество имеет большое значение для понимания социалистических экономических отношений. Примером перехода количественных изменений в качественные служит развитие социалистической системы в целом. Пространственный рост и укрепление социалистических стран определяют теперь новое качественное соотношение сил в мире, превратили социалистическую систему в основную силу мирового развития. Новое соотношение сил на международной арене привело к тому, что ныне уже бессмысленно говорить о капиталистическом окружении социалистических стран. Огромный рост в СССР производственного аппарата, совокупного общественного продукта и национального дохода, укрепление и развитие социалистической собственности свидетельствуют о переходе страны в качественно новое состояние (в рамках единой коммунистической формации) — зрелый социализм. Закон перехода количественных изменений в качественные проявляется в возникновении различного рода объединений; укрупнение социалистического производства в свою очередь ведет к совершенствованию экономической деятельности новых хозяйственных звеньев. Особенность действия данного закона при социализме заключается в том, что соответствующие переходы здесь преимущественно постепенны. Это объясняется отсутствием в социалистическом обществе антагонистических классов.

Закон единства и борьбы противоположностей

Для понимания и истолкования природы экономических явлений, систем важное значение имеет закон единства и борьбы противоположностей, согласно которому каждому явлению объективного мира присущи внутренне противоречивые, различные или противоположные стороны его. Между этими сторонами и частями единого целого, находящимися в противоречии друг с другом, постоянно происходит внутренняя борьба, выступающая источником развития, самодвижения явления; в силу этого закон единства и борьбы противоположностей может быть назван законом развития через противоречия.

Например, способ производства имеет две стороны — производительные силы и производственные отношения; единство производительных сил и производственных отношений в каждый данный момент представляет собой конкретный общественный организм на определенной ступени исторического развития; «борьба» производительных сил и производственных отношений

является движущей силой развития способа производства, движущей силой развития экономики. На основе этой «борьбы» в условиях частной собственности на средства производства развертывается классовая борьба, которая приводит к уничтожению эксплуатации человека человеком, к ликвидации общественно-экономических формаций, основанных на частной собственности на средства производства, приводит к возникновению коммунистической формации. В условиях общественной собственности на средства производства «борьба» между производительными силами и производственными отношениями приводит к совершенствованию обеих сторон способа производства, к развитию социализма и переходу к коммунизму[1].

В единстве и борьбе противоположностей выступают качественная и количественная стороны экономических явлений. Их единство представляет не что иное, как меру явления; их борьба ведет к разрушению старой меры, к переходу количества в новое качество.

Экономические явления, за исключением самых простейших, выступают в виде систем. Поэтому различия и противоположности их сторон представляются как различия (противоположности) подсистем определенной системы. При этом противоречие является реальным лишь в том случае, когда стороны, или подсистемы, относятся строго к одной и той же системе, взяты за одно время и в одном отношении. Если противостоят подсистемы разных систем или одной системы, но взятые за разное время или в разных отношениях, то различия или противоположности таких подсистем диалектического противоречия не составляют. Например, не являются противоречием различия умственного и физического труда, если речь идет об умственном труде сельского населения и о физическом — городского.

Неотъемлемым свойством диалектического противоречия выступает постоянная борьба противоположных подсистем. Если противоположности (различия) временно находятся в равновесии (силы их оказываются равными), тогда система, явление не развивается.

Развернутая картина развития как борьбы противоположностей при анализе экономических отношений дана в «Капитале». К. Маркс показывает, что всем экономическим отношениям капиталистического производства присущи противоречия; возникновение, развертывание, обострение, временное разрешение и новое нарастание этих противоречий лежат в основе всего процесса развития капитализма. Он прослеживает этот процесс, начиная с обнаружения и анализа противоречия обмена товаров, заключающего в себе зародыш всех противоречий капитализма; анализирует поэтапное развертывание названного противоречия в основное противоречие капиталистического способа производства — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения; исследует противоречия внутри класса капиталистов и т. д.

[1] Наряду с описанными здесь противоположными сторонами (производительными силами и производственными отношениями), формой выражения противоречия часто выступают различия между сторонами явления, например, между умственным и физическим трудом при социализме. Различия являются низшей формой противоречий, они могут развиться, а могут и не развиться в противоположности.

В. И. Ленин продолжил анализ противоречий буржуазного общества. В 90-х годах прошлого столетия в русской экономической литературе бытовали две неверные точки зрения на капитализм. Либеральные народники толковали капитализм как сугубо отрицательное, регрессивное явление, ведущее к разорению и деградации трудящихся масс России; легальные марксисты, наоборот, видели в капитализме чистый прогресс, царство гармонии. Эти точки зрения на русский капитализм были неверны, односторонни, так как и либеральные народники и легальные марксисты игнорировали противоречивое «единство», «тождество» противоположных сторон капитализма. Капитализм регрессивен, поскольку несет трудящимся неисчислимые бедствия, каторгу наемного труда. Но вместе с тем он прогрессивен, потому что закладывает материальные основы будущего общества, будит мысль рабочих, толкает их к организованной классовой борьбе, которая, безусловно, приведет к успеху. Эту диалектику развития капитализма раскрыл В. И. Ленин в работе «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?»[1].

В работах, посвященных империализму, В. И. Ленин исследует действие закона единства и борьбы противоположностей в условиях монополистической стадии развития капитализма. Он показывает, что на новой стадии противоречия капитализма не снимаются, не притупляются, а получают дальнейшее развитие, порождая острые конфликты. За недиалектический подход к вопросу о противоречиях монополистического капитализма В. И. Ленин критикует буржуазных экономистов и реформистов, особенно К. Каутского.

В работах периода перехода к нэпу В. И. Ленин раскрыл противоречие крестьянина как трудящегося и собственника, труженика и спекулянта, требовал четкого разграничения названных двух его сторон. «В этом разграничении *вся суть* социализма»[2].

Значение изучения реальных противоречий для политической экономии К. Маркс охарактеризовал в письме Ф. Энгельсу. «Только в том случае,— писал он,— если вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действительные противоречия, являющиеся скрытой подоплекой этих догм, только в этом случае полити-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346.
[2] Там же, т. 39, с. 277.

ческую экономию можно превратить в положительную науку»[1]. Эти слова относятся к противоречиям капитализма.

Значение изучения противоречий социализма не менее актуально. Социализм строится сознательно на основе познания законов. Это приводит к необходимости целенаправленного познания противоречий, учета их действия в повседневной экономической практике, необходимости построения экономической теории на основе понимания механизма противоречий.

Противоречиям социализма свойственны новые черты. В социалистических условиях исчезают антагонистические и существуют неантагонистические противоречия[2]. Сущность неантагонистических противоречий нового типа заключается в том, что за ними не стоят противоположные социальные силы; между двумя их сторонами имеются как единство, так и различия, противоположности (скажем, и рабочие и крестьяне имеют коренные интересы в построении нового общества и некоторые особые интересы). Если антагонистические противоречия в рамках строя (например, капитализма), в пределах которого они действуют, неразрешимы, поляризуются, их развитие ведет к взрыву, разрушительным итогам, то неантагонистические социалистические противоречия вполне разрешимы, их развитие и разрешение носят созидательный характер, ведут к совершенствованию новых отношений, сближению и соединению противоречивых сторон в новое явление (в нашем примере — рабочие и крестьяне превращаются в «работников» коммунистического общества).

Противоречиям социализма присущи иные способы разрешения. Конечно, и при социализме борьба противоположностей, различий или существенных различий является импульсом, источником развития, но эта борьба совершается в условиях крепнущего социального единства советского общества[3], сознательной и планомерной деятельности Коммунистической партии и Советского государства, которые выступают могучим средством разрешения противоречий и ускорителем развития социалистического общества. Существенно, что сама борьба противоположностей при социализме имеет новое содержание. По словам В. И. Ленина, это борьба-руководство, борьба-перевоспитание, борьба — экономическое преобразование. Рассматривая основные задачи диктатуры пролетариата, он писал, что воздействие со стороны пролетариата на всех трудящихся есть

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 145.

[2] При социализме имеются рудиментарные остатки антагонизмов прошлого (например, воровство), не вытекающие из социальной природы нового строя, а чуждые ему. Сохраняется также внешнее антагонистическое противоречие между странами социализма и капитализма.

[3] Социальное единство общества (коммунистическая идейность людей, морально-политическое единство, патриотизм, дружба народов) следует отличать от философского единства противоположностей. Если первое все время крепнет, то второе исчезает при разрешении противоречий, каждый раз уступая место другому единству.

«тоже — борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление...»[1].

Особенность разрешения противоречий социализма заключается в том, что оно осуществляется преимущественно как диалектическое сочетание, слияние, соединение противоположностей (две формы социалистической собственности сливаются в единую коммунистическую общенародную собственность и т. д.).

Главным в разрешении противоречий социализма является создание мощных производительных сил, рост производства предметов потребления и услуг. Важнейшими факторами преодоления противоречий между городом и деревней выступают совершенствование и развитие технического потенциала и социально-бытовой инфраструктуры сельского хозяйства.

Процесс борьбы и разрешения противоречий социализма протекает преимущественно в форме борьбы нарождающегося с отмирающим, нового со старым[2]. В области экономических отношений эта борьба конкретно означает столкновение и «борьбу» передовых и старых методов хозяйственной работы, примеров образцовых (показывающих, как надо работать) и плохих (показывающих, как не надо работать). Новое олицетворяется здесь в передовых участках, в бригадах, хозяйствах, районах, старое — в отсталых.

Рассмотрим, например, технический уровень предприятия. Очевидно, что на любом предприятии для выполнения стоящих перед ним задач (выпуска продукции) могут быть применены и применяются передовые технические методы или отсталые, лучшие или худшие. Исходя из закона единства и борьбы противоположностей, единство двух противоположных сторон — передовых и отсталых методов работы — представляет собой конкретный технический уровень предприятия, а борьба нового со старым служит движущей силой технического прогресса на предприятии.

Процесс борьбы между новым и старым, между передовым и отсталым при социализме развертывается в неизмеримо более благоприятных условиях, чем при капитализме. Если при капитализме борьба между новым и старым протекает, как правило, стихийно, победе нового над старым во многих случаях препятствуют эксплуататорские классы, то при социализме такая борьба протекает в условиях, когда в обществе нет классов, коренные интересы которых противоречили бы новому и заставляли бороться за старое. При этом социалистический строй не только открывает возможность организации борьбы

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 454—455.

[2] Кроме нового и старого противоречия социализма своими сторонами могут иметь новое и новое (рабочие и крестьяне), старое и старое (два примитивных метода производства). В частности, несводимы к новому и старому абстрактный и конкретный труд, производство и потребление и т. д.

между новым и старым, но и обусловливает ее необходимость. Эта борьба выступает одним из главных факторов поступательного движения экономики.

Большое значение в борьбе нового со старым имеет распространение передового опыта. На ускорение его внедрения положительное воздействие оказывает вооружение работников социалистического производства экономическими знаниями.

Весь комплекс особенностей способов разрешения противоречий социализма в целом свидетельствует об огромной и возрастающей роли субъективного фактора в этом важнейшем процессе.

Выявляя и анализируя противоречия действительности, следует иметь в виду различия их типов. По степени обобщенности и пространственного охвата среди них можно выделить всеобщие противоречия, охватывающие всю историю человечества (такие, как противоречия производительных сил и производственных отношений); общие противоречия, охватывающие не все, но ряд общественно-экономических формаций (противоречия товара); специфические противоречия общественно-экономической формации (противоречия капиталистов и рабочих); специфические противоречия отдельной ступени общественно-экономической формации (противоречия социалистического распределения общественного продукта); другие специфические противоречия локального характера.

Противоречия объективного мира могут быть подразделены на внутренние и внешние. Внутренние противоречия относятся к существу явлений, внешние — к взаимодействию явлений со средой и выступают отражением первых. Внешними выступают обособившиеся стороны внутренних противоречий, к примеру внутреннее противоречие товара (стоимости и потребительной стоимости) перерастает во внешнее (денег и товара). Если для установления внутренних противоречий требуется глубокий теоретический анализ (например, для выявления противоречий труда, затраченного на производство товара), то внешние противоречия обнаружить значительно легче: они лежат ближе или даже на самой поверхности явлений (например, противоречия спроса и предложения конкретного товара в определенном месте и периоде времени). Внешние противоречия, отражающие различия среды, конкретно-исторических условий, в которых развиваются явления, могут наложить тот или иной отпечаток на содержание явлений. Данное обстоятельство следует учитывать при решении вопроса об источнике развития явлений. Этот источник не лежит лишь во внутренних противоречиях, а заключается во взаимодействии внутренних и внешних противоречий, хотя «борьба» внутренних противоречий, несомненно, является главным компонентом источника развития[1].

[1] Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. М.: Наука, 1972, с. 189—192.

Противоречия действительно могут быть объективные и субъективные. Объективными являются противоречия, вытекающие из самого содержания экономических явлений и выступающие источником их развития; к ним относятся внутренние и внешние противоречия. Субъективными являются противоречия, возникающие вследствие различного рода ошибок и просчетов, плохой организаторской работы и других подобных причин. Первые противоречия для социализма являются необходимыми, вторые — не необходимыми, или случайными, противоречиями-помехами. Очевидно, что если субъективные противоречия следует устранять по мере их обнаружения, то объективные противоречия могут быть разрешены только тогда, когда для этого есть необходимые предпосылки. Например, при социализме в пределах отдельных форм социалистической собственности имеется противоречие между равным отношением трудящихся к основным средствам производства и неравным их отношением в присвоении продуктов, в удовлетворении их потребностей, что выражается в принципе социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Это противоречие разрешится при полном коммунизме, когда будет действовать принцип коммунизма: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Очевидно, что разрешение названного противоречия, т. е. замена принципа социализма принципом коммунизма, может быть осуществлено не в любой произвольный момент, а лишь после создания соответствующих материальных и моральных предпосылок.

Нельзя допускать также, чтобы противоречия «перезревали». Противоречие, если оно своевременно не выявлено и не преодолено, может стать источником дополнительных трудностей.

Развитию социалистических производственных отношений присущи многие другие объективные противоречия. Одним из существенных противоречий социалистической действительности выступает противоречие между общественными экономическими интересами, с одной стороны, и экономическими интересами коллективов и отдельных их членов — с другой. Так, обществу выгодно, чтобы предприятия выпускали продукцию хорошего и отличного качества, чаще обновляли ассортимент, а предприятиям и отдельным работникам иногда это невыгодно, ибо требует дополнительных затрат на улучшение качества, на переналадку оборудования и т. д. Для разрешения этого противоречия требуется разработать гибкую систему цен и экономических стимулов.

В экономическом управлении имеется противоречие между централизмом и тенденциями к местничеству и ведомственной замкнутости, наблюдаемыми в отдельных звеньях народного хозяйства и районах. Подобного рода противоречия разрешаются в процессе совершенствования сторон демократического централизма, когда устраняются бюрократический централизм и местнические (ведомственные) тенденции и для каждого кон-

кретного случая находится рациональное сочетание «противоположностей» — централизма и демократизма [1].

Кроме того, существуют противоречия между непосредственно-общественными и товарно-денежными отношениями, между потреблением и накоплением, натуральными и стоимостными связями.

Экономические противоречия любой формации, в том числе и коммунистической, не изолированы друг от друга, а составляют различные системы, находящиеся в координационных и субординационных связях. Поэтому анализ отдельных противоречий (как и отдельных явлений) без учета связи их с другими противоречиями и системой противоречий, в которую они входят, представляется недостаточным.

В системе экономических противоречий формации можно выделить исходное и основное противоречия. При капитализме такими противоречиями выступают противоречия товара и противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Что касается исходного и основного противоречий социализма, то вопрос о них (особенно об исходном противоречии) остается дискуссионным. До недавнего времени некоторые политэкономы отрицали наличие основного противоречия социализма, однако большинство ученых его признают.

Признание основного противоречия вытекает, в частности, из положения диалектики об основном звене. Основное противоречие связано с основными движущими силами и основным экономическим законом формации, является ядром системы противоречий, определяет общее направление функционирования экономики.

Весьма спорным остается вопрос о том, какое противоречие считать основным. Основное противоречие социализма многими экономистами определяется как противоречие между достигнутым уровнем производства и быстро растущими потребностями членов социалистического общества. Такое понимание основного противоречия социализма, выдвинутое еще в 30-х годах Н. А. Вознесенским, связано с основным экономическим законом социализма и является конкретизацией (применительно к социализму) всеобщего противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Постоянное разрешение этого противоречия служит мощным импульсом развития социалистической экономики.

Из закона единства и борьбы противоположностей вытекает необходимость революционно-критического подхода к экономической действительности, бескомпромиссного обнажения всех

[1] Буржуазные ученые — «советологи» утверждают, будто управление социалистическим хозяйством характеризуется абсолютным централизмом, не допускающим никакой инициативы мест, предприятий. Это свидетельствует или о явной недобросовестности, или о незнании.

противоречий — всеобщих, общих и специфических внутренних и внешних, объективных и субъективных. Только поняв, что экономическое развитие совершается через возникновение, становление и разрешение противоречий, можно научно подойти к анализу механизма существования и развития экономической действительности.

Закон отрицания отрицания

Большое значение для правильного понимания развития экономики имеет закон отрицания отрицания. Согласно этому закону процесс развития экономики идет беспрерывно от низшего к высшему, от старого к новому, от одного отрицания к другому (отрицание отрицания), а затем к следующему отрицанию и т. д. «Развитие,— писал В. И. Ленин,— как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии... таковы некоторые черты диалектики...» [1]

Диалектическое, а не безосновательное отрицание выступает моментом развития явления. Каждое явление имеет противоположные стороны, развитие и «борьба» которых приводит к новому качеству. Переход к новому качеству — это и есть отрицание старого качества или первоначального состояния явления, это есть замена тезиса антитезисом. Дальнейшее развитие приводит к отрицанию качества, образованного на этапе первого отрицания, т. е. к отрицанию отрицания (синтезу). В новом качестве, полученном в результате синтеза, сохраняется все положительное, накопившееся в процессе предыдущего развития; при этом формально происходит как бы некий возврат к исходному пункту (тезису). Благодаря отрицанию отрицания связываются последовательно сменяющие друг друга этапы развития, соблюдается постоянная преемственность, совершается поступательное движение по спирали, по восходящей линии. Закон отрицания отрицания позволяет видеть связь времени, раскрыть развитие явления в системе временных координат. Экономические работы классиков марксизма-ленинизма пронизаны оптимистическим духом признания прогресса в общественно-экономическом развитии, необходимого поступательного движения общества.

Закон отрицания отрицания, давая политэконому оружие для правильного понимания и истолкования экономической действительности, в то же время вооружает его ясной перспективой развития экономических отношений и делает анализ этого развития необходимым и осмысленным. В самом деле, если предположить, что в развитии экономики нет преемственности,

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

что она не прогрессирует, то анализ ее, в частности предшествующих этапов, становится бессмысленным, необязательным, маловажным.

Буржуазные ученые о развитии экономических отношений

Воззрения буржуазных экономистов, реформистов и ревизионистов на процесс развития экономической действительности по существу антиисторичны и метафизичны. Хотя буржуазные экономисты признают, учитывают процессы изменения и переходят от статики к динамике, динамика трактуется ими как простой количественный рост или убыль, без скачков, без противоречий, без последовательного прогресса и преемственности. Практически они признают только простое изменение, эволюцию, а не диалектическое развитие, которое включает качественные изменения, совершающиеся на основе разрешения противоречий.

Игнорируя в экономике качественно разные типы явлений, буржуазные экономисты не выделяют из анализируемых отношений отдельных однокачественных групп, социально-экономических типов, классов. Это приводит к затушевыванию классовой борьбы.

Такой подход к экономическим явлениям выражается в провозглашении буржуазных отношений вечными, неизменными. По существу этой точки зрения придерживались классики буржуазной политической экономии, занимавшиеся преимущественно количественным анализом. На таких же позициях стоят и все современные апологеты капитализма, которые тезис о вечности капитализма пытаются подтвердить ссылками на его приспособляемость, жизнеспособность, «трансформацию».

Буржуазные ученые считают, что в экономике нет внутренних противоречий. Так, представители одной из теорий буржуазной вульгарной политической экономии — теории «экономической динамики» — полагают, что в условиях капитализма можно достичь идеального бескризисного развития производства, для чего нужно только установить удачное соотношение между капиталовложениями и национальным доходом, определить нужные темпы роста производства.

Отрицание внутренних противоречий в экономических явлениях ведет к идеализму в вопросе об источниках развития экономики. В самом деле, не видя действительного источника происходящих в экономической жизни изменений, буржуазные экономисты усматривают движущую силу этих изменений в государственных реформах, в «воле» выдающихся личностей, в изменении психологии людей, в прогрессе науки и техники.

В наше время противоречия капиталистического строя настолько очевидны, что замалчивать их становится невозможным. Поэтому среди многочисленных буржуазных высказываний встречаются утверждения о том, что противоречия в буржуазном обществе есть, но они являются внешними, несущественными и в современных условиях сглаживаются, капитализм освобождается от свойственных ему прежде недостатков. Буржуазные экономисты, особенно социал-реформисты, иногда непрочь поговорить даже о классовых противоречиях, но борьбу классов они не доводят до диктатуры пролетариата, не признают ее необходимой.

Непризнание противоречий как источника развития экономики открывает широкие возможности буржуазным апологетам сочинять различные теории равновесия и гармонии классовых интересов. В капиталистических странах распространялось и распространяется множество теорий классового мира, современным вариантом которых является многоликая теория «народного капитализма».

Типичным рассуждением буржуазных ученых, основанным на огульном подходе к действительности, является рассуждение о «богатых нациях». Авторы этого понятия в число «богатых наций» включают и империалистические державы, и СССР, затушевывая тем самым вопрос об источниках богатства и ответственности первых за отсталость ряда стран Африки, Азии и Латинской Америки.

2. КАТЕГОРИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИКИ

Для изучения объективной природы экономических процессов важное значение имеют такие категории, как сущность и явление, содержание и форма, единичное, особенное и всеобщее, причина и следствие, случайность и необходимость, возможность и действительность, индивидуальное и массовое, вероятность. Эти категории, «высвечивающие» различные связи явлений, не исчерпывают всего богатства категорий материалистической диалектики, но входят в минимум категорий, без знания которых трудно разобраться в сложном механизме функционирования и развития экономической действительности.

Сущность и явление

Сущность есть внутренняя, относительно устойчивая сторона объективной действительности, определяющая природу данного явления, представляющая совокупность его глубинных, необходимых связей. Явление — свойство, выражающее внешнюю, более подвижную и изменчивую сторону действительности [1]. Сущ-

[1] Следует иметь в виду, что понятие «явление» не однозначно. Часто это понятие (как и в настоящей работе) употребляется для обозначения не одной внешней стороны предмета, а всего отдельного предмета, события. Внешние стороны предмета в свою очередь иногда называют «видимостью».

ность скрыта за поверхностью явлений и может быть обнаружена только в форме тех или иных явлений; явление представляет собой форму выражения сущности. Например, сущность цены — стоимость — не обнаруживается непосредственно на поверхности экономической жизни, а проявляется через явление, которым и выступает цена. Стоимость товара относительно устойчива (хотя и неизменна), цена — более изменчива.

Сущность и явление — две стороны объективной экономической действительности, находящиеся в диалектическом единстве, ибо как без явлений не может быть сущности, так и без сущности не может быть явлений. В связи с этим В. И. Ленин писал, что «сущность является. Явление существенно»[1].

«Сущность является» — это значит, что нет таких сущностей, которые не обнаруживались бы в каких-либо явлениях, конкретных процессах, событиях. Одна и та же сущность обычно обнаруживается во многих различных явлениях. Чем сложнее сущностное отношение, тем больше у него проявлений. Так, сущность капитализма — эксплуатация наемного труда, извлечение прибавочной стоимости. Она выражается в многочисленных явлениях: увеличении прибылей, снижении заработной платы рабочих, росте безработицы и т. д. Сущность социализма — обеспечение полного благосостояния всех членов общества и всестороннего развития личности. Она проявляется в постоянном повышении реальной заработной платы рабочих и служащих и реальных доходов колхозников, увеличении общественных фондов потребления, росте жилищного строительства и т. п.

«Явление существенно» — это значит, что любое явление так или иначе связано с сущностью, есть проявление сущности.

Сущность и явление неотделимы друг от друга, предполагают друг друга. Для того чтобы обнаружить и правильно интерпретировать их, как и любые парные категории материалистической диалектики, нужно рассматривать их в единстве.

Сущность и явление не только едины, но и противоположны, находятся в противоречии друг с другом. Их противоречивый характер виден уже из того, что они полностью никогда не совпадают. Явление богаче сущности эмпирическими подробностями, а сущность богаче явления в том отношении, что выражается в самых разнообразных явлениях, составляя их определяющую основу. В сущности представлена внутренняя, глубинная, в явлении — внешняя, поверхностная сторона действительности; сущность более постоянна, спокойна, явление подвижно, изменчиво; сущность обнаруживается через явление, тогда как явление выступает прямо и непосредственно. Противоречие между сущностью и явлением — причина того, что сущность многих явлений раскрывается лишь в результате длительных исследований. Так обстояло дело с подавляющим большинством явлений капиталистической экономики, сущность которых не могли раскрыть многие буржуазные экономисты; это удалось сделать лишь К. Марксу.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

Противоречие сущности и явлений капиталистической экономической действительности выступает наиболее ярко. В рабовладельческом обществе отношения между рабовладельцем и рабом еще ничем не затемнены, раб полностью принадлежит хозяину. Не завуалированы отношения между помещиком и крепостным при барщинном труде, ибо рабочее время крепостного делится на явные части (например, исполу). Поскольку эксплуатация выражается в присвоении рабочего времени, здесь сущность (отношение эксплуатации) лежит на поверхности, практически совпадает с явлением. При капитализме отношения между капиталистом и рабочим выступают как отношения между вещами, товарами, оцененными в деньгах, что наряду с другими причинами приводит к несовпадению сущности и явления.

Прежде всего вуалируется святая святых — источник прибавочной стоимости. В самом деле, рабочий за свой труд получает заработную плату, выступающую формой стоимости рабочей силы (стоимости средств существования рабочего). Но создается впечатление, в том числе и у самого рабочего, что он получает «стоимость труда», оплату всего отработанного времени. Эта видимость подкрепляется тем, что заработную плату рабочий получает после того, как работа выполнена и заработная плата изменяется с изменением рабочего дня. Фактически же в виде заработной платы рабочий получает оплату лишь части отработанного, необходимого времени (эквивалентного стоимости необходимых средств существования). Рабочее время, отработанное сверх необходимого, остается неоплаченным, оно создает прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистом. Так затушевывается истинный источник прибавочной стоимости, возникает не простое несовпадение (такое несовпадение бывает всегда), а вуалирование сущности в явлении.

Несовпадение сущности и явления усиливается еще больше при последующем развертывании экономических категорий. Прибавочная стоимость, созданная трудом рабочего, на поверхности принимает форму прибыли. Конкуренция уравнивает получаемые капиталистами прибыли в среднюю норму прибыли. Поэтому создается впечатление, что прибавочная стоимость создается не рабочими, а всем капиталом и величина извлекаемой капиталистами прибавочной стоимости (прибыли) не зависит от того, где и сколько затрачено труда. Источник прибыли оказался еще более скрытым, сущность и явление — еще более отдаленными.

Противоречие между сущностью и явлением углубилось в результате распадения прибавочной стоимости на земельную ренту, процент и предпринимательскую прибыль. Земельная рента здесь представляется порождением земли, процент — ре-

зультатом чудодейственной способности капитала к самовозрастанию, прибыль — платой за услуги капиталисту.

Мистификация капиталистических отношений достигает апогея, когда в умах капиталистов и их агентов оформляется пресловутая «триединая формула», согласно которой доходы капиталистического общества возникают из трех источников — земли, капитала и труда; каждый из названных источников (факторов) получает из доходов ту долю, которую он создал: земля — земельную ренту, капитал — прибыль, труд — заработную плату. Из «триединой формулы» вытекает вывод, что в капиталистическом обществе никакой эксплуатации нет, все «агенты производства» получают по справедливости. Истинный источник прибавочной стоимости в ней исчез почти бесследно, сущность эксплуатации получила наибольшее извращение, а противоречие между сущностью и явлением максимально обострилось.

Извращение буржуазных отношений не в последнюю очередь связано с товарным фетишизмом. При этом степень фетишизации и несовпадение сущности с явлением зависят от того, как далеко та или иная видимостная форма отошла от своей сущности.

Противоречие между сущностью и явлением при капитализме разрешил К. Маркс в «Капитале» путем применения опосредствующих звеньев. Этот прием дал ему возможность последовательно перейти от глубинных категорий товара, стоимости, прибавочной стоимости к категориям, лежащим на поверхности буржуазного общества,— прибыли, земельной ренте, проценту, заработной плате. Таким образом была научно раскрыта сущность капиталистической эксплуатации[1].

Несовпадение сущности и явления, противоречия между ними имеются не только при капитализме, но и при социализме. Однако тут есть различия. Разные по своей природе сущности по-разному выражаются в явлениях. Сущность процессов капиталистической экономики не только и не просто скрыта за поверхностью явлений, что характерно и для социализма, а проявляется в извращенной форме. Такого извращения нет при социализме. Социалистическим экономическим отношениям не присущ товарный фетишизм, они не разделены глубокой пропастью противоречий, характерной для капиталистической экономики. К. Маркс в свое время предсказал, что в обществе людей, «работающих общими средствами производства», отношения людей к труду и продуктам труда будут «прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении»[2]. Жизнь показывает, что в условиях социализма некоторое вуалирование экономических отношений остается, поскольку они выражаются через вещи, а также в связи с существованием промежуточных звеньев между сущностью и явлением. Например, имеются промежуточные звенья между стоимостью и ценой, законом распределения по труду и формами заработной платы, стоимостью прибавочного продукта и формами накопления социалистических предприятий.

[1] Категории, экономические формы, выступающие опосредствующими звеньями при переходе от сущности к явлению, в литературе называют превращенными экономическими формами. (Сергеев А. А. Структура производственных отношений социализма. М.: Наука, 1979.)

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 89.

На начальном этапе развития политической экономии в СССР сущность и явление производственных отношений рядом ученых практически отождествлялись. Эта неправильная позиция вскоре была опровергнута практикой. Стало очевидным, что для истолкования экономической действительности данные категории необходимо различать. При обращении к экономической реальности политэконом сталкивается с внешней стороной предметов, с явлениями, но в первую очередь его интересует внутренняя сторона предмета, его сущность, которую необходимо обнаружить за видимостными формами явлений. Возможны и такие случаи, когда явления принимаются за сущность.

Для понимания экономических процессов в большинстве случаев исследование идет от сущности к явлению. Нельзя понять форм материального стимулирования, не исходя из закона распределения по труду, нельзя понять процессов планирования, не отталкиваясь от закона планомерного развития народного хозяйства. Сама сущность социалистических производственных отношений разнопорядкова, что соответствует различным структурным уровням производственных отношений. Например, А. К. Покрытан применительно к экономическим отношениям социализма выделяет сущность общеэкономическую, являющуюся общей для двух фаз коммунистической формации, и специфическую, характерную лишь для первой фазы[1]. В литературе ставится вопрос о сущности всей системы производственных отношений социализма[2].

Буржуазная политическая экономия как раньше, так и теперь не понимает и не желает понять подлинного соотношения сущности и явления в экономической жизни; в своих обобщениях она обычно выражает в доктринерской форме представления об экономике, складывающиеся у агентов капиталистического производства. А в этих представлениях за сущность, как правило, принимается явление, видимость. «Вульгарная политическая экономия,— писал К. Маркс,— ...хватается за внешнюю видимость явления в противоположность закону явления»[3]. Например, сущность и явление смешивает П. Саму-

[1] Покрытан А. К. Особенности метода исследования формирующихся экономических систем.— Основные черты метода политической экономии. М.: Институт экономики Академии наук СССР, 1977, с. 77—78 (ротапринт).

[2] Косицына Ф. П. Отражение сущности экономических явлений в политической экономии социализма. М.: Мысль, 1979.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 317.

эльсон — один из крупных современных буржуазных экономистов. Гносеологические предпосылки неразличения буржуазной политической экономией сущности и явления в экономических процессах заложены в игнорировании учения К. Маркса о двойственном характере труда.

Содержание и форма

Каждый предмет, явление имеют форму и содержание. Содержание — это упорядоченная совокупность частей, элементов, образующих явление. Форма — это внутренняя организация, структура, способ существования содержания явления. В способе общественного производства две его стороны — производительные силы и производственные отношения — выступают как содержание и форма. Содержание каждого производственного предприятия заключается в конкретной деятельности коллектива по выпуску продукции или оказанию услуг, а форма представлена организацией, соподчинением частей предприятия, расстановкой людей.

Категории «содержание» и «форма» имеют общие черты с категориями «сущность» и «явление». Содержание и сущность отражают главное, определяющее в предмете, форма и явление — подчиненное, определяемое.

Но они имеют и немаловажные особенности. Содержание включает сущность предмета и его материальную основу, внутренние и внешние процессы, протекающие в предмете. Следовательно, содержание шире чем сущность, а сущность, поскольку она выражает главные внутренние связи,— глубже, чем содержание. Если взять стоимость товара, которая выступает и сущностью, и содержанием, то в трактовке стоимости как сущности делается акцент на обнаружение качественной ее природы (как общественного отношения), а в трактовке стоимости как содержания акцент делается на обнаружение ее субстанции (воплощение абстрактного общественно необходимого труда). Форма в отличие от явления не есть нечто только поверхностное, она внутренне проникает, пронизывает содержание, которое сформировано во всех своих элементах. В литературе обсуждается вопрос о внутренних и внешних экономических формах, присущих социалистическому производству; к первым относят непосредственно-общественные, ко вторым — товарно-денежные формы организации и развития социалистической экономики.

Содержание и форма находятся в тесном единстве, они не могут существовать друг без друга, в любом предмете всегда есть и то и другое. Единство содержания и формы проявляется в том, что они переходят друг в друга. То, что в одном отношении или в одно время выступает содержанием, в другом отношении или в другое время может стать формой, и наоборот. Так, производственные отношения для производительных сил

служат формой, а по отношению к порождаемой ими надстройке они выступают как ее содержание.

Содержание и форма составляют диалектическое единство противоположностей, находятся в противоречии и постоянной борьбе, выступающей движущей силой развития. Источник их противоречия — в различии функций, выполняемых ими в процессе развития. Содержание определяет и порождает свою форму, которая является всегда формой определенного содержания. Так, экономический строй той или иной общественно-экономической формации обусловливает соответствующую надстройку; определенные производительные силы, которые выступают наиболее динамичным элементом и с изменения которых начинается развитие, порождают свои производственные отношения.

Однако форма, находясь в зависимости от своего содержания, не пассивна, она, обладая относительной самостоятельностью, активно воздействует на содержание, выполняя при этом двоякую роль — стимулируя или замедляя развитие. Развитие предмета всегда начинается с содержания, которое более подвижно и изменчиво, форма же менее подвижна и более устойчива. В начале процесса развития форма находится в соответствии со своим содержанием, способствуя его развитию. Положим, новые производственные отношения как форма, находящиеся в соответствии со своим содержанием (производительными силами), в течение длительного периода остаются устойчивыми и стимулируют развитие производительных сил. Но со временем, по мере изменения содержания, обостряется противоречие между ним и формой. Если эти изменения незначительны, форма продолжает способствовать развитию явления. Нарастание противоречия приводит к тому, что форма устаревает, перестает соответствовать обновляющемуся содержанию и из фактора стимулирующего превращается в фактор замедляющий. Именно на этом этапе развития явления устойчивость формы становится тормозом развития. «На известной ступени своего развития,— писал К. Маркс,— материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы»[1]. Обострение противоречия между новым содержанием и старой формой вызывает «борьбу» между ними, которая приводит к замене старой формы новой, соответствующей изменившемуся содержанию. Если продолжить пример с производственными отношениями и производительными силами, то такая смена, или сбрасывание, старой формы в классово антагонистических формациях выступает как социальная революция.

Производительные силы, являясь наиболее подвижным и революционным элементом способа общественного производ-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

ства, и в условиях социализма в определенные моменты опережают производственные отношения, что порождает отдельные противоречия содержания и формы (производительных сил и элементов производственных отношений); но здесь эти противоречия благодаря политике Коммунистической партии и Советского государства, воздействующей на развитие как производительных сил, так и производственных отношений, не обостряются до антагонизма, а преодолеваются в ходе развития.

Соответствие формы и содержания нельзя понимать так, что одно определенное содержание может быть сопоставлено лишь с одной определенной формой. Относительная самостоятельность формы допускает использование одной и той же формы для выражения различного содержания (в пределах однородных явлений). К примеру, такая экономическая форма, как премия, используется для поощрения перевыполнения норм выработки, экономии сырья и материалов, улучшения качества продукции. И наоборот, одно и то же содержание может выражаться в различных формах. Так, социалистическое содержание стоимости прибавочного продукта выступает в форме налога с оборота, прибыли предприятия, платы за фонды и т. п. Нельзя одинаковыми формами выражать качественно различное содержание. Иногда тождественными по форме считают категории, используемые для выражения принципиально разного содержания капиталистической и социалистической экономики (товар, деньги, кредит, прибыль и др.). На наш взгляд, такое отождествление безосновательно, оно приводит к разрыву формы и содержания.

Модификацией категорий «содержание» и «форма» выступают категории «элемент» и «структура». Элемент — это относительно устойчивая, качественно определенная реальность, связанная с другими элементами и образующая вместе с ними целостную систему. Структура — это относительно устойчивая система необходимых связей элементов, образующих целое. Названные новые категории конкретизируют традиционные категории «форма» и «содержание», при истолковании экономической действительности могут применяться вместо них или параллельно с ними, но особенно широкое применение они находят при рассмотрении системных объектов.

Единичное, особенное и всеобщее

Для понимания природы экономических явлений существенное значение имеют категории материалистической диалектики «единичное», «особенное» и «всеобщее(общее)». Единичное характеризует только отдельное явление, его внешние связи. В нем отражаются черты и свойства явления. Всеобщее — то, что характеризует все явления данного рода, связано с их внутренними сущностными отношениями. Во всеобщем отражаются общие черты и свойства явлений. Особенное характеризует не одно, не все, а группу явлений; в одном отношении особенное может выступать всеобщим, в другом — единичным. Так, единичным, особенным и всеобщим является отдельный совхоз, группа животноводческих совхозов и совхозы вообще; труд в социалистической промышленности, труд при социализме и труд вообще; личные, коллективные и общественные экономические интересы. Во всеобщем и особенном находят отражение объективное единство и взаимосвязь явлений мира.

Единичное и всеобщее (общее) представляют собой различные стороны отдельных явлений. Каждое отдельное явление есть единство единичного и всеобщего. Такое единство дает основу для познания действительности: познавая отдельное, которое только и дано нам в ощущении, мы можем познать и всеобщее по его частям, имеющимся в отдельном.

Категории единичного, особенного и всеобщего находятся в диалектическом единстве, они взаимодействуют и взаимопереходят друг в друга. То или иное явление с различных точек зрения может выступать и единичным, и особенным, и всеобщим. Например, коллективные экономические интересы на том или ином предприятии по отношению к общественным и личным интересам являются особенным, и лишь по отношению к общественным интересам могут рассматриваться как единичное, а по отношению к личным интересам работников данного предприятия они будут всеобщим.

Между единичным, особенным и всеобщим существуют различия и противоположности, «борьба» которых ведет к развитию явлений. В переходе единичного в особенное и всеобщее выражается поступательный ход развития объективной действительности.

Рассматривая экономический процесс как единство всеобщего, особенного и единичного, надо иметь в виду неравнозначность этих моментов. Ведущей из названных категорий выступает всеобщее (и особенное), в котором выражается сущность явлений; так, среди экономических интересов ведущим выступает общественный. Понятие единичного близко к понятию явления, в нем имеется большой элемент случайности.

Единство, взаимосвязь и взаимопроникновение всеобщего, особенного и единичного свое классическое воплощение нашли в «Капитале» К. Маркса. В частности, исследование экономических категорий случайной, полной и всеобщей формы стоимости товара служит иллюстрацией процесса перехода единичного к особенному, а затем к всеобщему.

Тщательный учет общего и единичного В. И. Ленин считал важнейшим методологическим принципом подхода к анализу действительности. Так, в 1902 г. он критиковал проект программы партии, составленный Плехановым, за то, что в нем говорилось о капитализме вообще, но не говорилось о русском капитализме. В статье «Отношение к буржуазным партиям» (1907 г.) В. И. Ленин разъяснял, что отдельное, частное надо

рассматривать в свете общего, частные вопросы решать на основе общих положений. Тот, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих,— писал он,— тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы»[1]. После Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин показал, что основным принципом управления социалистическим хозяйством является демократический централизм. В этом принципе находят яркое воплощение связь и взаимопроникновение единичного, особенного и всеобщего.

Из связи единичного, особенного и всеобщего следуют важные методологические выводы. Для того чтобы правильно ориентироваться в данной конкретной экономической ситуации, надо знать общие закономерности развития. Но знание только общих законов еще не дает ответов на конкретные вопросы, общие положения следует применять с учетом конкретной обстановки. Так, в социалистическом производстве действует закон неуклонного подъема производительности труда, но этот закон по-разному проявляется в различных отраслях и районах страны. Преобразование капиталистического общества в социалистическое подчиняется общим экономическим законам, однако в каждой отдельной стране, строящей социализм, общие экономические законы проявляются конкретно, в зависимости от специфики той или иной страны. Политика партии должна строиться на учете и общего, и конкретного в развитии отдельных стран. В. И. Ленин писал, что «только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»[2]. Проблема учета всеобщего, особенного и единичного становится все более актуальной по мере вступления новых и новых стран на путь прогрессивных социальных преобразований.

Правильное сочетание всеобщего, особенного и единичного требуется при истолковании и анализе производственных отношений социализма. Из ведущей роли всеобщего следует, что реальные социалистические производственные отношения можно понять лишь тогда, когда они рассматриваются на основе и в свете отношений общекоммунистических. Исходя из приоритета общеэкономических отношений и общественных экономических интересов должны составляться планы экономического и социального развития страны, приниматься экономические решения на всех уровнях народного хозяйства.

Буржуазные экономисты, социал-реформисты и ревизионисты не учитывают диалектики всеобщего, особенного и единичного, что приводит их к ошибочным воззрениям. Так, экономисты-догматики абсолютизируют всеобщее. К ним можно отнести классиков буржуазной политической экономии, признававших только вечные экономические законы. Противоположные позиции занимают экономисты-позитивисты, отрицающие реальность всеобщего, считающие его порождением ума. Игнорируют всеобщее, абсолютизируют единичное и особенное различного рода социал-реформисты и ревизионисты, которые полагают, что каждая страна должна идти к социализму своим особым путем.

Неспособность понять диалектику единичного, особенного и всеобщего демонстрируют западногерманские неолибералы, выступающие с теорией двух «идеальных типов хозяйства» — рыночного и центрально-управляемого. По их мнению, рыночное хозяйство характеризуется абсолютной децентрализацией, центрально-управляемое хозяйство (которое они отождествляют с социалистическим) — абсолютной централизацией. Неолибералы пытаются доказать, что социалистическая система якобы держится лишь на приказах из центра, имеет не экономическую, а политическую основу, лишена экономических стимулов жизнедеятельности. Разумеется, эта точка зрения неверна. Для социализма характерно сочетание централизации и децентрализации, экономических и политических, объективных и субъективных факторов.

Причина и следствие

Экономические явления и их стороны находятся в причинно-следственной взаимосвязи друг с другом, при которой определенные взаимодействия сторон вызывают соответствующие изменения в явлениях. Взаимодействие сторон явлений — следствие. Иногда причину определяют (недостаточно корректно) как явление, вызывающее возникновение данного явления, а следствие — как явление, которое порождается действием другого явления, выступающего причиной.

Причина предшествует следствию во времени, но не всякое следование во времени означает причинно-следственную связь; оно может быть отношением сопровождения, сопутствования или простого следования (изменение одного явления сопровождается, а не вызывается другим). Между причиной и следствием наблюдается генетическая связь: причина порождает, производит следствие, в силу чего через названные категории раскрывается происхождение явлений.

Категории «причина» и «следствие» подобно другим парным категориям находятся во взаимосвязи и взаимодействии, они едины и противоположны, могут переходить друг в друга. Например, уровень производительности труда является одной из причин выпуска предприятием определенного объема продукции; с другой стороны, конкретный уровень производительности труда может рассматриваться как следствие влияния таких явлений (причин), как фондовооруженность труда рабочих, их квалификация, уровень организации труда и др. Повышение

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.
[2] Там же, т. 26, с. 142.

цены капиталистического товара вызывает падение спроса на этот товар (цена — причина, спрос — следствие), а падение спроса приводит к понижению цены (цена — следствие, спрос — причина).

Причина и следствие переходят друг в друга в случаях, когда явления находятся на разных уровнях субординации, относятся к различным системам. Так, производительность труда — причина создания продукта, она выступает здесь первичным фактором создания продукта. Но сама производительность труда — следствие фондовооруженности, квалификации, уровня организации труда рабочих, являющихся уже вторичными факторами. Всего в описанной системе три «этажа»: результативное явление, выступающее следствием (объем продукции); первичная причина объема продукции (производительность труда); вторичные причины объема продукции — фондовооруженность, квалификация, уровень организации труда рабочих. Первичная причина по отношению ко вторичным может рассматриваться и как следствие последних.

Поскольку экономические явления находятся в сложных взаимных, в том числе субординированных причинно-следственных, связях, то выделение той или иной пары причины и следствия осуществляется путем мысленного извлечения их из всеобщей взаимосвязи.

Из двух рассматриваемых категорий ведущей выступает причина, в которой проявляется активная сторона развития предмета, служащая основой взаимодействия. Эта основа, нередко выступающая как конечная причина, может действовать не прямо, а опосредованно. Например, конечной причиной сохранения товарного производства при социализме является уровень развития производительных сил. Но на поверхности экономики это выступает в виде таких непосредственных причин, как обособление хозяйственных единиц, недостаточная зрелость труда как непосредственно-общественного и т. д.

Однако активный характер причины не означает, что следствие пассивно; оно оказывает обратное влияние на причину. Если вернуться к соотношению цены и спроса, то очевидно, что понижение спроса, вызываемое повышением цены, оказывает обратное воздействие на цену, замедляя ее повышение. Факт обратного воздействия следствия на причину имеет чрезвычайно важное значение для материалистического объяснения целей и целесообразности, на нем основан принцип кибернетики — принцип обратной связи.

Явление (или группа явлений) может вызвать другое явление не всюду и не всегда, а при определенных условиях, которые надо отличать от причин. Если причина порождает явление, то условие лишь содержит материал для его возникновения. Так, причиной превращения конкретного мелкого товаропроизводителя в капиталиста выступает получение в его хозяйстве такой суммы чистого дохода (превышение выручки над

затратами), которая давала бы возможность ему нанимать работника. Такое превращение совершается только в условиях, когда у предпринимателя имеются деньги, необходимые для приобретения средств производства и найма рабочих, а на рынке труда — «свободная» рабочая сила[1].

Наличие тех или иных условий оказывает различное влияние на формирование явлений. В зависимости от определенных условий явление может быть следствием разных причин; например, определенная рабочая профессия может быть получена посредством индивидуального ученичества, обучения в средней школе с политехническим уклоном, в специальной заводской школе, в техническом училище. С другой стороны, одна и та же причина может приводить к различным следствиям; так, затраты труда в зависимости от условий, в которые он поставлен (отрасль, наличие средств производства, уровень организации), приводят к выпуску неодинаковой качественно или количественно продукции.

В большинстве случаев экономические явления образуются не как результат жестко однозначных связей причин и следствий (одной причины и одного следствия), а как результат совместного взаимодействия многих причин и многих следствий (множественность причин и следствий). Иными словами, для механизма образования экономических явлений типична статистическая природа причинности с вероятностным характером ее проявления. Редко встречающаяся в экономике жестко однозначная причинность — частный случай статистической причинности.

Можно выделить несколько разновидностей причин. Основными являются внутренние и внешние. Внутренние причины действуют в самом явлении, отражают качественную его особенность, связаны с необходимыми признаками явления. Внешние причины не определяют существа предмета, они случайны по отношению к его качеству, носителем их выступают другие явления. К внутренней причине общественного развития можно отнести способ материального производства. К случайным — причины, связанные с действиями тех или иных исторических личностей, стихийными явлениями природы и т. п.

То или иное экономическое явление формируется прежде всего в зависимости от внутренних причин. Но и внешние причины накладывают отпечаток на облик явления. В конечном счете источником развития служит взаимодействие внутренних и внешних причин. Внешние причины играют неодинаковую роль в формировании явления в зависимости от интенсивности действия внутренних причин. Чем сильнее действуют внутрен-

[1] От причины нужно отличать еще повод — событие, которое непосредственно предшествует другому, начинает его, но не порождает. Например, массовый выброс капиталистами на рынок товарных запасов может создать впечатление, что он является причиной экономического кризиса. Фактически же это лишь повод; причина, как известно, лежит значительно глубже.

ние причины, тем больше они ограничивают влияние внешних причин.

Различают причины главные (определяющие, решающие) и неглавные (побочные, второстепенные). Внутренняя причина общественного развития — способ материального производства — является и главной причиной этого развития. Смешение главных и неглавных причин, рассмотрение всех причин как равноценных в формировании явления — одна из черт метафизического подхода к природе явлений. Так, буржуазные ученые приходят к выводу, что признание какого-либо «доминирующего» фактора ведет к «односторонности», поэтому они ратуют за признание в экономическом процессе равноправными всех факторов, даже не обязательно причинных, в том числе самых незначительных, несущественных. Такое отрицание «односторонности» на деле приводит к идеалистической точке зрения на экономику.

В экономических явлениях надо вычленять причины объективные, не зависящие от воли и сознания людей, классов, партий, и субъективные, представляющие собой деятельность классов, партий и отдельных личностей. Если люди, классы, партии действуют в соответствии с объективными причинно-следственными отношениями, складывающимися в экономике, то развитие ее ускоряется; если они действуют наперекор объективным причинам явлений, процесс развития экономики замедляется.

Причинно-следственные связи, являющиеся формой всеобщей взаимосвязи, объективны. Они присущи самим экономическим явлениям, а не привносятся в них сознанием человека. Человек лишь отражает имеющуюся объективную связь, причем глубина и правильность этого отражения зависит от уровня науки и общественной практики. Именно практика подтверждает наличие причинно-следственных связей в экономике, доказывает, что беспричинных явлений не существует. «Деятельность человека,— писал Ф. Энгельс,— *производит проверку* насчет причинности»[1]. Отрицание объективности причинно-следственных связей критиковал В. И. Ленин, который рассматривал принцип причинности с философских позиций и предостерегал от отождествления причинности только с однозначностью[2].

Правильное понимание причинно-следственных отношений, четкое разграничение причин и следствий имеют большое методологическое значение для истолкования экономических явлений и получения обоснованных теоретических и практических выводов. Не зная причины явления, невозможно понять его сущность, его место и роль в цепи общественных событий. Если известно, что «*x*» есть причина «*y*» и явление «*x*» возникло, то за ним последует «*y*». Знание причинно-следственных связей

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 545.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 77.

открывает возможность предвидения и целенаправленного управленческого воздействия на экономические явления; без такого знания человек становится бессильным, беспомощным. Научное различение причин и следствий может выступать действенным оружием идейной борьбы с идеологическими противниками.

Так, буржуазные ученые считают, что цены на потребительские товары поднимаются из-за того, что рабочий класс добивается (в результате классовой борьбы) повышения заработной платы, т. е. в повышении цен виноваты рабочие. Факты современной капиталистической действительности показывают, что причинно-следственная связь здесь совсем иная: рабочие вынуждены бороться за повышение заработной платы потому, что цены на товары неудержимо растут.

В противоположность экономистам-марксистам, признающим объективную причинную обусловленность всех экономических явлений и стоящим на позициях диалектического детерминизма, среди буржуазных экономистов широко распространены индетерминистские воззрения. В соответствии с ними в социально-экономической действительности причинно-следственные связи отсутствуют, сцепление явлений происходит случайно, в обществе господствует свобода человеческой воли. Так, причинную зависимость экономических явлений фактически отрицает функционализм, представляющий развитие общества как переплетение бесконечного множества равноценных факторов. Но функциональные связи — это только количественные связи. Их анализ не может заменить анализ причинных связей, он может служить лишь предпосылкой выявления последних, поскольку за функциональной может скрываться причинная связь, которую в конечном счете и следует раскрыть. Представитель математической школы буржуазной политической экономии Парето считал попытки определить причину того или иного явления проявлением экономического невежества. Американский экономист П. Самуэльсон не отрицает причинно-следственных связей, но считает их непознаваемыми.

Случайность и необходимость

Случайность — это то, что имеет причину не в самом себе, не в сущности явлений, вытекает не из внутренних, а из внешних, побочных связей, поэтому может быть, а может и не быть, может произойти так или иначе. Необходимость — то, что имеет причину в себе самом, вытекает из сущности, внутренних причинно-следственных связей явлений, поэтому неизбежно должно произойти в основном так, а не иначе.

В качестве иллюстрации необходимости и случайности можно назвать стоимость и цену товара, из которых первая — необходимость, вторая — случайность, однако это такая случайность, которая определяется необходимостью и выражает

ее. Так, в соответствии с положениями марксизма-ленинизма в капиталистических условиях неизбежно разорение мелких частных собственников; это — необходимость, которая пробивает себе дорогу через массу случайностей (разорение тех или иных мелких собственников).

Если случайность весьма близка к единичному и отдельному со всеми его конкретными особенностями, то необходимость однопорядкова с сущностью, законом.

Случайность и необходимость тесно связаны друг с другом, не существуют отдельно друг от друга. Необходимость не дана нам непосредственно, в ощущении, а может быть познана через свою противоположность — случайность, которая выступает формой проявления и дополнения необходимости.

Случайное в диалектическом его понимании не есть нечто неизвестное или незакономерное вообще; оно случайно лишь по отношению к внутренней необходимости данного конкретного процесса. Оно складывается под влиянием причин, которые являются внешними по отношению к данному процессу. Например, срыв поставки сырья из-за отсутствия железнодорожных вагонов, повлекший невыполнение плана выпуска продукции заводом, — случайность по отношению к процессу производства продукции заводом. Но вагонов иногда не хватает из-за независящих от железнодорожных служб причин, например их несвоевременного ремонта, сверхнормативной задержки грузополучателями. Это означает, что случайность для высшего уровня (процесса производства продукции) выступает как необходимость для нижнего уровня (обеспечения вагонами поставок сырья). Любое явление, случайное по отношению к одному комплексу явлений (более общего порядка), необходимо по отношению к другому комплексу (более частного порядка). Следовательно, категории «случайность» и «необходимость», как и другие парные диалектические категории, не абсолютны и неизменны, а относительны, переменчивы, выделяются и фиксируются в каждом конкретном акте познания в зависимости от определенных условий.

Случайность и необходимость едины и противоположны. Из двух противоположностей, находящихся в «борьбе» друг с другом, ведущую роль играет необходимость, которая всегда пробивает себе дорогу, поскольку она — выражение действия объективных законов развития. В связи с этим Ф. Энгельс писал: «...экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей...»[1] Переход случайностей в необходимость осуществляется в силу того, что в процессе их обобщения случайности в той или иной степени взаимопогашаются, что и «прокладывает дорогу» необходимости. Мысль об обнаружении необходимости через преодоление случайностей выразил академик С. Г. Струмилин: порядок и закон появляются из «хаоса случайности» столь же естественно, как цыплята вылупляются из яиц[1].

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 395.

Примеры превращения случайности в необходимость (и необходимости в случайность) дает история экономического развития.

В первобытном обществе натуральное хозяйство выступало необходимостью, акты обмена — случайностью. С развитием товарного хозяйства обмен товаров становится необходимостью, а возможные акты натурального обмена — случайностью.

По нашему мнению, от случайностей, которые являются выражением, формой действия и обнаружения необходимости, в экономике надо отличать случайности, возникающие вследствие принятия субъективистских, волюнтаристских решений, допущенных ошибок и промахов в планировании[2]. Это — не объективные диалектические, а субъективистские специфические случайности, которые могут усугублять объективные случайности, наслаиваться на них. Возникновение и амплитуда волюнтаристских случайностей зависят от глубины познания экономической действительности. От этого же зависит, хотя и в менее значительной степени, размах объективных случайностей. Очевидно, что в классовых общественно-экономических формациях, в которых экономика развивается стихийно, имеется наиболее благоприятная почва для существования субъективистских случайностей. При социализме, поскольку здесь экономика сознательно управляется на основе познания и использования экономических законов, условий для возникновения специфических случайностей значительно меньше. Поэтому в коммунистической формации сфера случайностей сужается, они освобождаются от влияния стихийных элементов, вытекающих из специфики капитализма.

Понимание и различение категорий «случайность» и «необходимость» важно для правильного истолкования экономической действительности. В частности, отрицание случайности ведет к тому, что видимое на поверхности непосредственно отождествляется с внутренним, существенным. Поэтому случайность надо отличать от необходимости и давать обеим категориям соответствующую интерпретацию.

[1] Струмилин С. Г. Избранные произведения. Т. I. М.: Наука, 1963, с. 74.

[2] Следует отличать субъективистское решение от субъективного. Всякое действие человека проходит через индивидуальное сознание, поэтому любое его решение (и правильное, и неправильное) может быть названо субъективным.

Субъективистское — это решение, которое не вытекает из объективного анализа действительности, необоснованно продиктовано волей человека.

Субъективное решение может быть правильным, обоснованным и в этом смысле объективным, а также неправильным, субъективистским.

Большинство буржуазных ученых не понимают диалектической связи случайного и необходимого, а саму случайность толкуют обычно как субъективистскую категорию, скрывающую человеческое незнание. Представители механического детерминизма, которые признают в природе и обществе господство лишь простой однозначной необходимости, отрицают объективность случайности. Этим самым, писал Ф. Энгельс, «необходимость низводится до порождения голой случайности»[1]. Такое толкование случайности и необходимости заводит механических детерминистов в тупик: они оказываются не в состоянии объяснить механизма существования и развития действительности. С их точки зрения мир, получив некий первоначальный импульс, развивается строго закономерно, без каких-либо отклонений и случайных колебаний. Однако опыт свидетельствует о том, что действительное развитие происходит, хотя и закономерно, но не без случайностей и зигзагов, причем экономическая необходимость, как и причинность, не жестко однозначна, а многозначна.

Возможность и действительность

В категориях «возможность» и «действительность» наиболее ярко отражаются диалектика развития экономических явлений, механизм их возникновения, становления и существования. Возможность выражает объективную тенденцию развития, заложенную в существующих явлениях. Действительность, взятая во взаимосвязи с возможностью,— любое существующее явление, возникшее как результат реализации некоторой возможности, иначе говоря,— это осуществленная возможность. В более общем и широком смысле действительностью называют реально существующий объективный мир.

С точки зрения рассматриваемых категорий процесс развития экономики схематически можно представить так: на основе старой, существующей действительности возникает возможность другой, новой действительности, которая при благоприятном стечении обстоятельств превращается в таковую; в недрах этой вновь появившейся действительности снова возникает возможность.

К примеру, в феодальной общественно-экономической формации возникла возможность капиталистических отношений, которая со временем превратилась в действительность. В капиталистической формации в виде возможности складываются материальные основы социалистических общественных отношений, которые в свою очередь также становятся действительностью. Социализм, особенно зрелый, создает возможности для постепенного перерастания социалистической экономики в коммунистическую.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 534.

Можно сказать, что возможность есть тенденция, предпосылка возникновения новых явлений в недрах старых, она — промежуточное состояние между действительностью и недействительностью, или потенциальная действительность, которая переходит в действительность актуальную.

Возможность и действительность находятся в единстве, взаимосвязи и взаимопереходах друг в друга. Всякий предмет, явление — это единство действительного и возможного.

Возможности возникают на основе действия объективных законов и существующих условий. Наличие соответствующих условий обеспечивает и превращение возможности в действительность. Данные категории неразрывно связаны с категориями необходимого и случайного.

Возьмем продукт труда. В нем заложены возможности превращения или непревращения его в товар, возможности использования для личного потребления, дальнейшей обработки, в качестве запаса, для физического или химического анализа. Реализация той или иной возможности зависит от сложившихся условий: если продукт готов для личного потребления и в нем ощущается потребность, то он потребляется; если имеется нужда в пополнении запасов,— он обращается в запас. Количество возможностей, связанных с определенной необходимостью, бывает различным. Когда возможности противоположны (например, быть продукту товаром или нетоваром), их только две, в других случаях — больше. Чем больше у явления возможностей, тем больше у него «степеней свободы», тем оно неопределеннее. Сами возможности неравнозначны: реализация одних ведет к смене качества, других — к изменению количества. При превращении потенциального явления (возможности) в действительное реализуется лишь одна из имеющихся возможностей. Выбор этой возможности во многом зависит и от случайности (нужные условия сложились именно такие, а не иные; они сложились здесь, а не в другом месте).

Возможности по своей природе различны. Наиболее важная реальная возможность,— это та, которая имеется в виду во всех случаях, когда рассматривается возможность вообще. Реальная возможность связана с необходимостью, созданы конкретные условия для ее превращения в действительность, поэтому она может превратиться в действительность уже в данное время, в данной конкретной обстановке. Возможность в экономике реальна в том случае, если за противоречиями, которые она выражает, скрыты борющиеся силы (классы, группы людей, имеющие конкретные потребности и интересы).

Абстрактная возможность также связана с объективными законами, но она еще не может превратиться в действительность. Для этого нет соответствующих условий, и такое превращение в данное время не стало необходимостью. С созданием необходимых условий абстрактная возможность развивается в реальную. Уже в простом товарном производстве

существовала возможность экономических кризисов перепроизводства, что следовало из фактов разделения процесса товарного обмена на две самостоятельные части (Т—Д и Д—Т) и разрыва во времени продажи и оплаты товаров. Но это была лишь абстрактная возможность кризисов, которые еще не стали необходимыми (встречавшиеся в таких условиях разрывы процесса воспроизводства были случайными). Абстрактная возможность экономических кризисов перепроизводства превратилась в реальную при условиях, сложившихся в развитом капитализме. История капиталистического воспроизводства показывает, что эта возможность систематически превращается в действительность.

От абстрактной следует отличать формальную возможность, основывающуюся на чисто умозрительных построениях, далеких от закономерностей развития и реальной действительности. Такого рода построения характерны для буржуазных экономистов, которые не прочь порассуждать о будто бы открываемых капитализмом возможностях превращения каждого рабочего в миллионера. Формальная возможность связана не с необходимостью, а со случайностью.

Для того чтобы ориентироваться в процессах развития экономических явлений, необходимо иметь в виду, что условия превращения возможности в действительность могут быть различными. Среди них в первую очередь выделяют условия объективные, существующие вне и независимо от сознания людей. В природе возможности превращаются в действительность преимущественно под влиянием объективных условий — стихийно действующих сил природы. В экономической жизни, кроме объективных, большую роль играют субъективные условия. Люди своей деятельностью расширяют или сужают простор действия законов, на которых основываются возможности.

Субъективные условия имеют важное значение в развитии коммунистической формации. Социализм и коммунизм строятся не самотеком. Из имеющихся реальных возможностей люди должны выбирать и выбирают ту, которая больше всего соответствует необходимости, объективным законам, их потребностям и интересам и для которой складываются объективные условия. Постановка и решение задачи на выбор и реализацию наилучшей (оптимальной) реальной возможности — самое сложное в экономической деятельности членов общества.

В развитом социалистическом обществе созданы огромные возможности для увеличения выпуска высококачественной продукции, роста национального дохода, повышения производительности труда и экономической эффективности производства, улучшения жизни народа. Для того чтобы превратить имеющиеся возможности в действительность, необходимо ускорять внедрение в производство достижений науки и техники, улучшать организацию производства и труда, совершенствовать хозяйствование, планирование и управление в целом. Наряду

с этим нужно укреплять трудовую дисциплину, повышать творческую активность каждого советского человека.

Категории «возможность» и «действительность» имеют важное методологическое значение. Они показывают, что процесс развития экономических явлений представляет собой переход возможности в действительность. Их нужно различать для того, чтобы решить вопрос о ложных и истинных целях. Если цель основана на реальной возможности, то она реальна, а если на абстрактной возможности,— нереальна. В превращении экономической возможности в действительность ярко проявляется целеполагающая деятельность людей.

Индивидуальное и массовое

Индивидуальное (от латинского individuum — неделимое) — это предельно узкое явление, которое, обладая характерными для данного процесса свойствами, сохраняет самостоятельное значение. Массовое — это такая группа индивидуальных явлений, которая, помимо присущих им свойств, обладает новыми свойствами, благодаря которым массовое приобретает новое качество.

Индивидуальным, например, выступает конкретное промышленное предприятие, которое выпускает определенный объем продукции, имеет определенное число рабочих. Массовым будет промышленное объединение предприятий, которое может быть охарактеризовано (кроме общей численности рабочих, объема продукции) новым качественным показателем объема продукции, выпускаемой в среднем одним предприятием. Примером индивидуального и массового является человек и общество. При объединении людей в какую-то большую группу (положим, в группу жителей страны) последняя приобретает новое качество, многие новые обобщающие признаки и показатели, такие, как удельный вес национальностей, возрастная структура и т. д.

Категории «индивидуальное» и «массовое» близки, а в ряде случаев совпадают с категориями «часть» и «целое». Часть не обязательно может быть предельно узким индивидуальным явлением, а массовое может не совпадать с целым, так как оно не обязательно является системой, достигшей зрелости (последнее — атрибут целого).

Домарксовские исследователи экономической действительности анализировали поведение отдельных хозяйствующих индивидуумов, пытаясь на базе этого построить теорию экономического процесса. А. Смит и Д. Рикардо в качестве исходного объекта анализа буржуазной экономики рассматривали хозяйство Робинзона, обособленного охотника и рыболова. Данный подход к познанию экономических отношений неверен, так как эти отношения являются общественными, социальными, содержащими нечто такое, чего нельзя наблюдать у отдельного

хозяйствующего субъекта. Это нечто (новое качество) можно уловить лишь в том случае, если истолкование и исследование экономических процессов идут не от индивидуального к массовому, а от массового к индивидуальному (с учетом обратного влияния индивидуального на массовое).

Одна из величайших заслуг К. Маркса в области методологии состоит в том, что он показал несостоятельность подобных робинзонад, стал исследовать не индивидуальные, а массовые экономические процессы. Характеризуя значение марксова анализа воспроизводства общественного капитала, В. И. Ленин заметил, что «и здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности»[1]. Оценивая заслуги К. Маркса в рассматриваемом отношении в целом, он продолжал: «Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов...»[2]

У современных буржуазных экономистов робинзонада остается любимой моделью теоретических изысканий. Хотя, пытаясь оправдать деятельность монополий и найти способы активного воздействия на развитие экономики в интересах последних, они вынуждены пользоваться агрегатными категориями, но в конечном счете они рассматривают капиталистическое хозяйство как простую сумму отдельных хозяйств, а употребляющиеся макропоказатели (совокупный продукт, национальный доход и т. п.) истолковывают как сумму микропоказателей. Так, П. Самуэльсон пишет: «... на примере экономических решений, принимаемых индивидуумом, можно наиболее просто и живо излагать основные принципы экономической теории»[3]. Такой субъективистский методологический подход имеет не только гносеологические, но и классовые корни, так как служит доказательству, что исходные экономические категории неизменны, неисторичны, не зависят от социального строя (хозяйствующий Робинзон всюду одинаков).

Рассмотрение больших масс, классов, экономических систем не только уменьшает количество исследуемых объектов, но в принципе дает возможность вскрыть наиболее существенные качественные особенности социально-экономической действительности, которые невозможно познать, исследуя индивидуальное[4]. Это связано прежде всего с тем, что при объединении индивидуального в массовое взаимно погашаются многие индивидуальные особенности, случайности, в силу чего в массовом яснее проявляется необходимое. Такое объединение позволяет освободиться от информационного многообразия, которым обладает индивидуальное. Действительно, любое промышленное предприятие информационно богаче, обладает большим количеством признаков, чем объединение предприятий, которое характеризуется немногими существенными признаками.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 67.
[2] Там же.
[3] Самуэльсон П. Экономика. М.: Прогресс, 1964, с. 674.
[4] Для превращения названной возможности в действительность нужна марксистско-ленинская теория.

Кроме того, переход от индивидуального к массовому также дает возможность опровергнуть ненаучное положение неокантианцев и их сторонников о «неповторимости», уникальности социальных явлений, так как в социальных массах отчетливо выступают однородные, повторяющиеся и устойчивые, т. е. необходимые, черты явлений[1].

Массовые общественные (и природные) явления выступают в форме особых групп, которые принято называть совокупностями. Так как факты социально-экономической действительности в подавляющем большинстве собираются и первоначально обобщаются статистикой, то такие совокупности обычно называют статистическими.

Вероятность

На современном этапе развития науки все большее значение приобретает категория «вероятность»[2]. Вероятность — это мера объективной возможности и необходимости появления данного события при определенных условиях, мера объективных связей в явлениях.

Количественно вероятность можно определить как отношение числа случаев, благоприятствующих наступлению события A, к числу всех равновероятных и несовместимых случаев, связанных с данным событием. Если обозначить число благоприятствующих случаев через m, число всех случаев — через n, а вероятность события A — через $P(A)$, то по определению $P(A) = \frac{m}{n}$. Так, если среди 400 сотрудников института (n) ученые степени (событие A) имеют 100 человек (m), то вероятность того, что случайно выбранный сотрудник окажется с ученой степенью, будет равна $100 : 400 = 0{,}25$. Положим, мы произвели выбор 40 сотрудников, среди которых с ученой степенью оказалось 12 человек; отношение этого числа (12) к выбранному числу (40) называется частостью появления события A; в данном случае она равна 0,3 (12 : 40), т. е. не совпадает с вероятностью.

[1] Социально-экономические явления уникальны, неповторимы в частностях, деталях, внешних особенностях, на которые накладывает отпечаток случайность, но они вполне однородны в существенном, необходимом, что дает возможность подвергать их обобщению.
[2] Категория «вероятность» не входит в сложившуюся систему философских категорий, однако в практике познания она все в большей степени приобретает философское значение. Поэтому она поставлена нами в один ряд с философскими категориями.

Это определение относится к простейшей, так называемой классической, вероятности, применимой к ограниченному кругу явлений. Для массовых явлений больше подходит статистическое, или частотное, понятие вероятности, определяемое как постоянное число, вокруг которого колеблются частоты; схема математического расчета такой вероятности остается той же.

Вероятность по своей природе применима к массовым варьирующим явлениям, так как для индивидуального явления бессмысленны понятия «*m*» и «*n*». Она тесно связана со многими диалектическими категориями, например с необходимостью и случайностью. Так, из приведенного примера видно, что в вероятности выражается необходимое, закономерное: величина 0,25 отражает действительное отношение сотрудников института, имеющих ученую степень, ко всему числу сотрудников (100 : 400). В противоположность этому, частость связана со случайностью: то, что среди 40 выбранных сотрудников института с ученой степенью оказалось 12, а не 10, как мы вправе были ожидать по известной вероятности (40 : 0,25), — это случайность; их случайно могло оказаться и 0, и 1, и 2, и 3, и т. д. Поэтому, устанавливая по частости вероятность (а в этом заключается одна из задач исчисления вероятностей), исследователь осуществляет переход от случайности к необходимости, т. е. познает закономерности и законы объективного мира.

Вероятность тесно связана с категориями «причина» и «следствие». В самом деле, наблюдаемые на поверхности процессов частости не что иное, как следствие тех или иных внутренних причин, определяющих вероятность явления. Отсюда можно заключить, что, переходя от частости к вероятности, исследователь по следствию познает причину. Таким образом, вероятность выражает объективную меру связи причины со следствием и выступает важным средством исследования причинности в массовых явлениях.

Вероятность связана с категориями «возможность» и «действительность». Чем большим числом возможностей может быть выражена необходимость, тем меньше вероятность каждой отдельной возможности. Так, если продукт имеет две равные возможности — стать товаром или нетоваром, вероятность каждой из них составляет $^1/_2$, сумма вероятностей равна единице; если продукт имеет десятки возможностей его использования как потребительной стоимости, то каждая из них, как правило, не может быть большой (в сумме все вероятности использования составят также единицу). Вероятность связана с понятием неопределенности: чем больше вероятность появления события (явления), тем меньше неопределенность, и наоборот.

Вероятность — определенная величина лишь по отношению к определенным объективным условиям; с изменением условий изменяется и она. Поскольку условия определяет человек (например, в выборочном наблюдении), вероятность оказывается в некоторой степени зависимой от исследователя. Данное обстоятельство не превращает вероятность в субъективистскую категорию, ибо любой комплекс условий объективен. Это находит многочисленные подтверждения в экономической жизни (например, в страховых расчетах).

Кроме двух приведенных понятий вероятности, имеются другие ее понятия, которые здесь не рассматриваются.

Вероятность применима ко всем массовым варьирующим явлениям, в том числе и экономическим. Состояние любого единичного экономического явления определяется сочетанием внутренних и внешних (случайных) причин, поэтому в каждом отдельном случае явление может оказаться в различном состоянии. Для совокупности же экономических явлений, если известны условия, можно рассчитать вероятность, с какой следует ожидать то или иное ее состояние.

В литературе встречается точка зрения, отрицающая вероятностные процессы в экономической жизни и возможность использования для ее познания вероятностных методов. Обосновывается эта точка зрения тем, что в общественной жизни движение индивидуальных явлений не беспорядочно, не случайно, а определяется сознательными действиями людей. С такой аргументацией трудно согласиться. Сознательное, но неопределенное поведение человека отнюдь не исключает, а предполагает наличие случайностей в экономических процессах.

Случайностное, или вероятностное, проявление экономических процесов вытекает и из следующих обстоятельств. В сельском хозяйстве, гидроэлектроэнергетике, водном транспорте, строительстве и некоторых других отраслях производственно-экономическая деятельность во многом зависит от погодно-климатических условий. Результаты работы этих отраслей оказывают влияние на многие общественные процессы.

Если учесть, что формулирование выводов и принятие решений в общественной жизни происходят, как правило, в условиях неполной информации, то становится очевидным, что экономические явления вне вероятностной концепции понять невозможно. Экономика является сложнейшей динамической системой, развивающейся под воздействием как необходимости, что определяет ее детерминированность, так и многих случайных факторов, что придает ей объективные случайностные свойства.

Игнорирование наличия вероятностных свойств у экономических явлений, упрощенный однозначный подход к ним могут привести к просчетам в планировании и управлении народным хозяйством. Так, чрезмерно однозначное планирование работы предприятий приводит к многократным корректировкам планов в течение года, жесткость в проектировании строительства оборачивается необходимостью неоднократных пересмотров смет, жесткость планирования материальных ресурсов чревата возможностью срывов в снабжении. Непризнание вероятностного характера науки и ее эффекта приводит к уменьшению права научных коллективов на риск, что отрицательно сказывается

на формировании планов, определении сроков и смет затрат и т. д. В экономической науке при исследовании научной основы планирования необходимо учитывать фактор неопределенности.

Вероятность, так же как и лежащие в ее основе необходимость и внутренняя причинность, — свойство статистической совокупности, она не может быть отнесена к отдельному индивидуальному явлению. Это обстоятельство дает «основание» ряду буржуазных экономистов противопоставлять детерминистский подход вероятностному, который якобы не в состоянии выявить причинно-следственные связи, а дает лишь некоторое предположение о связях[1]. Такая ведущая к агностицизму точка зрения неверна.

Исследование причинно-следственных связей в массовых явлениях требует вероятностных понятий, которые дают вполне научные результаты, приводят к подтверждаемым практикой выводам. Более того, нужно признать, что в современных условиях, когда наука вообще, и экономическая наука в особенности, проникает в самые глубокие процессы развития действительности, знание вероятностного подхода возрастает. Элементарный детерминистский подход, посредством которого исследуются самые простые однозначные связи, выступает как частный случай вероятностного. Вероятностный подход, наука об исследовании и исчислении вероятностей (теория вероятностей) выступают аналогом сложнейшей экономической действительности на современном этапе ее познания.

Глава III
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, КАТЕГОРИИ

К принципам, законам и категориям материалистической диалектики, отражающим развитие объективного мира (в том числе экономики), тесно примыкают экономические законы, закономерности и категории, непосредственно характеризующие объективную экономическую действительность. Если философские законы и категории отображают наиболее общие черты экономических отношений, то экономические законы и категории — их специфические черты. При этом последние формируются на основе законов и категорий материалистической диалектики и анализа специфических черт экономической действительности.

[1] Буржуазные ученые часто противопоставляют научное и вероятностное. Саму вероятность они во многих случаях трактуют не как объективную, а как субъективную категорию, описывающую чувственный опыт человека (Мизес и др.). Такая трактовка вероятности приводит к ненаучной абсолютизации вероятностного в знании, к отрицанию его достоверного характера.

Законы и категории материалистической диалектики в совокупности с экономическими законами и категориями дают достаточно полное знание о том, как устроен экономический мир, как его категории создают цельную диалектико-материалистическую картину экономического мира. По данному поводу В. Л. Ленин писал, что «у Маркса философия и политическая экономия связаны в *цельное* материалистическое миросозерцание»[1]. Мысль В. И. Ленина относится к субъективному феномену — науке. Но вполне очевидно, что взаимоувязанность законов и категорий науки только отражает взаимоувязанность законов и категорий самой действительности.

В настоящей главе исследуется не конкретное содержание, а лишь принципиальные черты экономических законов, закономерностей и категорий. В этом отношении экономические законы и категории выступают конкретизацией законов и категорий марксистско-ленинской философии применительно к экономической действительности. Во второй и третьей главах раскрывается онтологический аспект экономики.

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ

Общие положения

Основоположники марксизма-ленинизма рассматривали экономику как саморазвивающуюся на основе разрешения противоречий систему, подчиняющуюся не только общим, но и специфическим экономическим законам. Установление и исследование существующих в экономической действительности производственных отношений и законов, по которым развиваются эти отношения, — главная задача политической экономии. Ф. Энгельс определял политическую экономию как науку «о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе»[2].

Экономический закон есть всеобщая, устойчивая, внутренняя, необходимая связь экономических явлений и процессов.

К. Маркс установил, что производственные отношения определенной исторической формации находятся в зависимости от производительных сил, что развитие последних вызывает изменения в характере производственных отношений, а вновь возникающие производственные отношения открывают новые возможности развития производительных сил. Эта устойчивая, внутренняя, необходимая связь двух сторон способа производства находит свое выражение в законе соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 37.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 150.

Экономическая практика показывает, что с развитием производительных сил для производства одинакового количества продукции требуется все меньше и меньше затрат живого и овеществленного труда. Такая устойчивая внутренняя связь между объемом изготовляемой продукции и количеством затрачиваемого труда находит свое выражение в законе повышающейся производительности труда.

В экономическом законе отражаются связь и столкновение двух различных или противоположных сторон явления, происходят постоянная «борьба» и разрешение противоречия между ними. Так, закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил отражает «борьбу» производственных отношений и производительных сил, закон повышающейся производительности труда — «борьбу» между затратами труда и его результатами, выражающимися в количестве и качестве изготовленной продукции.

В содержании экономических законов, относящихся к классовым формациям, отражается классовая суть экономических явлений. В. И. Ленин в работе «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы „кустарной" промышленности» заметил, что разделение кустарей на наемных рабочих, ремесленников и мелких товаропроизводителей дает точное изображение действительности, разъясняет существующие общественно-экономические отношения между различными участками промышленности, «а в таком разъяснении и состоит высшая задача всякого научно-экономического исследования»[1].

Раскрытие классовой сути экономических законов особенно важно в условиях их действия в антагонистических общественно-экономических формациях. Но игнорирование этой стороны вопроса недопустимо и в условиях социализма, хотя следует иметь в виду, что сохраняющиеся здесь классовые различия не определяют основного содержания явлений.

Классовость экономических законов предопределяет их целенаправленность. Если при социализме они являются законами планомерного сотрудничества производителей, объединенных общей собственностью на средства производства, направлены на неуклонный рост благосостояния народа, то при капитализме — законами конкуренции, приводят к эксплуатации большинства меньшинством, обогащению одних за счет других.

Экономические законы объективны, действуют независимо от того, знаем мы их или не знаем, желательно для нас их действие или нет. Люди не могут ни создать, ни уничтожить экономические законы, они могут успешно осуществить лишь то, что соответствует им.

В первые годы социалистического строительства в СССР наличие законов в экономике отрицалось, их существование

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 403.

связывалось только со стихией, а социализм и стихия — понятия несовместимые. Эта точка зрения ошибочна, так как она основывалась на неправомерном отождествлении объективности со стихийностью. Последняя социализму действительно не присуща, но это не означает, что экономике не присущи объективная необходимость и подчиненность законам. При социализме стихийность заменяется планомерностью.

В начале 30-х годов экономические законы получили признание, но трактовались упрощенно, односторонне; была широко распространена точка зрения, что они создаются социалистическим государством, диктатурой пролетариата. Только в начале 50-х годов был признан объективный характер экономических законов.

В настоящее время объективность экономических законов признают все советские политэкономы. Однако в работах некоторых авторов встречаются недостаточно точные формулировки, дающие основание предполагать, что они подвергают сомнению это фундаментальное положение науки.

Субъективный элемент в социалистические производственные отношения и соответственно в экономические законы, поскольку они являются отражением последних, вносит, например, Ю. Чуньков, утверждая, что «в экономических отношениях при социализме нетрудно обнаружить субъективное начало»[1]. Эти положения противоречат делению общественных отношений на материальные (производственные) и идеологические (надстроечные), на объективные и субъективные.

Если в теории явное или неявное отрицание объективности экономических законов встречается редко, то в экономической практике элементы субъективизма встречаются значительно чаще. Видимо, основной причиной этого следует считать недостаточно глубокое знание экономической действительности, экономических законов. Так, ошибки субъективистского характера допускались в области сельского хозяйства (цены на колхозную продукцию, нарушение принципа материальной заинтересованности), в планах слабо увязывались финансовые и натурально-вещественные потоки, отраслевые и территориальные связи.

Экономические законы, как и социальные законы вообще, существенно отличаются от законов природы. Главное их отличие в том, что экономические законы проявляются через сознательную деятельность людей и непосредственно затрагивают интересы классов, групп, отдельных личностей, а законы природы, как правило, таких интересов не затрагивают. Ф. Энгельс указывал, что «в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой

[1] Экономические науки, 1979, № 12, с. 15.

цели»[1]. Практика показывает, что в условиях антагонистических формаций желание отдельного человека может быть одно, а результат действия другой. В свержении феодализма участвовали все слои общества, в том числе трудящиеся, но в результате возник и развился не только более прогрессивный способ производства, но и более уточненный способ эксплуатации трудящихся. В коммунистической формации общество в целом, а не только отдельные личности, ставит перед собой определенные цели и борется за их осуществление. При установлении общественных целей результаты как совокупных, так и индивидуальных действий участников социалистического производства не вступают в противоречие с ними, а соответствуют им. Трудящиеся здесь сознательно и активно участвуют в созидании нового общества.

Экономические законы отличаются от законов природы своей недолговечностью, большей изменчивостью. Так, законы термодинамики или движения небесных тел практически не изменялись в течение многих веков и тысячелетий, а законы развития производственных отношений за последние три столетия изменились коренным образом (например, при переходе от феодального способа производства к капиталистическому и от последнего — к коммунистическому).

Экономические законы отличаются от законов природы по форме своего действия и выражения. Законы природы являются обобщением преимущественно однозначных причинно-следственных связей (одна причина — одно следствие); такие законы носят название динамических. Экономические законы выступают обобщением многозначных или статистических причинно-следственных связей и называются статистическими.

Статистический характер экономических законов связан с диалектикой таких парных категорий философии, как случайное и необходимое, возможное и действительное. Каждое экономическое явление наряду с необходимыми имеет случайностные черты, обладает многими возможностями развития, заложенными в действительности. Поэтому состояние каждого явления и закон их изменений можно предвидеть и оценить лишь с определенной степенью вероятности. О статистическом характере некоторых явлений будущего социалистического общества и необходимости их вероятностной оценки писал К. Маркс в «Критике Готской программы» при рассмотрении процесса распределения совокупного общественного продукта, в частности образования резервного фонда[2].

В действительности экономические законы предстают в виде законов-тенденций. Так, К. Маркс указывал на закон-тенденцию нормы капиталистической прибыли к понижению. Особенно ярко названная черта экономических законов выступает,

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 306.
[2] Там же, т. 19, с. 17.

когда рассматривается их количественная сторона. Известно, что жесткая однозначная количественная связь в изменениях причины и следствия экономических явлений встречается исключительно редко, тенденции в связях обнаруживаются в совокупности явлений. Но если изменение количественной стороны экономического закона может быть выражено не иначе, как в виде определенной тенденции, то ввиду неразрывности количества и качества это свойство следует распространить и на закон в целом. Эта их характеристика относится к законам как капиталистической, так и социалистической экономики. В порядке исключения отдельный экономический закон мог бы выступать динамическим, или абсолютным (не в тенденции), лишь тогда, когда число обобщенных им явлений было бы настолько большим, чтобы в их массе погасились все случайные отклонения. Такая ситуация, нередко встречающаяся при исследовании природы, в экономической действительности почти полностью исключена.

Ф. Энгельс в письме к К. Шмидту от 12 марта 1895 г. по поводу экономических законов писал, что «все они не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в *непосредственной* действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и вследствие их природы как понятий»[1].

Виды и системы экономических законов

Экономические законы с точки зрения крупных (формационных) исторических периодов могут быть подразделены на всеобщие, общие и специфические. Всеобщие — это такие законы, которые действуют во всех общественно-экономических формациях, общие (или особенные) законы действуют в ряде формаций, специфические законы действуют на протяжении данной формации или ее отдельной фазы (например, только при социализме). К всеобщим экономическим законам относятся закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил, закон повышающейся производительности труда, закон экономии времени, к общим — закон стоимости. Специфическими являются основной экономический закон формации, закон распределения по труду при социализме, закон распределения по потребностям при полном коммунизме и др.

Экономические законы нельзя наблюдать непосредственно на поверхности явлений, а можно обнаружить лишь через конкретные проявления в действительности. Проявления всеобщих, общих и специфических экономических законов различны, в них отражается специфика их действия.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 355.

Характер действия и проявления всеобщих и общих экономических законов зависит от общественно-экономической формации, в условиях которой они функционируют. Так, закон стоимости выражает различные производственные отношения в докапиталистических, капиталистической и первой фазе коммунистической формации. В докапиталистических формациях он отражает отношения простых товаропроизводителей, в капиталистической — отношения капиталистов, рабочих и других лиц, участвующих в производстве и распределении продукта, при социализме — отношения равноправных тружеников социалистического общества. Кроме того, закон стоимости проявляется по-разному в зависимости от исторически сложившихся условий в пределах одной формации: в государственном секторе и кооперативном секторе, в промышленности и сельском хозяйстве, в странах с высоким уровнем обобществления средств производства и низким и т. д.

Действие и проявление специфических экономических законов, поскольку они относятся к определенной общественно-экономической формации, зависят лишь от конкретно-исторических условий, в которых функционируют эти законы. Например, основной экономический закон капитализма на домонополистической стадии выступает преимущественно в форме закона средней нормы прибыли, на монополистической — в форме закона монопольно высокой прибыли. Закон превращения мелкотоварного земледелия в капиталистическое (в результате вытеснения мелких хозяйств крупными) по-разному действует в условиях интенсивного и экстенсивного ведения хозяйства: при экстенсивном земледелии укрупнение и капитализация хозяйств осуществляются на основе увеличения посевных площадей и численности скота, при интенсивном земледении — на базе улучшения обработки тех же или даже меньших площадей земли, улучшения содержания скота.

Становление и проявление специфических экономических законов социализма осуществляются по-разному. Так, социалистическое преобразование мелкотоварного производства проводится в отдельных странах посредством многих форм кооперирования; неодинаково осуществляются ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства. В социалистических странах имеются различия в конкретных проявлениях основного экономического закона, закона распределения по труду и др.

К. Маркс писал, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих

эмпирически данных обстоятельств»[1]. Действие «всеобщего закона капиталистического накопления» нельзя рассматривать в отрыве от конкретных условий, отмечал он в I томе «Капитала». «Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами...»[2] — эти слова К. Маркса подтверждают положение о различиях в проявлении экономических законов в зависимости от конкретных исторических условий и этапов развития экономической действительности.

В литературе выдвигалась точка зрения, что специфические экономические законы выступают лишь формой проявления всеобщих и общих экономических законов. Это неверно. Они взаимосвязаны, но не растворяются друг в друге, имеют хотя и пересекающиеся, но свои сферы действия.

По значимости и выполняемой роли среди экономических законов нужно выделить основной закон, который отражает основное производственное отношение, и законы, обобщающие другие производственные отношения.

Основной экономический закон формации связан с господствующей формой собственности, отражает главнейшую связь и основное противоречие способа производства, определяет социальную направленность развития; другие экономические законы, отражающие подчиненные связи, тесно связаны с основным, находятся по отношению к нему в определенном соподчинении. Так, основной экономический закон капиталистического способа производства, подчиняющий производство и распределение извлечению максимальной прибавочной стоимости, с необходимостью обусловливает действие всеобщего закона капиталистического накопления, закона относительного обнищания рабочего класса, закона конкуренции и анархии производства и др. Основной экономический закон социализма, подчиняющий производство и распределение обеспечению полного благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, определяет действие закона распределения по труду, закона неуклонного подъема уровня жизни трудящихся и пр.

Выделение из всех экономических законов формации основного закона имеет большое методологическое значение. Основной экономический закон — ядро и фундамент совокупного действия экономических законов, познание его — начало познания сущности экономики формации. Без уяснения основного экономического закона невозможно понять другие законы. Поэтому выделение основного экономического закона открывает возможность более целеустремленно анализировать действительность, позволяет подчинять второстепенное главному и с точки зрения этого главного оценивать каждое экономическое

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.
[2] Там же, т. 23, с. 659.

явление. Данное положение подтверждается открытым К. Марксом законом прибавочной стоимости в качестве основного экономического закона капиталистической формации. Как известно, именно открытие этого закона произвело революционный переворот в политической экономии.

Как экономические отношения составляют единые экономические системы, так и экономические законы действуют не изолированно, а образуют системы взаимосвязанных законов.

Экономические законы, входящие в ту или иную систему, находятся в единстве и противоречии друг с другом. В силу этого для познания механизма существования экономических явлений нужно знать противоречия, противоречивые тенденции, которые характерны для данной системы законов.

Так, экономический закон социалистического накопления обеспечивает расширенное социалистическое воспроизводство, научно-технический прогресс, рост общественной производительности труда (и в конечном счете подъем жизненного уровня народа). Это означает, что часть наличного объема национального дохода должна быть накоплена. С другой стороны, действующий при социализме закон неуклонного подъема народного благосостояния обусловливает необходимость направлять возможно бо́льшую часть национального дохода на цели потребления. Но чем больше из национального дохода используется на накопление, тем меньше остается на потребление, и наоборот. Следовательно, между двумя названными экономическими законами социализма обнаруживается объективное неантагонистическое противоречие, которое разрешается путем оптимального сочетания потребления и накопления. В единстве и «борьбе» находятся закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и закон стоимости. Прежде всего плановые пропорции, вытекающие из действия закона планомерного, пропорционального развития, не обязательно должны быть эквивалентными, а закон стоимости предполагает эквивалентность. В этом коренится самая общая основа противоречий между данными законами. Действие закона стоимости приводит к стремлению получить больше прибыли, что достигается при производстве освоенной, т. е. старой, часто не удовлетворяющей новым стандартам или вообще ненужной продукции. Это создает ситуацию, противоречащую интересам народного хозяйства, выражаемым законом планомерного развития. Разрешение такого рода противоречий между двумя рассматриваемыми законами в принципе происходит в пользу закона планомерного развития народного хозяйства (без существенного ущерба действию закона стоимости).

В системах экономических законов существует сложное взаимопереплетение противоречий и противоречивых тенденций, которые следует учитывать, познавая и истолковывая противоречивый механизм действия экономических законов.

Различие системы экономических законов можно рассматривать с точки зрения как координационных связей (по горизонтали), так и субординационных (по вертикали). Координационными отношениями связаны системы экономических законов, охватывающие весь мир, отдельные общественно-экономические формации, отдельные страны (капиталистические, социалистические, развивающиеся), отрасли народного хозяйства и т. д. Типичной системой законов, находящихся в субординационных связях, выступает система экономических законов формации, главную роль в которой играет основной экономический закон, а другие законы — подчиненную.

Вопрос о системе экономических законов социализма связан с вопросом о регуляторе социалистического производства. В литературе выдвигались различные точки зрения по этому поводу. Некоторые авторы считали регулятором при социализме закон стоимости, другие — закон планомерного развития народного хозяйства. Эти точки зрения, на наш взгляд, односторонни. Регуляторами социалистического производства назывались также основной экономический закон, вся система экономических законов социализма. Неправильным, на наш взгляд, является утверждение, будто роль регулятора народного хозяйства выполняет социалистическое государство. По нашему мнению, следует согласиться с утверждением, что регулятором социалистического производства выступает основной экономический закон социализма вместе с другими соподчиненными законами.

Механизм действия экономических законов

Механизм действия экономического закона — это структура закона, взаимозависимость и взаимообусловленность его частей, которые предопределяют и обеспечивают функционирование и развитие закона. Механизм действия экономического закона устанавливается в процессе его познания, в ходе раскрытия содержания закона. Познание экономического закона означает, что познан механизм действия этого закона. При этом глубина познания закона зависит от степени проникновения в механизм его действия, и наоборот.

Познание экономических законов коммунистической формации осуществляется в условиях, коренным образом отличающихся от условий, складывающихся при капитализме. При социализме устранена классовая преграда для познания законов, в познании их заинтересованы массы трудящихся, с экономических отношений снята плотная вуаль товарного фетишизма.

Содержание экономических законов и отражаемых в них производственных отношений определяется в первую очередь и главным образом экономическими интересами и потребностями общества. Условия материальной жизни, производственные отношения в каждой формации принимают форму экономических интересов. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «Экономические отношения каждого данного общества проявля-

ются прежде всего как *интересы*»[1]. Это означает, что, исследуя природу и сложное взаимопереплетение экономических интересов, политэконом исследует содержание экономических отношений и законов и тем самым устанавливает механизм действия законов.

Экономические интересы объективны, они определяются тем местом, которое занимает человек или группа людей в системе общественных отношений. Интересы могут быть осознаны или неосознаны людьми, осознаны полностью или частично, правильно или неправильно. Осознанный экономический интерес выступает в виде цели, т. е. в виде идеального побудительного мотива деятельности людей.

Экономические интересы — главная движущая сила общественного развития. При социализме возрастает роль идеальных движущих сил (морально-политическое единство, дружба народов, патриотизм), однако решающее значение и здесь принадлежит экономическим интересам, тем более что сами идеальные движущие силы рождаются и развиваются на базе общности политических, экономических и других интересов, возникших в результате установления общественной собственности.

В условиях капитализма частная собственность приводит к разобщению экономических интересов, «индивиды преследуют *только* свой особый интерес, не совпадающий для них с их общим интересом...»[2]. Только в социалистическом обществе достижимо единство общественных, коллективных и личных интересов (из коллективных иногда выделяют местные интересы). Среди названных интересов первенствуют общественные, являющиеся наиболее глубокими, коренными, преимущественно перспективными интересами больших социальных групп (в классовом обществе — классов). Личные интересы — в наибольшей степени текущие, ближайшие. Коллективные интересы (интересы коллективов предприятий) выступают промежуточными между общественными и личными, имея вместе с тем известную самостоятельность. Общественные интересы реализуются через личные и коллективные интересы.

Единство экономических интересов в социалистическом обществе заключается в том, что все три группы интересов в конечном счете направлены на достижение общей цели — обеспечение полного благосостояния и всестороннего развития членов общества. Если удовлетворение личного интереса повышает благосостояние людей немедленно, то удовлетворение общественных и коллективных интересов закладывает основы для повышения их благосостояния в ближайшем и отдаленном будущем. Неоправданное ускорение удовлетворения личных интересов неизбежно приведет к ущемлению общественных интересов, т. е. подрыву той основы, на которой в итоге зиждутся и личные

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 271.
[2] Там же, т. 3, с. 33.

интересы. С другой стороны, ущемление личных интересов в пользу общественных может привести к ухудшению условий воспроизводства рабочей силы, ослаблению личной материальной заинтересованности в результатах производства, что вовсе не в интересах общества.

Между тремя видами интересов имеется не только единство, но и известные неантагонистические противоречия. Нельзя одновременно максимально удовлетворить и общественные, и личные интересы, можно добиваться лишь оптимального сочетания удовлетворения этих интересов. Из противоречий интересов вытекают противоречия в действии экономических законов социализма.

Структура, взаимосвязи, противоречия интересов определяют главное содержание механизма действия экономических законов. В этом механизме находит отражение не только содержание отдельных законов, но и содержание системы этих законов (их взаимопереплетение, противоречия).

Механизм использования экономических законов

Знание механизма действия экономических законов открывает путь для использования законов. Именно в использовании экономических законов непосредственно проявляются предсказанное классиками марксизма-ленинизма подчинение объективных природных и общественных сил человеку, огромное значение творческой деятельности человека, роль субъективного фактора в развитии общества. Ф. Энгельс писал: «Одного только познания, даже если оно идет дальше и глубже познания буржуазной политической экономии, недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*»[1].

Под использованием экономических законов понимают их применение людьми в своих общих интересах. Использование законов осуществляется путем создания соответствующих условий, предоставляющих наибольший простор для реализации одних законов (в социалистическом обществе — закона распределения по труду, закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и других специфических законов) или ограничивающих действие других законов (например, закона стоимости).

Использование экономических законов может быть эмпирическим, когда люди бессознательно (реже — осознанно) приспосабливаются к действиям законов, учитывают их в своих действиях. Говоря о капиталистических отношениях, В. И. Ленин писал, что «масса прилаживается бессознательно к этим отношениям» и определенное время «не имеет представления

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 329—330.

о них, как об особых исторических общественных отношениях»[1]. Высшей формой использования экономических законов является сознательное их использование, тесно связанное с предвидением. В этом случае на основе познанного механизма действия законов люди сознательно и активно создают необходимые условия для реализации законов.

Эмпирическое использование экономических законов характерно для классовых антагонистических формаций, в которых люди на экономические законы воздействуют в весьма незначительной степени. При этом господствующие классы используют экономические законы в своих узкоэгоистических интересах, а не в интересах трудящихся масс. Элементы эмпирического использования экономических законов присущи и социалистическому обществу, особенно на первых этапах его развития, когда еще слабо познаны экономические законы социализма. Эмпирическое использование экономических законов социализма — начальная и неизбежная ступень овладения ими. «Чтобы понять,— писал В. И. Ленин,— нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду»[2]. Однако типичным для социализма и коммунизма является сознательное использование экономических законов в интересах всех трудящихся. «Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением,— отмечал Ф. Энгельс, — может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем более возможной. От нее начнет свое летосчисление новая историческая эпоха...»[3]

Сознательное использование экономических законов в интересах общества на основе их глубокого познания в коммунистической формации является не просто типичным, а необходимым, так как без налаженного механизма такого использования невозможно нормальное функционирование и развитие этой формации (капитализм не нуждается в таком механизме, так как он располагает автоматическим регулятором в виде конкуренции). Сознательное использование экономических законов при социализме и коммунизме осуществляется в условиях заинтересованности в этом широких масс трудящихся, связано с реализацией их материальных интересов.

Наряду с другими важнейшими предпосылками сознательное использование экономических законов социализма открывает широкие возможности для ускорения развития экономики со-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136.
[2] Там же, т. 29, с. 187.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 359.

циализма и социалистического общества в целом, создает условия для перехода к коммунизму. Дополнительные возможности ускорения развития экономики социализма связаны с укреплением экономического сотрудничества между социалистическими странами, которое означает расширение сферы проявления экономических законов социализма, действующих теперь не только в отдельных странах, но и в социалистическом содружестве в целом.

Коренное изменение в использовании экономических законов при социализме и коммунизме привело к принципиальному изменению функций и задач политической экономии. Если марксистско-ленинская политическая экономия капитализма ограничивается преимущественно познавательной и идеологической функциями, то политическая экономия социализма выполняет еще практическую и методологическую функции. Политическая экономия в условиях коммунистической формации выполняет принципиально новые функции — революционного созидания, активного фактора воздействия на развитие экономики.

Использование экономических законов социализма тесно связано с изучением конкретного проявления законов в экономической действительности. В самом деле, для того чтобы сделать реальные шаги в направлении использования экономических законов, нужно установить конкретное состояние экономики в тот или иной момент (период) в том или ином регионе. С другой стороны, всякий экономический закон в соответствии со своей природой обладает объективным механизмом действия, может осуществляться в определенных условиях. Из сопоставления объективного механизма действия закона с конкретным состоянием экономики и делаются практические выводы, направленные на совершенствование экономики, на сознательное использование экономического закона, т. е. устанавливается конкретный механизм использования закона. Устанавливая механизм использования определенного экономического закона в конкретных обстоятельствах, исследователь учитывает все реально имеющиеся возможности и выбирает из них ту, которая в наибольшей степени отвечает поставленной цели.

Коммунистическая партия и социалистическое государство на основе познания законов и изучения их конкретного проявления вырабатывают экономическую стратегию и соответствующую ей экономическую политику, осуществляют политическое воздействие на развитие экономических отношений. Ядром механизма сознательного использования экономических законов является высшая цель экономической политики партии, заключающаяся в неуклонном подъеме материального и культурного уровня жизни советского народа.

Руководство хозяйственным строительством — одно из главных направлений деятельности Коммунистической партии. Этой деятельности придавал огромное значение В. И. Ленин, называвший план электрификации России второй программой партии.

Организация общественного производства и руководство экономикой являются, особенно в современных условиях, главнейшей функцией Советского государства. В процессе движения к коммунизму руководящая роль Коммунистической партии и социалистического государства в экономическом строительстве возрастала и будет возрастать. Это обусловлено последовательным расширением фронта коммунистического строительства, которое все больше требует четкого организующего начала, осуществляемого партией и государством[1].

Под руководством Коммунистической партии, исходя из поставленных целей и наличных ресурсов, социалистическое государство составляет научно обоснованные, оптимальные, перспективные и текущие планы экономического и социального развития. В этих планах находят отражение основные направления и пропорции в развитии народного хозяйства, диктующиеся совокупностью экономических интересов, основным экономическим законом, законом планомерного, пропорционального развития и другими экономическими законами, действующими при социализме. В планах экономического и социального развития закладываются разработанные государством критерии и оценки затрат и результатов производства, экономические и иные нормативы, выступающие соответствующими рычагами планового управления.

Важнейшей частью механизма использования экономических законов является система материального и морального стимулирования, которая наиболее тесно связана с реализацией общественных, коллективных и личных экономических интересов (при приоритете общественных интересов).

На основе установленных критериев, нормативов и стимулов осуществляются производственные связи не только между государством и отраслями, государством и предприятиями, районами страны, социальными секторами, но и между предприятиями, а также внутри предприятий.

Существенными элементами механизма использования законов выступают социалистическое соревнование и другие формы творческого участия масс в развитии производства. Коммунизм вырастает в результате созидательного труда миллионов тружеников социалистического общества, организуемого на основе и в полном соответствии с объективными экономическими законами. Задачи коммунистического строительства доводятся до каждого работника на заводе, в поле, лаборатории, они

[1] В литературе на протяжении многих лет обсуждается вопрос: какую природу — базисную или надстроечную — имеет экономическая политика социалистического государства. Базисные явления — объективные явления, не зависящие от воли людей, а экономическая деятельность государства основана на сознательном осуществлении соответствующей политики. Поэтому хозяйственно-организаторская функция социалистического государства, на наш взгляд, относится к надстройке. Этим ни в коем случае не умаляется огромное значение названной функции социалистического государства.

овладевают сознанием широких масс. Овладев сознанием широких масс, теория, как указывал К. Маркс, становится материальной силой. В этом проявляется действие субъективного фактора как в работе производственных коллективов и отдельных их членов, так и в деятельности государственных и общественных организаций, особенно Коммунистической партии. Субъективный фактор в условиях зрелого социалистического общества приобретает все большее значение.

Механизм использования экономических законов социализма в своих основных чертах является механизмом управления социалистической экономикой. К компетенции политической экономии социализма относятся не все проблемы рассматриваемого механизма. Так, она не занимается проблемами управления на предприятиях или в отраслях. Политическая экономия социализма прежде всего раскрывает теоретические основы экономической политики Коммунистической партии и социалистического государства, создает научные основы управления экономикой, решает принципиальные вопросы использования экономических законов. Важнейшая задача политэкономии — исследование механизма использования законов на народнохозяйственном уровне, связанного с решением крупных стратегических задач.

Вопрос о механизме использования экономических законов тесно связан с обсуждаемой в литературе проблемой совершенствования производственных отношений социалистического общества. Некоторые авторы считают, что на производственные отношения наряду с опосредованным воздействием через изменение производительных сил в принципе можно оказывать и непосредственное воздействие. А. К. Покрытан в свою очередь полагает, что на них можно воздействовать только опосредованно, через изменение политико-юридических форм[1]. Последняя точка зрения представляется более обоснованной. Производственные отношения, как и экономические законы, можно совершенствовать путем изменения условий и форм проявления отношений на поверхности экономики. Например, если поставлена задача совершенствования заработной платы как категории политической экономии (форма, в которой реализуется часть необходимого продукта, выражающая непосредственные отношения работника с обществом), то эту задачу надо решать через воздействие на существующие формы и системы заработной платы в соответствующих отраслях народного хозяйства, т. е. влияя на заработную плату как на категорию конкретной экономики. Совершенствование социалистических производственных отношений в наибольшей степени достигается в механизме использования экономических законов социализма.

[1] Покрытан А. К. Производственные отношения и экономические законы социализма. М.: Мысль, 1971, с. 20.

Хотя капиталистическому способу производства не присущ сознательный механизм использования экономических законов, это не означает, что буржуазное государство не проводит определенную экономическую политику, а буржуазная политическая экономия индифферентна к экономической политике государства. Ф. Энгельс говорил о троякого рода воздействии буржуазного государства на развитие капиталистического производства — положительном, отрицательном, смешанном. Так, в период становления капиталистической формации буржуазия широко пользовалась государственной поддержкой, а придя к государственной власти, проводила экономическую политику, отражавшую идеи классической политической экономии. Укрепив свое господство, буржуазия перестала нуждаться в поддержке государства, устремившись к неограниченной свободе частного предпринимательства. В соответствии с обстоятельствами вульгарная буржуазная политическая экономия этого периода декларирует отсутствие ее связи с экономической политикой государства, пытается доказать свою независимость и классовую беспристрастность. На империалистической стадии, особенно в условиях государственно-монополистического капитализма, роль экономической политики буржуазного государства снова возрастает, буржуазная политическая экономия открыто старается помочь классу капиталистов и государству в сохранении их положения в быстро меняющемся мире.

Следовательно, механизм действия и механизм использования экономических законов не тождественны друг другу: первый является строго объективным процессом, не зависящим от воли человека, второй устанавливается на основе первого, зависит от экономической грамотности и организаторских способностей кадров, может быть правильным и неправильным, т. е. несет на себе отпечатки субъективности, хотя в конечном итоге по своему содержанию также является объективным (в смысле отражения действительности, не зависящей от воли человека).

По-видимому, механизм действия и механизм использования экономических законов находятся в таком же соотношении, как законы, функционирующие в экономике, и законы экономической науки, отражающие их.

Некоторые ученые отождествляют названные механизмы. Однако объединение механизмов действия и использования законов ведет к смешению объективного и субъективного, базиса и надстройки. Ведь если сознательная деятельность людей — часть объективного механизма действия законов, то любое действие людей, общества, государства объективно, что неверно. Субъективные факторы играют огромную роль в реализации экономических законов социализма, более того — без них действие законов социализма вообще невозможно, но признание этой их роли совсем не означает приписывания им непосредственно-объективного характера.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Экономической закономерностью называют достаточно устойчивую причинно-следственную повторяемость и последовательность в экономических явлениях. Это понятие близко к понятию «закон»: то и другое отражает объективно существующие связи между явлениями, их причинами и следствиями. Однако в законе эти связи более устойчивы, всеобщи. Так, в законе повышающейся производительности труда, действующем при социализме, отражается определенная связь между затратами труда и объемом изготовленной продукции; эта связь обнаруживается во всех социалистических странах за все периоды их существования. Закономерность же отражает правильность, последовательность в явлениях, относящуюся к определенному месту и времени и обусловленную, как правило, не одной, а рядом причин, складывающихся под влиянием нескольких законов. Связи, обобщаемые в закономерности, менее устойчивы, чем в законе, и справедливы лишь для данных условий развития конкретных явлений.

Закономерность существенно отличается от закона тем, что последний всегда вписывается в строгую, устойчивую систему законов действительности, закономерность же входит в весьма непостоянные, текучие системы, изменяющиеся в зависимости от круга обобщенных ею фактов и изменения внешних условий. Экономическая закономерность богаче экономического закона конкретным содержанием; кроме глубоких внутренних связей, относящихся к одному или нескольким законам, она отражает черты явлений, порожденные случайными для данной связи причинами (указание на время, место и т. д.). Экономический закон богаче экономической закономерности тем, что относится к большей массе соответствующих экономических явлений, охватывает всю совокупность этих явлений. Кроме того, если закономерность выявляется обязательно в результате обобщения фактов, то закон может быть выведен в ходе теоретического анализа и уже в дальнейшем подтвержден (или опровергнут) фактами[1].

Понятие «закономерность» однозначно. Часто его употребляют, когда хотят подчеркнуть, что то или иное явление не случайно, а необходимо, подчинено какому-либо закону (или комплексу законов), совершается на основе этого закона (законов). В этом понимании понятие «закономерность» — синоним понятия «закономерное», выражает факт наличия причинно-следственной обусловленности, связи и взаимодействия экономических явлений. Такой смысл в это понятие вкладывал

[1] Некоторые ученые считают, что закономерность относится к объективному миру, а закон — к отражению закономерностей мира наукой. В советской литературе законы объективного мира и понятия о них, складывающиеся в науке, принято обозначать одними терминами.

Ф. Энгельс, когда он писал о «закономерности» процесса развития человечества, «закономерности вселенной»[1].

Экономические закономерности, как и экономические законы, подразделяются на статистические и динамические. Первые из них обобщают многозначные связи, вторые — однозначные. В экономике в подавляющем большинстве случаев обнаруживаются связи многозначные. В целях упрощения такие связи путем усреднения исходных признаков нередко приводят к связям однозначным, т. е. статистические закономерности представляют динамическими. История познания свидетельствует, что человек первоначально удовлетворяется динамическими связями и лишь в дальнейшем учится исследовать связи статистические, которые более сложны.

Экономические закономерности бывают различной степени обобщенности. Закономерность может относиться к сравнительно узкому кругу явлений, взятых за короткий срок; например, закономерность роста средней заработной платы работающих на предприятиях треста или района за два-три года. Она может охватывать последовательно целую отрасль, область, республику, страну, наконец, группу стран за более продолжительные сроки.

В литературе (особенно статистической) широко распространена точка зрения, что экономические закономерности являются эмпирическими, отражают не глубинные, а поверхностные связи, поэтому они якобы не однопорядковы с законом.

На наш взгляд, с такой точкой зрения нельзя согласиться. Закономерность, как и закон, отражает сущность явлений, хотя это могут быть лишь первые ее слои, т. е. сущности первых порядков. В этом смысле они могут «не доходить» до самых глубоких первопричин, а служить базой выдвижения рабочих гипотез для нахождения таких причин.

Анализируя теорию реализации при капитализме, В. И. Ленин отмечал: «Вопрос о реализации есть абстрактный вопрос, относящийся к теории капитализма вообще. Берем ли мы одну страну или весь мир, основные законы реализации, раскрытые Марксом, остаются те же самые.

Вопрос о внешней торговле или о внешнем рынке есть вопрос исторический, вопрос конкретных условий развития капитализма в той или другой стране в ту или другую эпоху»[2]. Представляется, что анализ абстрактных вопросов о реализации относится к области действия законов, а анализ исторических вопросов, подобных вопросу о внешнем рынке, принадлежит к области действия закономерностей. Болгарский философ В. С. Добриянов писал об идеальной теории, выражающей исследуемые процессы в чистом виде, и конкретной теории, являющейся некоей конкретизацией идеальной теории[1]. В соответствии с этой позицией законы могут быть отнесены к идеальной теории, закономерности — к конкретной теории.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 23, 503.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 80.

Поскольку статистические закономерности обобщают информацию, относящуюся только к определенному пространству и времени, они с теоретико-познавательной точки зрения выступают не как всеобщее (всеобщим является закон), а как особенное. При расширении границ пространства и времени до того или иного предела (социалистическая система, капиталистическая система, весь мир) закономерность перерастает во всеобщее, т. е. в закон.

Естественно, что в законе отражается лишь основная, главная черта действительности, на деле же действительность — сложнейший организм с многочисленными связями, отношениями, признаками. Чтобы понять законы действительности, нужно пройти многие промежуточные ступени, звенья. Каждая статистическая закономерность есть своеобразное промежуточное звено между действительностью и собственно законами; она наводит мост между ними и служит необходимой ступенью в понимании мира. Поэтому собственно законы открываются, как правило, на базе уже открытых закономерностей, что соответствует общему ходу человеческого познания, которое идет от единичного (факта) к особенному (закономерности) и всеобщему (закону). С другой стороны, действие законов обнаруживается через действие закономерностей. Следовательно, процесс познания и истолкования объективного мира идет от единичного к особенному (закономерностям) и снова к единичному. Саму закономерность можно трактовать как ступеньку к открытию закона и как форму проявления действия одного или нескольких законов.

Представляется также неверным утверждение, что закономерности порождаются законами[2]. Если рассматривать генезис экономических закономерностей, то они, как и экономические законы, порождаются самой экономической действительностью, выступают отражением ее причинно-следственных связей.

В экономической литературе встречается понятие «правильность». По смыслу употребления этого термина правильность близка к закономерности[3]. Отличие ее от закономерности состоит в том, что она отражает преимущественно внешние связи. Поэтому, на наш взгляд, правильностью можно считать предельно конкретную закономерность, в которой выражены поверхностные связи. Такое представление о правильности косвенно подтверждают следующие слова Гегеля: «Правильность... как таковая есть вообще одинаковость во внешнем...»[4]

[1] Добриянов В. С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М.: Мысль, 1968, с. 140—148.
[2] Вопросы экономики, 1973, № 10, с. 64.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.
[4] Гегель. Соч. Т. XII. М., 1938, с. 138.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Для понимания и истолкования экономики важнейшее значение имеют не только экономические законы и закономерности, но и экономические понятия, категории. Объективные законы, закономерности и категории в совокупности дают цельную картину экономической действительности.

Среди политэкономов господствует точка зрения, что экономические категории являются лишь теоретическим выражением экономических отношений, а в самой действительности они не существуют. Об этом пишут, например, И. Прохоренко и А. Канашевич, ссылаясь на К. Маркса[1]. Действительно, К. Маркс в своих трудах неоднократно характеризовал экономические категории как теоретические выражения общественных отношений производства. Но у него имеются высказывания, которые, на наш взгляд, дают основания полагать, что он считал категориями и объективные экономические отношения или вернее не проводил резкой грани между категориями и объективными отношениями. Так, в «Капитале» он указывал, что в условиях буржуазного способа производства капитал образует «его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение»[2]. Отсюда видно, что К. Маркс не различал категорий и производственных отношений, отождествлял их. Во «Введении» он отмечал, что «было бы недопустимым и ошибочным брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль»[3]. Здесь, пользуясь термином «экономические категории», К. Маркс писал об объективных отношениях, так как решающую роль в историческом развитии могут играть не теоретические выражения экономических отношений, а сами эти отношения. Это становится очевидным из дальнейшего изложения: несколькими строками ниже, разъясняя приведенное выше положение, он применяет уже термин «экономические отношения», а не «экономические категории».

О бесплодности противопоставления экономических категорий как теоретических форм экономических отношений и самих экономических отношений писал В. И. Ленин. Критикуя С. Н. Булгакова, утверждавшего, что прибавочная стоимость — не материальная вещь, а понятие для обозначения общественных отношений производства, в работе «Аграрный вопрос и „критики Маркса"» он заметил: «Это противоположение „материальной вещи" — „понятию" представляет из себя наглядный образчик той схоластики, которую так любят в настоящее время преподносить под видом „критики". Какое значение могло бы иметь „понятие" о доле общественного продукта,

[1] Экономические науки, 1980, № 10, с. 25—26.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 394.
[3] Там же, т. 12, с. 734.

если бы этому понятию не соответствовали определенные „материальные вещи"?»[1]

Анализируя вопрос о понятиях и законах науки и самой действительности, Ф. Энгельс писал о наличии двух рядов таких понятий и законов: «Два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе,— а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей»[2].

Общепризнано, что законы (закономерности) существуют как в действительности, так и в науке. Нет никаких причин, чтобы не признать то же самое применительно к категориям, понятиям, тем более что и законы, и закономерности являются разновидностью последних. Экономические категории, как и экономические законы (закономерности), также существуют и в действительности, и в мышлении, т. е. имеют и онтологическое, и гносеологическое содержание. Если бы в экономической действительности не существовали прототипы категорий науки, теория не смогла бы сформировать сами эти категории. Прототипы категорий науки представляют собой объективные экономические категории. Таким образом, сказанное вполне соответствует марксистской теории познания и отнюдь не противоречит высказываниям классиков марксизма-ленинизма.

В объективных экономических понятиях, категориях отражается множество чувственно конкретных, эмпирических свойств, явлений, отвлеченных и сведенных в единое представление, спрессованных в своего рода эмпирическое понятие. Например, практическое отвлечение от бесконечного многообразия предметных свойств некоторых вещей (топора, молотка, пилы, двигателя) представляет собой понятие «орудия труда». Орудия труда существуют независимо от воли и сознания человека подобно таким объективным понятиям, как «хозрасчет», «планомерность».

У Ф. Энгельса имеется следующее высказывание, которое, на наш взгляд, может служить доказательством существования объективных категорий: «Движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как „материя" и „движение", суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей»[3].

Экономические категории, как и объективные экономические законы, не могут быть связаны с какими-то конкретными

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 122.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 302.
[3] Там же, т. 20, с. 550.

явлениями. Скажем, нельзя обнаружить в действительности и съесть «плод» вообще, а можно съесть яблоко, апельсин, лимон.

Теоретически осознанные представления о существующих в реальном мире «орудиях труда», «хозрасчете», «планомерности» становятся понятиями, категориями науки.

Экономические категории можно классифицировать. Например, выделить группы всеобщих, общих и специфических категорий; категорий непосредственно производства, распределения, обмена, потребления; исходное, основное и остальные категории; группы категорий общекоммунистических, специфически социалистических, перешедших от капитализма и преобразованных в процессе развития социализма; международных, народнохозяйственных, отраслевых категорий и т. д. Необходимо различать экономические категории сущностные и поверхностные, например категории постоянного и переменного капитала и категории основного и оборотного капитала. Важно различать экономические категории, охватывающие общетеоретические (политэкономические) производственные отношения и конкретно-экономические производственные отношения, например категории национального дохода и чистой продукции, создаваемой на отдельных предприятиях и в отраслях.

Экономические категории отражают отдельные стороны действительности, искусственно вырванные из нее и представляемые изолированно.

В жизни все экономические явления, все стороны экономики взаимосвязаны, существуют в единых неразрывных комплексах, системах, ввиду чего экономические категории выступают в виде систем.

Системы экономических категорий можно рассматривать с точки зрения горизонтальных и вертикальных связей. Наиболее важное значение имеют последние, так как они отражают субординационные связи экономических категорий. Ф. Энгельс, рассматривая проблему классификации теоретических форм мышления, писал: «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления... Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих» [1]. То, что относится к теоретическим формам, несомненно, можно распространить на их объективную основу, в данном случае — на объективные экономические категории.

Вертикальные, или субординационные, системы представляют экономические категории развертывающимися от наиболее общих, глубинных, ко все более конкретным категориям, близким или находящимся на поверхности экономики, составляющим механизм хозяйственного управления в социалистическом обществе.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 538.

Познание всесторонней субординированной системы экономических категорий развитого социализма является важнейшей задачей политэкономии.

Буржуазные ученые о законах экономического развития

Вульгарные буржуазные политэкономы представляют капиталистическую экономику ненаучно, что предопределяется не только и даже не столько непониманием процессов экономического развития, сколько классовым, буржуазно-апологетическим подходом к ним. Выражением такого подхода выступает отрицание объективности экономических законов капиталистического способа производства [1].

Идеологи буржуазии боятся констатации объективных законов, так как их признание неумолимо подводит к отрицанию капиталистической системы. Отрицание объективных экономических законов, связанное, в частности, с отрицанием объективных причинных связей в экономических явлениях, дает возможность считать возникновение социалистической системы не закономерным, а случайным фактом, позволяет выбирать любые пути и оправдывать любое государственное вмешательство в развитие капиталистической экономики. Центр тяжести буржуазной экономической теории в современных условиях перенесен на выработку универсальных формул «рационального ведения хозяйства», нахождение оторванных от жизни рецептов поведения «хозяйствующего субъекта», якобы не зависящих от социальных факторов и пригодных для любой исторической эпохи.

Еще историческая школа буржуазной политической экономии отрицала существование экономических законов развития общества и подменяла научное исследование внешним описанием разрозненных исторических фактов. Историко-этическое направление этой школы подменяло экономическое исследование утверждениями о нравственных целях, правилах, нормах.

Представители австрийской школы, формально признавая необходимость исследования экономических законов, перенесли поиски этих законов из сферы общественных отношений в субъективно психологическую область. К правовым и этическим нормам сводили общественную жизнь представители социально-органической школы политической экономии.

Д. Кейнс и его приверженцы считают, что буржуазное государство способно устранить анархию производства, предотвра-

[1] Буржуазные ученые пытаются приписать субъективизм и советской экономике, утверждая, что при социализме конечной экономической санкцией является «голая сила».

тить экономические кризисы, ликвидировать безработицу и другие отрицательные стороны капитализма. Положение о возможности исправления «дурных сторон» капитализма выступает еще с времен П. Прудона теоретической основой всякого рода разновидностей реформизма, пытающегося подправить капитализм, незыблемо сохраняя его экономические и иные устои. Многие экономические явления Д. Кейс толкует как чисто психологические. Для «объяснения» причин безработицы он придумал особый «основной психологический закон», согласно которому рост личного потребления якобы происходит в меньшей степени, чем рост дохода данного лица, вследствие чего ощущается недостаток эффективного спроса, в конечном счете приводящий к безработице. Формулируя «основной психологический закон», Д. Кейнс как типичный буржуазный ученый не учитывает классовых различий в потреблении, того, что фонд потребления рабочих капиталистических стран ограничен необходимым продуктом и стоимостью рабочей силы, а фонд потребления капиталистов черпается из прибавочной стоимости, значительно превышающей их личные потребности. Неприятие объективных экономических законов Д. Кейнсом особенно ярко видно из следующих его слов: «Идеи экономистов и политических мыслителей — и тогда, когда они правы, и тогда, когда они ошибаются,— более могущественны, чем обычно думают. В действительности мир почти этим и управляется» [1].

Представители западногерманского неолиберализма, выдвинувшие теорию двух «идеальных типов хозяйства» (рыночное и центрально-управляемое), отрицают их связь с социальной формой хозяйства и выступают против признания объективных экономических законов. Глава неолибералов В. Ойкен писал: «По правде говоря, мы не знаем никаких законов, по которым развивалась бы история» [2].

Так называемая «праксеологическая экономия» (праксеология — «наука о действиях человека»), развиваемая в США, также отрицает объективные законы и считает единственной задачей экономистов разработку универсальных «рациональных действий человека», не зависящих от социальных форм хозяйства. Вот что пишет по поводу категории прибыли видный идеолог «праксеологии» Л. Мизес: «Прибыль или убыток обусловливает решение предпринимателя. Прибыль — продукт разума, успех в предвидении будущего состояния рынка. Она — духовное и интеллектуальное явление» [3].

Вершин субъективистского толкования экономических отношений достигают те современные апологеты, которые утверждают, что имеющиеся недостатки капитализма проистекают от

[1] Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Изд-во иностр. лит., 1948, с. 370.
[2] Eucken W. Grundsätze der Volkwirtschaftpolitik. Tubingen, 1952, s. 208.
[3] Mises L. Planning for Freedom. London — New York, 1965, p. 120.

плохого его названия и что нахождение для капитализма нового, более удачного имени ликвидирует его недостатки и изменит ход исторического развития. В связи с этим они предлагают «народный капитализм», «экономический гуманизм», «систему свободного предпринимательства» и т. д. К такого рода предложениям вполне подходит критика, высказанная К. Марксом в адрес П. Прудона: «В труде-товаре, этой ужасной действительности, он видит только грамматическое сокращение... И если общество захочет „устранить все те неудобства", от которых оно страдает, то ему стоит только устранить неблагозвучные выражения, изменить язык, а для этого ему лишь следует обратиться к Академии и попросить нового издания ее словаря» [1].

На позициях отрицания объективности экономических законов стоят современные ревизионисты и реформисты. В частности, для ревизионистов левотроцкистского толка характерна приверженность к известной «теории насилия», согласно которой первопричиной экономического развития выступает политика.

Отвергая объективные экономические законы, буржуазные экономисты не отказываются от констатации постоянства некоторых универсальных связей, наблюдаемых на поверхности общества (скажем, связи спроса и предложения). Такая констатация не ведет к признанию объективности законов, так как причины общих связей усматриваются в психологии, эгоизме, субъективных оценках человека. Даже А. Смит, по существу признававший объективные экономические законы (говоривший о «естественных законах»), движущие силы хозяйственного развития видел в человеческом эгоизме, поведении.

Справедливости ради надо сказать, что если отбросить сознательное искажение капиталистической экономики буржуазными экономистами, то субъективистское толкование ими экономических законов имеет некоторые гносеологические причины. Субъективисты видят, что экономическое развитие не может осуществляться без людей, обладающих сознанием и волей. И это верно. Однако отсюда они делают неверный вывод, что законы развития зависят от сознания людей. Конечно, законы развития общества в отличие от законов природы осуществляются через деятельность людей, ставящих перед собой определенные цели. Но сами эти цели и характер деятельности людей обусловлены вполне объективными обстоятельствами и причинами. Поэтому в конечном счете экономические законы объективны, а не субъективны, чего не могут (или не хотят) понять буржуазные экономисты.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 92.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УРОВНИ МЕТОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Глава IV

ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И КАТЕГОРИИ — ОСНОВА И ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ МЕТОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Высшим уровнем метода политической экономии и теоретической основой применения общенаучных и специфических приемов служит логико-гносеологическая (диалектико-логическая и гносеологическая) функция марксистско-ленинской философии.

При анализе мировоззренческой и логико-гносеологической функции философии используются одни и те же диалектико-материалистические принципы и категории. Это вытекает из единства логики, диалектики и теории познания, о котором В. И. Ленин писал: «Не надо 3-х слов: это одно и то же»[1]. Отличие заключается в том, что при исследовании мировоззренческого аспекта категории философии используются для уяснения того, что происходит в объективном мире, а при изучении логико-гносеологического аспекта те же категории применяются для установления закономерностей и ступеней познавательного процесса, сущности и источников познания, принципов научно-теоретического мышления. Первый из названных аспектов представляет собой объективную диалектику, второй — субъективную.

Категории субъективной диалектики, являющиеся логическими формами отражения действительности, представляют собой аппарат познания и совершенствования форм мышления, выступают важнейшим средством экономических обобщений, получения научных экономических абстракций, формирования теории политической экономии.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

Эти категории по своему содержанию объективны, их прототипом являются объективные категории материалистической диалектики.

Категории субъективной диалектики имеют огромное значение для познания экономической действительности. Они должны применяться и применяются политэкономами (иногда неявно и несознательно) в их исследовательской и педагогической работе. Если даже ученый не осознает, что теоретические формы «подчиняются» диалектико-логическому принципу взаимосвязи, несмотря на это, пользуясь такими формами, он неявно будет исходить из наличия их взаимосвязи. Это подскажет ему имеющийся опыт, сама жизнь, которая пронизана диалектикой. Однако осознанное применение диалектических категорий позволит добиться наибольших результатов в познании экономической действительности. В этой связи Н. И. Подвойский писал: «Общая часть диалектики не обширна, но столь же важна для исследования, как таблица умножения для вычислений»[1].

Осознанное применение форм диалектической логики значительно повышает эффективность познавательной деятельности человека. Логические формы обеспечивают последовательность мысли и тем самым способствуют преодолению трудностей при переходе от незнания или не вполне ясного знания к более полному и определенному. Ф. Энгельс отмечал, что «приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше»[2].

Сознательное использование философских категорий помогает политэконому освободиться от эмпиризма, препятствует забвению основополагающих марксистских истин, некритическому заимствованию специальных понятий и методов из других наук и помогает вести решительную борьбу с идеалистическими и метафизическими направлениями буржуазной политической экономии. Применение диалектико-логических категорий способствует более глубокому познанию противоречий экономического развития. И напротив, игнорирование философских категорий вольно или невольно ведет политэконома к эмпиризму, к экономическому позитивизму, лишает четких научных критериев оценки явлений окружающего мира и способов его познания, формирует метафизический стиль мышления.

Однако следует подчеркнуть, что принципы, законы, категории марксистско-ленинской философии, хотя они и имеют важное значение для познания экономических отношений, нельзя рассматривать как непосредственное основание, как некий шаблон для формирования экономического знания, они дают лишь руководящую нить, общие методологические подходы

[1] Коммунист, 1980, № 3, с. 111.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 360.

к анализу экономических явлений, определяют направление и стратегию такого анализа. Категории марксистско-ленинской философии в процессе политэкономического исследования конкретизируются, преломляются и наполняются политэкономическим содержанием. В. И. Ленин выступал против использования общих идей как средства непосредственного решения конкретных вопросов. Он писал, что «стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины... есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» [1]. Ф. Энгельс отмечал, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты» [2].

С учетом того, что метод представляет собой адаптированную применительно к познавательному процессу теорию, следует включать в него не просто диалектико-логические категории, относящиеся к философии, а категории, относящиеся именно к познавательному процессу. Методологическая адаптация заключается в том, что соответствующая теория, ее категории служат основой разработки методологических требований и правил поведения исследователя в процессе познавательной деятельности. Например, принцип развития теоретических форм входит в метод в виде требования или правила рассматривать категории науки в постоянном движении, развитии.

В познавательной деятельности теория может играть различную роль. В большинстве случаев она заключается в том, что теория мысленно «поворачивается» к процессу познания (как в примере с принципом развития). В этой ситуации категории философии выполняют функции метода непосредственно, лишь мысленно обращаясь к познавательному процессу.

Применение теории возрастает тогда, когда на ее основе вырабатываются особые познавательные приемы. Например, когда принцип взаимосвязи категорий выступает в виде системного подхода или системы экономических индексов. В таком случае философские категории действуют в функции метода опосредованно. В данной главе диалектико-логические принципы и категории рассматриваются преимущественно как действующие непосредственно, а в последующих главах — опосредованно, через особые познавательные — общенаучные и специфические — приемы.

Положение о необходимости методологической адаптации относится не только к философской, но и к экономической теории, категории которой входят в метод лишь после представления их как принципов мышления.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 14.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 351.

1. НАУЧНЫЕ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ АБСТРАКЦИИ

Принцип обоснованности политэкономических выводов фактами

Первой ступенью человеческого познания выступает эмпирическое познание. На этой ступени происходят сбор и первичная обработка фактов, определение поверхностных закономерностей явлений.

Всякое научное исследование, в том числе и политэкономическое, должно опираться на правильно обобщенные факты. Выводы ценны лишь тогда, когда они основаны на анализе и обобщении фактов. Наука тем и отличается от всевозможных идеалистических концепций, что она опирается на точные, строго проверенные факты действительности; идеализм же кладет в основу своих построений субъективное «начало» — «абсолютную идею», «мировой дух», «человеческую природу» и т. п.

Великий русский физиолог И. П. Павлов повторял: факты для ученого — это все равно что воздух для птицы. Все достижения и завоевания науки в конечном итоге основываются на изучении и обобщении огромной массы фактов. На гранитном фундаменте фактов зиждется самое крупное обобщение в области производственных отношений, сделанное К. Марксом в «Капитале».

В. И. Ленин в работе «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» показал несостоятельность критики, с которой выступил против К. Маркса народник Н. К. Михайловский. Последний упрекал К. Маркса за «недоказанность» материалистического понимания истории, за то, что он будто бы лишь исследовал массу фактического материала, но нигде не дал анализа понятия общества. К. Маркс, по словам В. И. Ленина, выдвинув в 40-х годах XIX в. гипотезу о материалистическом понимании истории, взялся за изучение фактического материала. Он исследовал одну из общественно-экономических формаций — капиталистическое хозяйство — и на основании массы данных, которые он собирал не менее 25 лет, дал подробнейший анализ законов функционирования и развития этой формации. Свой анализ К. Маркс изложил в «Капитале», с появлением которого, как отмечал В. И. Ленин, материалистическое понимание истории превратилось из гипотезы в научно доказанное положение.

Ф. Энгельс в «Диалектике природы» указывал, что «в любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам *фактов*» [1].

В. И. Ленин неоднократно отмечал большое значение фактов для научных обобщений. Так, он писал: «Марксизм стоит

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 370.

на почве фактов, а не возможностей»[1]. Или: марксисты всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе их политики[2]. Представляет интерес в данном отношении запись В. И. Ленина при конспектировании переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. Положение К. Маркса об условиях превращения политической экономии в положительную науку В. И. Ленин законспектировал так: «факты — основа политической экономии, а не догмы»[3].

Основоположники марксизма-ленинизма выступали против общих фраз и отвлеченных рассуждений, всегда выводы делали на основе фактов. Анализ их наследства свидетельствует, что все их работы от таких монументальных теоретических исследований, как «Капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» Ф. Энгельса, «Развитие капитализма в России» и «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина, до кратких заметок по отдельным вопросам революционного движения — написаны на основе обобщения колоссального фактического материала.

Так, для того чтобы написать «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин критически переработал обширную литературу по экономике России, сотни статистических сборников, экономических исследований до- и пореформенного развития России. Он цитирует и упоминает в ней более 700 литературных источников, а фактически изученная им литература намного превосходит это количество.

Готовя работу «Империализм, как высшая стадия капитализма», В. И. Ленин также изучил сотни книг, брошюр, журнальных и газетных статей, статистических сборников. Только опубликованные подготовительные материалы к этой работе содержат выписки из 148 книг (146 на иностранных языках и 2 в русском переводе) и из 232 статей на иностранных языках, помещенных в 49 периодических изданиях.

Огромное значение В. И. Ленин придавал изучению фактов, практического опыта в период после Октябрьской революции. В первые годы Советской власти сбор фактических данных в стране был затруднен, но и в этих условиях В. И. Ленин основывался пусть на скудном, но фактическом материале.

В работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» В. И. Ленин писал, что переходный период между капитализмом и коммунизмом, т. е. эпоха диктатуры пролетариата, характеризуется ожесточенной борьбой между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом. Поэтому экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет собой борьбу первых шагов коммунистически объединенного труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а также и возрождающимся на его базе капитализмом. Капитализм в земледелии проявлялся в форме спекуляции хлебом в противопоставление государственным заготовкам хлеба. В подтверждение этого положения В. И. Ленин привел конкретные данные о заготовках хлеба органами Наркомпрода за 1917—1919 гг. «Эти цифры,— отмечал он,— ясно говорят о медленном, но неуклонном улучшении дел, в смысле победы коммунизма над капитализмом»[1]. Отсюда видно, что даже эти небогатые данные В. И. Ленин мастерски использует для вскрытия основных черт экономики Советской России, для обоснования политики рабочего класса по отношению к крестьянству в переходный период от капитализма к социализму.

Итак, факты, конкретная действительность, общественная практика — исходный пункт политэкономического анализа. Они — база открытия закономерностей экономического развития.

Признание фактов действительности в качестве основы научных обобщений вытекает и из общетеоретических положений марксизма-ленинизма — признания материальности мира, первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания, принципа объективности исследования, из марксистско-ленинской теории отражения, согласно которой все научные понятия в конечном счете являются результатом отражения в сознании человека его ощущений и восприятий действительности. Это признание соответствует требованию конкретно-исторического подхода к явлениям, выраженному положением материалистической диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна.

Любая наука, в том числе политическая экономия, подобна дереву: как бы высоко не возносило оно свою могучую крону, корни его в земле. Даже самые абстрактные научные теории имеют своими источниками многообразный мир, практику, факты повседневной жизни.

Собирание фактов выступает первым этапом не только логически, но и исторически. Человечество в начале своего развития могло лишь собирать факты и в лучшем случае так или иначе их упорядочивать. Лишь после того, когда факты были накоплены, люди смогли приступить к обобщениям. Ф. Энгельс писал, что «только после того как естественнонаучный и исторический материал до известной степени собран, можно приступать к критическому отбору, сравнению, а сообразно с этим и разделению на классы, порядки и виды»[2].

Примером чисто теоретического экономического анализа является исследование В. И. Лениным образования внутреннего рынка для развития капитализма в реферате «По поводу так

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 319.
[2] Там же, т. 34, с. 109.
[3] Ленин В. И. Конспект «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.» М.: Госполитиздат, 1959, с. 78.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 274.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 203.

называемого вопроса о рынках». В «Капитале» и «Развитии капитализма в России» чисто теоретически доказана необходимость увеличения при капитализме городского населения за счет сельского. Эта необходимость обусловлена различиями в возрастании переменного капитала. Дело в том, что в промышленности переменный капитал, убывая в связи с ростом техники относительно (по сравнению с постоянным капиталом), возрастает абсолютно — вследствие расширения производства. В земледелии же переменный капитал, требующий для обработки определенного участка земли, уменьшается абсолютно. Поэтому в условиях капитализма увеличение неземледельческого населения за счет земледельческого неизбежно[1].

Применение чисто теоретического экономического анализа ни в коей мере не противоречит принципу обоснования выводов фактами, ибо используемые здесь в качестве оснований доказательств понятия (категории) аргументированы фактами ранее. Кроме того, теоретический анализ должен быть обязательно дополнен анализом конкретной обстановки, который покажет, правомерны ли выводы теоретического анализа в данной исторической ситуации. До тех пор, пока фактического подтверждения нет, выводы теоретического анализа являются своего рода гипотезами. Таким образом, и чисто теоретический анализ в конечном счете основан на фактах.

Основным источником фактов для политэкономa служит экономическая статистика. Существенную информацию может также дать экономический эксперимент, хотя границы его применения в политической экономии ограничены. В ряде случаев можно использовать данные бухгалтерского и оперативно-технического учета, книжных и журнальных публикаций и др.

Но собранные факты сами по себе не гарантируют получения правильных теоретических выводов. На первой своей ступени познание не в состоянии выделить глубинных причинно-следственных связей. В результате сбора, описания и систематизации фактов действительность становится известной, но отнюдь еще не глубоко познанной. Познание на этой ступени не идет дальше поверхностных связей.

Известный французский ученый А. Пуанкаре говорил, что наука строится из фактов, как дом из кирпичей, но собрание фактов не является наукой, как груда кирпичей не является домом. А. М. Горький заметил, что факт — еще не вся правда, он лишь сырье, из которого следует извлечь настоящую правду.

Для отделения случайного и несущественного от коренного и типического, для познания внутренних связей, сущности явлений необходим переход ко второй ступени познания — логическому или теоретическому познанию, в ходе которого осуществляется сложнейший процесс научного абстрагирования.

---

[1] Рост городского населения за счет сельского происходит и при социализме; однако здесь этот процесс имеет иное социальное содержание.

Процесс научного абстрагирования и обобщения

Метод научной абстракции (абстрагирования) состоит в мысленном отвлечении от случайного, внешнего в экономических явлениях и одновременном вычленении интересующего нас необходимого и существенного в них. Абстрагирование дополняется и сопровождается обобщением, т. е. мысленным переходом от единичного к особенному и всеобщему, от случайного — к необходимому, от внешнего — к внутреннему, от явления — к сущности. В процессе и результате научного абстрагирования и обобщения формируются научные экономические абстракции — понятия, категории, законы и другие логические формы абстрактного теоретического мышления, в которых выражаются итоги развития экономического знания[1]. Образно выражаясь, в процессе абстрагирования и обобщения происходит так называемая кристаллизация «раствора» фактов. При этом для образования кристаллов — научных абстракций — «раствор» фактов должен быть насыщенным, оптимальным. При недонасыщении фактами образование научных абстракций затрудняется из-за недостаточной фактической обоснованности исследования. Перенасыщенность «раствора» также не идет на пользу процессу образования кристаллов обобщений.

Абстрагирование имеет свои пределы. Нельзя абстрагироваться от свойств и отношений, без которых невозможно раскрыть существа явлений. Установление возможностей абстрагирования зависит от природы изучаемых процессов. Так, экономические отношения в рабовладельческой и феодальной формациях были сравнительно простыми, факт эксплуатации работников в них был очевидным. При капитализме отношения усложнились, формы эксплуатации работников оказались не только завуалированными, но и извращенными, для раскрытия их требуются уже бо́льшие усилия абстрагирующей работы мышления.

В социалистическом обществе, хотя в нем и нет никакого вуалирования экономических отношений, последние являются весьма сложными и требуют еще более глубоких научных экономических абстракций.

Научные абстракции — это орудия, посредством которых человек перерабатывает, осмысливает факты действительности, восходит от чувственно-конкретного к абстрактному. Они не

---

[1] Абстрагирование и обобщение особо сложных процессов иногда называют идеализацией, понимаемой как более высокий последующий этап упрощения и схематизации явлений, при котором выделенное свойство рассматривается в предельно развитом, «стерильном» состоянии (например, идеализированные понятия общественно-экономической формации, простого и расширенного воспроизводства и т. д.). По существу сами законы политической экономии являются идеализированными образами законов, действующих в экономической действительности. В настоящей работе идеализация как особый этап обобщения не выделяется.

заменяют живого созерцания, а как бы продолжают и углубляют его, являются своего рода «микроскопом», образуют новую, качественно отличную ступень в движении знания.

Переход от единичного к всеобщему, от явления к сущности, от случайного к необходимому, осуществляемый в процессе образования экономических абстракций, возможен и реализуется на основе наличия в объектах связи единичного, особенного и всеобщего.

Наличие всеобщего в единичном можно подтвердить следующим. Два разных товара обмениваются друг на друга. Могли бы они обмениваться, если бы в них не было ничего общего? Конечно, нет. Факт их обмениваемости свидетельствует о наличии в них общего, в данном случае того, что оба товара — продукты абстрактного труда.

Процесс образования научных абстракций — это реальный процесс. К. Маркс о сведении конкретного труда к абстрактному писал: «Это сведение представляется абстракцией, однако, это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно. Сведение всех товаров к рабочему времени есть не бо́льшая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух»[1]. Ф. Энгельс отметил, что абстракция у К. Маркса «только отражает в форме мысли то содержание, которое уже заключается в вещах»[2].

Обобщение эмпирических экономических данных, образование научных абстракций осуществляются на основе выделения и изучения наиболее общих признаков предмета. Диалектическая логика требует выделять не всякое общее, не всякое одинаковое, а такое общее, которое отражает специфическую, внутренне необходимую природу явлений, которое существенно для объективного их определения, или такое общее, которое воплощает в себе богатство особенного и единичного[3].

При правильном обобщении в абстракции, в общем сохраняется богатство единичного; отсутствие в общем богатстве единичного и особенного свидетельствует, что полученное общее является формальной абстракцией.

Так, при определении научной абстракции «человек» в соответствии с формальной логикой предпринимались попытки выделить такие общие признаки, которые присущи каждому человеку без исключения. К. Маркс одобрил выдвинутое американским ученым Б. Франклином определение человека как «животного, производящего орудия труда». Это положение — иллюстрация существенно общего или всеобщего в противоположность формально общему. В названном признаке отражена реальная всеобщая основа, на которой разрастается все богатство человеческой природы, все особенности человека как социального существа.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 17.
[2] Там же, т. 36, с. 180.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 90—91.

Научная абстракция «товар» разработана К. Марксом также не по принципу выделения формально общего, присущего всем капиталистическим товарам, а взята как реальная «простейшая экономическая конкретность», заключающая в себе единство всеобщего, особенного и единичного. Наличие названного единства дало возможность К. Марксу вскрыть в товаре зародыш всех противоречий капитализма. Аналогичным образом им были выработаны и другие абстракции — цена, стоимость, деньги, капитал и т. д. Наиболее отчетливо сочетание единичного и общего выступает в цене, в которой воплощается противоречивое единство стоимости и конкретных условий реализации.

Не формально, а диалектически в начале своего революционного пути К. Маркс и Ф. Энгельс выделили научную абстракцию «пролетариат». Если бы к этой абстракции они подходили путем выявления формально общих черт, присущих каждому пролетарию (бесправие, нищета, забитость), то пролетариат следовало бы характеризовать как наиболее угнетенный, страдающий класс (именно к таким выводам приходили филантропствующие представители буржуазии). Но К. Маркс и Ф. Энгельс разработали понятие пролетариата как наиболее прогрессивного революционного класса исходя из объективных тенденций и его исторической миссии в процессе развития буржуазного общества. Выделенная аналогичным образом В. И. Лениным абстракция «монополия», заключающая в себе единство всеобщего, особенного и единичного, выражает экономическую суть новой исторической эпохи — империализма.

Абстракции, полученные посредством выделения внешне общего, одинакового, являются формальными; абстракции, полученные посредством анализа существа предмета, вычленения всеобщей его основы, выступают содержательными, диалектическими. Следует отметить, что содержательная научная абстракция представляет нечто большее, чем сумма исходных эмпирических данных, т. е. охватывает не только внешнее, поверхностное, но и объективную закономерность явления. Выход за плоскость эмпирии совершается благодаря «теоретической добавке» — теоретических исходных позиций исследователя.

Исходная теоретическая позиция исследователя, на которой основывается обобщение фактов, определяет сущность формируемой абстракции, содержание теоретического вывода, полученного в процессе исследования. Так, либеральные народники и В. И. Ленин пользовались одними и теми же фактами земской статистики о пореформенной русской деревне. Однако теоретические выводы были сделаны диаметрально противоположные: первые — капитализм в деревне не развивается, последний — капитализм в деревне развивается. История подтвердила выводы В. И. Ленина.

Научные абстракции в политической экономии отличаются от естественнонаучных рядом особенностей. Они отражают и обобщают общественно-производственную деятельность. Глубина их содержания зависит от степени зрелости экономического явления. Более развитое явление может быть глубже познано. Лишь со становлением буржуазного общества, в котором товарно-денежные отношения принимают всеобщий характер, стало возможным познание капиталистических экономических отношений. «Наиболее всеобщие абстракции, — писал К. Маркс, — возникают вообще только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех элементов»[1]. Экономические отношения возникли давно, в то время как экономические абстракции появились по существу в XVII—XVIII вв., а подлинно научные абстракции сформировались лишь с возникновением марксизма.

Следует отметить большую изменчивость и историчность содержания экономических абстракций в отличие от естественнонаучных. Это связано с бо́льшей динамичностью экономических объектов в отличие от природных. Особенно быстро изменяются экономические абстракции в периоды коренных ломок общественно-экономических формаций.

На их содержание и на процесс их образования оказывают более непосредственное влияние классовые интересы. Это вытекает из того, что образование научных абстракций — процесс целенаправленный, а постановка цели зависит от мировоззрения ученого.

Экономические абстракции редко опираются на результаты экономических экспериментов; они менее «точны», так как обобщают явления, связи которых имеют значительную случайностную компоненту. Специфика экономических абстракций связана также с бо́льшими, чем в естествознании, трудностями моделирования и применения математики.

Абстракции имеют большое значение для всех наук, но особо важную роль они играют в тех случаях, когда трудно организовать эксперимент. К числу таких наук относится политическая экономия. В ней эксперимент, как бы ни расширялись границы его применения в условиях социализма, остается лишь вспомогательным по отношению к методу научной абстракции. В предисловии к первому тому «Капитала» К. Маркс писал, что при анализе экономических форм невозможно использование ни микроскопа, ни химических реактивов, то и другое здесь должна заменить сила абстракции.

Сам он широко применял метод научной абстракции. Этот метод дал ему возможность «увидеть» сущность экономических явлений, выделить среди общественных отношений отношения производственные. Рассматривая буржуазное общество, он абстрагировался от многих социальных групп населения, вычленив два главных класса — буржуазию и пролетариат; разрабатывая известные схемы процесса капиталистического воспроизводства, он абстрагировался от влияния внешнего рынка, роста органического строения капитала, отклонения цен от стоимости.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 730.

Огромное значение научным абстракциям придавал В. И. Ленин. Анализируя господствующее положение крестьянской буржуазии в деревне, он абстрагировался от имевшихся в ней остатков крепостнического строя. «Подобное абстрагирование представляется... — писал он, — приемом вполне законным, ибо иначе нельзя изучать внутренний строй экономических отношений в крестьянстве»[1].

В. И. Ленин считал, что результаты правильного теоретического обобщения более истинны, чем чувственно-конкретные образы предмета; мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не удаляется от истины, а приближается к ней. Так, он отмечал, что «стоимость есть категория», которая лишена вещества чувствительности, «но она *истиннее*, чем закон спроса и предложения»[2]. Таким образом, необходимо отличать научный процесс образования абстракций как важнейший прием исследования, отражающий реальные процессы действительности, от антинаучной абстрактности как бессодержательности и игнорирования действительности.

Характеризуя многочисленные изменения в экономике, в общественном быте, В. И. Ленин указывал в «Материализме и эмпириокритицизме», что сумму этих конкретных изменений в капиталистическом мировом хозяйстве не могли бы охватить и 70 Марксов; здесь можно говорить лишь о раскрытии объективной логики и открытии законов этих изменений и их исторического развития. «Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах...»[3] Иными словами, «самая высшая задача человечества» — посредством образования экономических научных абстракций воссоздать научную картину экономической действительности.

Существует точка зрения, в соответствии с которой метод научной абстракции является специфическим для экономического исследования в противоположность, например, естественнонаучному[4]. На наш взгляд, это неверно. Метод научной абстракции является универсальным, базовым методом всякого научного исследования, без которого невозможен процесс теоретического освоения действительности. Другие методы основаны на методе научной абстракции и являются его своеобразной конкретизацией. То, что метод абстракции в социальных

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 179.
[2] Там же, т. 29, с. 154.
[3] Там же, т. 18, с. 345.
[4] Основные черты метода политической экономии. М., 1977, с. 68.

науках более значим, чем в естествознании, не устраняет его универсального характера и не превращает его в специфический метод социальных исследований.

Понятия и теория политической экономии

Научные экономические абстракции выступают в различных логических формах. Прежде всего это понятия политической экономии, характеризующие отдельные существенные стороны, свойства экономических явлений; категории политической экономии, выступающие как основные научные понятия и отражающие наиболее общие и существенные свойства явлений; законы политической экономии, отражающие всеобщие, повторяющиеся, необходимые внутренние связи; закономерности и правильности политэкономии, выражающие особенные, повторяющиеся, существенные связи экономических явлений. Логическими формами теоретического мышления также являются суждения (мысли, в которых что-либо утверждается или отрицается), умозаключения (форма мышления, посредством которой из имеющихся посылок выводится новое знание), принципы (формы, выражающие наиболее общие стороны действительности и играющие роль руководящих идей в дальнейшем развитии науки), гипотезы и т. д.[1]

Понятия, категории, законы политической экономии имеют онтологическое и гносеологическое содержание. С одной стороны, они объективны, существуют независимо от сознания и воли людей, с другой — они субъективны, являются теоретическим отображением первых. Ф. Энгельс писал: «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления»[2].

В литературе законы, свойственные экономической действительности, принято называть экономическими, а законы, сформулированные в науке, — законами политической экономии. Представляется целесообразным ввести аналогичную терминологию и для понятий: объективные понятия называть экономическими понятиями (категориями), а понятия теоретического мышления — понятиями (категориями) политической экономии.

Понятия политической экономии, отражающие реальную действительность, объективны по своему содержанию, субъективны по форме. Объективность их заключается в том, что содержание не зависит от познающего субъекта, а субъективность — что они являются человеческим знанием, субъективным или идеальным образом объективного мира. Следовательно, понятия политической экономии не тождественны и не совпадают с экономическими понятиями, а лишь асимптотически приближаются к ним.

Их различия состоят в том, что понятия политической экономии по мере углубления познания могут видоизменяться, уточняться, а экономические понятия относительно неизменны, изменяются лишь с изменением самой действительности. Экономические понятия, категории действуют в реальном мире независимо от воли и сознания человека, в то время как категории политической экономии применяются в познании сознательно.

Понятия политической экономии имеют свои специфические «внутренние» законы. Например, такой закон: в процессе познания объектов исследователь переходит от познания тождества к познанию различий и противоположностей.

Понятия политической экономии — не пассивная копия экономической действительности, а результат активной работы мышления, они — не фотография, не мысленный слепок, а картина действительности, изображающая характерные черты явления, взятые в развитии. Понятия политической экономии представляют собой качественный скачок от ощущений к мысли.

Можно выделить понятия, категории политической экономии, имеющие вещественное содержание (товар, деньги, кредит и т. д.), и неовеществленные, отражающие межличностные отношения. К последним относятся понятия стихийности, анархии, планомерности, коллективизма и др.

Понятия могут различаться по степени обобщенности (объема). Содержание понятия «наука» тем шире, чем бóльший временнóй и пространственный массив информации оно обобщает.

Любое понятие политической экономии двояко: оно выступает и как цель, итог познания определенной области экономики, и как средство, метод дальнейшего познания.

Понятия, категории политической экономии можно сравнить с «клеточками», из которых складывается экономическое знание, образуется всякий мыслительный акт. Они — язык науки. На эмпирическом уровне человек видит и знает лишь чувственно-конкретные явления, а овладев понятиями, он получает возможность проникнуть вглубь, в их сущность. Как пишет Г. Козлова, овладение языком науки позволяет политэконому перейти от запоминания к пониманию, от описания — к объяснению, от суммы знаний — к их системе[1].

Понятия политической экономии различаются по уровням абстрагирования. Например, на уровне материального производства вообще формируются понятия труда и продукта труда

---

[1] Все формы теоретического мышления можно назвать понятиями в широком смысле. В дальнейшем изложении в большинстве случаев термин «понятие» употребляется именно в этом его значении.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 581.

[1] Экономические науки, 1978, № 5.

вообще, а на уровне капиталистического производства — понятия двойственного характера труда, товара, стоимости, прибавочной стоимости и т. п.

Совокупность понятий, категорий, законов политической экономии составляет ее теорию[1].

Уровень развития, зрелость политэкономической теории зависят от степени развитости объекта. Например, в условиях неразвитых капиталистических отношений была невозможна разработка научной теории капитализма. Попытки осмыслить формирующийся буржуазный строй давали весьма ограниченные результаты. Характеризуя воззрения социалистов-утопистов, Ф. Энгельс писал: «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории»[2]. Подлинно научная теория капиталистического способа производства была создана К. Марксом лишь тогда, когда капиталистический строй в Англии уже сложился.

Последовательность «развитой объект — развитая теория» не исключает того, что в порядке научного предвидения и на основе изучения общих тенденций развития ученые могут предвосхищать его направление и черты в будущем. Классики марксизма-ленинизма до социалистической революции в России не только предсказали направление общественного прогресса, но и сформулировали теоретические положения относительно экономического развития будущего коммунистического общества.

Вступление СССР в период развитого социализма, а также построение основ социализма в ряде других стран социалистического содружества открывают широкие возможности и выдвигают настоятельную необходимость дальнейшей творческой разработки теории политической экономии социализма. Научного осмысления требуют сложные экономические процессы, наблюдающиеся в современных развитых капиталистических и развивающихся странах.

Коммунистическая партия всегда уделяла первостепенное внимание экономической теории, ее творческому развитию в тесной связи с общественной практикой, боролась с узким практицизмом в экономическом строительстве. «Ни одно общество,— отмечалось на XXIII съезде КПСС,— не нуждалось так в научной теории, как социалистическое общество. Поэтому теория должна и впредь прокладывать путь практике, обеспечивать строго научный подход к руководству экономической и культурной жизнью советского народа»[3]. В Отчетном докладе

[1] Понятие теории неоднозначно. В противопоставлении практике теорией выступает всякое знание. В узком смысле теория — это знание определенной степени зрелости, объединенное общим началом. Здесь теория понимается в первом из названных значений.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 194.

[3] Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1966, с. 85.

ЦК КПСС XXVI съезду партии указано, что «марксистско-ленинская партия не может выполнять свою роль, если она не уделяет должного внимания осмыслению всего происходящего, обобщению новых явлений жизни, **творческому развитию марксистско-ленинской теории**»[1].

Политическая экономия социализма все в большей степени превращается в непосредственную теоретическую основу строительства социализма и коммунизма. Ее выводы служат ориентиром в хозяйственной практике социалистических стран, на основе которых приводятся в движение материальные, трудовые и финансовые ресурсы. Это многократно умножает ответственность политэкономов за результаты теоретического анализа, за исследование механизмов действия и использования системы экономических законов.

Теория, не основывающаяся на анализе фактов, а выведенная из общих соображений и устоявшихся догм, ошибочна и ведет к иллюстративности, к чисто формальному подведению всего многообразия конкретной действительности под общую абстрактную истину без учета существующих условий. В конечном счете такой подход приводит к отрыву теории от практики.

Основными задачами политической экономии социализма в современных условиях являются творческое развитие теории развитого социализма, исследование закономерностей перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические. Необходима разработка таких сложных проблем, как структура социалистических производственных отношений, теоретическое обоснование направлений дальнейшего роста благосостояния трудящихся, органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы, а также повышения эффективности общественного производства на основе его всесторонней интенсификации и улучшения качества продукции. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года указано, что в одиннадцатой пятилетке теоретические усилия необходимо сосредоточить на исследовании теоретических вопросов развитого социализма, создания материально-технической базы коммунизма и совершенствования производственных отношений, повышения эффективности общественного производства; социально-экономических проблем научно-технического прогресса и труда, проблем совершенствования управления народным хозяйством[2]. Важное значение имеет также изучение закономерностей развития мировой социалистической системы, критика и разоблачение фальсификации теорий общественного развития, с которыми выступают буржуазные экономисты, ревизионисты и другие антикоммунисты.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 77.

[2] Там же, с. 145.

Буржуазные ученые о научных экономических абстракциях

Буржуазные, реформистские, ревизионистские теоретики, в той или иной степени используя понятия политической экономии, как правило, отвергают их объективность, лишают научные экономические абстракции реального содержания.

Так, например, сторонники экономического позитивизма подменяют изучение существа явлений описанием эмпирических данных. Ф. Энгельс писал о немецком ученом Л. Брентано, что он «провозглашает: общая, или теоретическая политическая экономия ничего не стоит; вся сила лежит в специальной, или практической, политической экономии. Как и в естествознании (!), мы должны ограничиваться *описанием* фактов. . .»[1]. Открыто объявлял себя сторонником «последовательного эмпиризма» П. Струве. С этих позиций написана его книга «Хозяйство и цена» (М., 1913), в которой он категорию стоимости называл «фантомом». По поводу этой книги В. И. Ленин писал: «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких „законов" исторического развития, загородить *лес* — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мертвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве»[2].

Отвергая объективный характер процесса научного абстрагирования, современные буржуазные экономисты отказываются тем самым от достижений в этой области классиков английской буржуазной политической экономии. А. Смит и Д. Рикардо использовали научные абстракции, хотя и не вполне последовательно. Им не удалось отделить стоимость и прибавочную стоимость от форм их проявления. Это привело А. Смита и Д. Рикардо к утверждению, что прибавочную стоимость создает не труд, а весь авансированный капитал. Позднее буржуазные вульгарные экономисты, оказавшиеся неспособными разобраться в сложных противоречиях экономики, объявили всякие научные экономические абстракции выдумкой[3].

Смешение уровней познания, отрицание объективности метода научного абстрагирования и его результатов — научных абстракций открывают возможность современным буржуазным экономистам выдавать внешнее и случайное за внутреннее и необходимое, отождествлять эмпирическое и теоретическое знание, ограничиваться исследованием внешней стороны действительности, вести борьбу против раскрытия экономических законов.

Такое отрицание объективности научных абстракций не свидетельствует о том, что буржуазные ученые совсем отказываются от абстрактных построений. Наоборот, наряду с позитивистским пренебрежением ко всякого рода обобщениям они отнюдь не чураются бессодержательных абстракций, абстрактного логизирования, оторванного от реальной экономической действительности. Абстрагирование буржуазными экономистами совершается в пределах не научного, а так называемого обыденного сознания, когда обобщаются не внутренние, а внешние поверхностные связи явлений, не первостепенные, а второстепенные черты действительности. Представитель неолиберализма В. Ойкен при анализе социально-экономического развития абстрагировался от основной черты общества — отношений собственности и выделил зависимый от господствующих отношений собственности фактор — форму управления. Результатом такого абстрагирования и обобщения явились две отнюдь не научные экономические абстракции, два типа хозяйств — «свободный экономический рынок» и «центрально-управляемая экономика».

Буржуазные экономисты нередко используют предельно общие, социально бессодержательные понятия — такие, как «факторы производства», «редкость ресурсов» и т. п. Хотя эти понятия, общие представления и существуют в действительности, с их помощью нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства.

В буржуазной экономической литературе широко распространено ненаучное понятие «предприниматель», охватывающее лиц, главное занятие которых заключается в руководстве предприятием (фабрикант, фермер, врач, адвокат и др.); «человеческий капитал», объединяющее лиц наемного труда; «здоровое урегулирование», «колебательное урегулирование», «замедление», «выравнивание», «государство всеобщего благоденствия» и многие другие.

Обратимся к процессу теоретического обобщения экономических фактов, который осуществляется на основе диалектической логики.

2. ПРИНЦИП ВЗАИМОСВЯЗИ ПОНЯТИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Взаимосвязь политэкономических понятий

В соответствии с диалектической логикой понятия политической экономии и явления экономической жизни, объективные экономические понятия, служащие прообразом для них, взаимосвязаны и взаимообусловлены. В. И. Ленин по поводу взаимосвязи понятий в «Философских тетрадях» писал: «Каждое понятие находится в известном **отношении**, в известной связи со *всеми* остальными»[1].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 93.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 44.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 484.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 179.

В современных условиях принцип взаимосвязи понятий науки выступает принципом системности. Взаимосвязь, или системность, понятий политической экономии означает, что они не должны «вырываться» из конкретно-исторических связей и сложившихся систем научных понятий. Содержание, вкладываемое в соответствующие понятия, может быть различным в разных социально-экономических формациях и системах воззрений, в конечном счете обусловленных интересами различных классов. Такие понятия, как «производственные отношения», «национальный доход», «стоимость», «кредит» и другие трактуются диаметрально противоположно буржуазными учеными и марксистами-ленинцами, имеют объективно различное содержание в системе политэкономии капитализма и социализма.

Так, некоторые буржуазные ученые, буквально истолковывая положения математической «теории игр», уподобляют производственные отношения азартной игре, в то время как марксистско-ленинская политэкономия рассматривает их как базисные отношения, складывающиеся между людьми в процессе производства материальных благ; категорию национального дохода буржуазные ученые определяют как сумму всех личных доходов, считая каждого получателя дохода его создателем, а ученые социалистических стран — как сумму вновь созданной стоимости.

Если в политэкономии капитализма товарно-денежные отношения играют первостепенную, основную роль, то в политэкономии социализма они выполняют хотя и важную, но подчиненную роль. Товар в условиях капитализма определяется как отчуждаемый продукт труда обособленных частных товаропроизводителей, а в условиях социализма — как продукт труда, созданный на социалистических предприятиях для общественного потребления и отчуждаемый без смены собственника.

В некоторых случаях одни и те же отношения, понятия поразному определяются в зависимости от того, с какими другими понятиями они связаны, в какую систему понятий они входят в процессе функционирования и познания. Так, отношения, в которые люди вступают в процессе производства, взятые как сторона способа производства (в противопоставлении производительным силам), характеризуются как производственные отношения. Те же отношения, но рассматриваемые в связи с надстроечными отношениями, господствующими в данном обществе, выражаются в понятии базиса.

Уяснить политэкономическое понятие можно лишь тогда, когда оно исследуется не изолированно от других понятий, а как органическая часть определенной системы. Если анализируются отдельные понятия, то надо иметь в виду, что они вырваны из системы, из всеобщей взаимосвязи.

Рассмотрение отдельного понятия науки в системе не означает игнорирования его собственных проблем. Каждое понятие

следует оценивать и с точки зрения его индивидуального развития, и с точки зрения его развития в системе. Принцип системности означает, что любое понятие политической экономии должно оцениваться, «измеряться» в двух плоскостях — индивидуального и системного его существования. Например, понятие «рабочий капиталистического предприятия» само по себе характеризуется признаками его умелости, спорости работы и т. д. То же понятие в системе «средства труда — рабочий» приобретает такой важнейший признак, как способность создавать прибавочную стоимость.

Принцип взаимосвязи, системности понятий политической экономии обязательно нужно учитывать при использовании экономических законов социализма, разработке экономической политики. Так, повышение доходов трудящихся, обусловленное основным экономическим законом социализма, должно сочетаться с ростом производительности труда. При несоблюдении этого сократятся накопления и, следовательно, снизятся капитальные вложения в I подразделение общественного производства, тем самым уменьшатся возможности повышения благосостояния народа. Основной экономический закон социализма тесно связан с законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, который, исходя из высшей цели социалистического производства, устанавливает пропорции экономического роста. Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства связан в свою очередь с законом повышающейся производительности труда, так как быстрый рост производительности общественного труда может обеспечиваться лишь при условии пропорциональности производства. Взаимосвязаны закон повышающейся производительности труда и закон распределения по труду, так как осуществление последнего стимулирует рост производительности труда, а рост производительности труда создает необходимые условия для действия закона распределения по труду. Основной экономический закон социализма, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и ряд других законов политической экономии социализма взаимосвязаны с законом стоимости.

Теоретические формы, отражающие объективный мир, выступают в системе, их расположение внутри системы не произвольно, а отражает объективно существующие связи явлений. В экономической действительности явления, процессы не разрознены, не изолированы, а развиваются во взаимосвязи, порождают друг друга. Система понятий политической экономии также представляет собой не механическую сумму, а диалектическое целое, в котором части взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Образцом сведения понятий экономической науки в систему может служить «Капитал», в котором все теоретические экономические формы капиталистического способа производства: по-

требительная стоимость, стоимость и их единство, товар, деньги, капитал, прибавочная стоимость, прибыль, средняя норма прибыли, цена производства и т. д. составляют систему. В. И. Ленин в наброске плана диалектики (логики) Гегеля приводит следующий пример взаимосвязи экономических понятий в «Капитале» Маркса[1]:

Товар — деньги — капитал

→ производство абсолютной прибавочной стоимости;

→ производство относительной прибавочной стоимости.

Эта взаимосвязь и последовательность понятий не случайны. Как отмечал В. И. Ленин, К. Маркс посредством анализа приведенных экономических понятий резюмировал действительную историю капитализма.

Теоретические формы экономической действительности в работах В. И. Ленина располагаются в последовательности, отражающей историческое развитие. Так, понятия и категории монополистического капитализма систематизированы в труде «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Однако система понятий в науке определяется не только логикой развития самой действительности, но и ролью отдельных понятий в процессе познания. К. Маркс в «Капитале» раскрывает тайну первоначального накопления после анализа сущности капиталистического способа производства, хотя первоначальное накопление явилось одним из важнейших факторов, ускоривших возникновение капиталистического способа производства. Исходным пунктом анализа образования общей нормы прибыли у К. Маркса выступает конкуренция промышленных капиталов, и лишь впоследствии он учитывает торговый капитал. «В ходе исторического развития, — отмечал он, — дело обстоит как раз наоборот»[2]. Некоторые отступления в расположении категорий политической экономии в «Капитале» от конкретной истории развития капитализма диктовались логикой познания, а именно необходимостью как можно более логично воспроизвести в абстрактной форме внутренние закономерности развития буржуазного общества. К. Маркс считал, что категории политической экономии должны рассматриваться в том порядке, в котором они соотносятся в развитом буржуазном обществе. В этом обществе капитал — господствующее, всепроникающее, всеопределяющее отношение, поэтому он должен быть поставлен в центр исследования.

Научные понятия взаимосвязаны не только в системе политической экономии, но и вне ее. Политическая экономия использует категории философии для научного истолкования экономической действительности и в качестве опорных пунктов познания. Философия в свою очередь «заимствует» у политической экономии такие категории, как, например, производственные отношения и производительные силы. До недавнего времени экономика рассматривалась как самодовлеющая система. Сейчас становится очевидным, что ее развитие тесно связано с окружающей средой, социальными и другими факторами. Поэтому политэкономические понятия все в большей степени рассматриваются в их связи с социальными, научно-техническими, биологическими понятиями.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 315.

При установлении связей между понятиями политической экономии, так же как и при анализе связей действительности, следует находить основное понятие, в котором заложена ведущая причинно-следственная зависимость. Среди законов политической экономии и законов экономической действительности выделяется основной экономический закон. Выделение из теоретической системы законов основного закона (как и вообще выделение основного звена в теории) имеет первостепенное значение в методологии познания, так как открывает возможность более целеустремленно анализировать экономику, позволяет построить теоретическую систему понятий. В системе понятий, категорий, законов политической экономии социализма основным звеном выступает теория развитого социализма, перерастающего в полный коммунизм.

Выделение основного научного понятия означает, что понятия политической экономии должны быть не просто координированы, а и субординированы. Отсюда следует, что понятия в системе должны рассматриваться последовательно — от наиболее абстрактных к конкретным, перехода от одного промежуточного звена к другому. Следует проходить все ступени и в процессе постепенного формирования абстрактных понятий, т. е. при переходе от чувственно-конкретного к абстрактному. К. Маркс писал: «Для того чтобы развить понятие капитала, нужно исходить не из труда, а из *стоимости*, и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения. Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине»[1].

Из необходимости перехода от абстрактных понятий к более конкретным вытекает следующее: раскрытие содержания понятия, находящегося на любой ступени абстракции, возможно лишь на основе более абстрактного понятия, расположенного на последующей, вышестоящей ступени.

Современное научное экономическое знание носит сложный, многоуровневый и многофункциональный характер. Теоретические понятия находятся в разнообразных координационных и

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 15.

субординационных связях. Одно из главных орудий политэкономa, позволяющих ему справиться с бурным потоком научной информации, — приведение ее в систему. Системность рассмотрения понятий позволяет глубже раскрыть сущность развития и лучше предвидеть дальнейшее течение событий. Систематизация знания не только упорядочивает, но и открывает возможность получать новое знание, которым выступают находимые недостающие звенья в закономерной цепи понятий.

Известный русский педагог К. Д. Ушинский о значении системности говорил: «Только система дает полную власть над нашими знаниями. Голова, наполненная бессвязными знаниями, похожа на клаловую, в которой сам хозяин ничего не отыщет»[1].

Системность — одна из универсальных черт не только действительности, но и знания. Но действительность всегда системна, знание же становится системным не сразу, а постепенно, по мере совершенствования методологического аппарата, развития мышления и проникновения его вглубь объективного мира. Системность знания — свойство не поверхностное, а внутреннее, интегральное, поэтому она внедряется в познание сравнительно недавно. Длительное время знание было направлено на отдельные предметы, оно было преимущественно «предметоцентрическим». И лишь начиная с середины XIX в. знание постепенно становится «системоцентрическим»[2].

Принцип системности понятий политической экономии в классической форме разработал К. Маркс в «Капитале», где теоретическое знание о капиталистическом способе производства дано в стройной логической системе. Ф. Энгельс в письме К. Марксу от 23 августа 1867 г. писал, что «самые запутанные экономические проблемы ты делаешь простыми и осязательно ясными благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную взаимосвязь...»[3]. Позднее в письме К. Шмидту он заметил: «...у Маркса все так связано одно с другим, что ничего нельзя вырвать из этой взаимосвязи»[4]. В. И. Ленин, критикуя буржуазные учебные руководства по политической экономии конца XIX в., отмечал, что авторы их «не умеют представить отдельные стороны и отдельные явления современной хозяйственной жизни, как составные части определенной системы общественного хозяйства, как проявления коренных черт этой системы»[5].

Экономический мир в современных условиях все больше усложняется, вслед за ним усложняется и научное знание экономики, особенно строение системы понятий, категорий, законов социализма, в которой отражается многоуровневая система

[1] Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 5. М.— Л.: Изд-во Академии пед. наук, 1949, с. 355.
[2] Вопросы философии, 1980, № 1, с. 58.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 275—276.
[4] Там же, т. 38, с. 389.
[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 37.

социалистических производственных отношений. Наибольшая трудность теоретического описания системы производственных отношений социализма заключается в следующем. Сущность системы понятий низшего уровня можно раскрыть лишь на основе системы понятий более высокого уровня. Следовательно, уяснение и раскрытие системы понятий, выражающих социалистические производственные отношения, могут быть осуществлены с точки зрения системы отношений высшей фазы (полного коммунизма), которая пока еще не сложилась. Выход из этого положения заключается в том, что при социализме имеются реальные исторические формы отношений полного коммунизма, находящиеся в процессе становления, понятия которых и используются в качестве отправных положений для анализа системы социалистических понятий. Эти базовые понятия формируются как результат предвидения на основе изучения тенденций предшествующего и современного развития социализма.

Буржуазные ученые к вопросу о взаимосвязях, или системности, понятий политической экономии подходят метафизически. Это вытекает из их понимания действительности. Современные буржуазные экономические теории бессистемны, характеризуются крайним эклектизмом, в них соединяются обрывки самых различных и противоречивых взглядов. В кейнсианстве соединяются триединая формула Сэя, догма Мальтуса о пользе непроизводительного потребления и многие другие вульгарно-апологетические идеи буржуазных и мелкобуржуазных экономистов. Среди используемых понятий буржуазные экономисты не выделяют основных, главных. Так, в буржуазной теории множественности факторов они рассматриваются как равнозначные.

Принцип системности понятий политической экономии имеет большое методологическое значение. Прежде всего, будучи специально нацеленным на получение нового знания, он непосредственно выступает частью метода политической экономии. В еще большей степени он играет методологическую роль как философская основа особого, общенаучного метода политической экономии — системного подхода.

Системный подход

В методологическом значении термин «подход» означает стратегический принцип исследования, его методологическую ориентацию. Например, оптимальный подход в исследовании служит решению задач с помощью нахождения оптимума, перспективный подход во главу угла ставит анализ объекта с точки зрения перспектив его развития. Системный подход — это методологическая ориентация исследования объектов, выступающих в виде систем.

В системном подходе реализуется и конкретизируется философский принцип взаимосвязи, или системности, понятий политической экономии. В отличие от этого принципа, являющегося

общеметодологической основой всех наук и относящегося к любому знанию, системный подход разрабатывает средства решения комплексных задач, теорию исследования сложноорганизованных объектов. Подавляющее большинство экономических объектов являются сложноорганизованными, поэтому системный подход в политической экономии используется достаточно широко. Например, в машинах, оборудовании, применяемых на предприятиях, происходят прогрессивные изменения, появляются новшества, следовательно, ускоряется износ техники. Применение морально устаревшей машины может оставаться выгодным с точки зрения отдельных предприятий, но с точки зрения всего общества, при рассмотрении этой машины как элемента системы орудий труда, ее использование невыгодно.

Системный подход является общенаучным методом, однако в силу органической связи с философским принципом системности научных понятий содержание его излагается в данном разделе; такое рассмотрение избавляет от многих повторений.

Зарождение системного подхода (в содержательном плане) может быть отнесено к середине XIX в., когда утвердились теории развития в природе и обществе, связанные с именами Ч. Дарвина, К. Маркса и Ф. Энгельса. Как научное направление в виде особой теории систем этот подход сложился в 60—80-х годах, когда стали решаться глобальные природоохранные, технические и социальные задачи. В СССР — это создание Единой государственной энергетической системы, общегосударственной системы сбора и обработки информации и т. п.

Важнейшим в системном подходе является понятие системы. В самом общем виде «система — это объективное единство закономерно связанных друг с другом предметов, явлений. . . знаний»[1]. Экономическая система — это множество взаимосвязанных экономических элементов, или подсистем, которые образуют устойчивое единство, т. е. целостность. При этом всякая экономическая система является в то же время частью другой, более обширной системы, а ее элементы, или подсистемы, могут быть представлены как самостоятельные системы. Это определение экономической системы может быть отнесено как к объективным экономическим явлениям, так и к понятиям политической экономии[2].

---

[1] Большая Советская Энциклопедия. Т. 39. М.: Изд-во Б. С. Э., 1956, с. 158.

[2] Наряду с понятием «система» употребляются понятия «совокупность» и «комплекс». Последние два понятия — менее совершенные разновидности понятия «система». Понятие «совокупность» относится к количеству однородных единиц, «система» — к единству различных свойств изучаемого объекта. Если от достаточно большой совокупности отделить одну, две, несколько ее единиц, то она все равно останется совокупностью. От системы, строго говоря, отделять ничего нельзя, так как она распадется. Например, от системы «производительные силы — производственные отношения» нельзя отделять ни производительные силы, ни производственные отношения, не уничтожив способа производства. Понятие «комплекс» отражает не строгую систему, а лишь

Из определения экономических систем вытекает их многоуровневость. Можно выделить три уровня экономических явлений и систем. Прежде всего явление, или система, рассматривается сама по себе. Но любая система выступает элементом, или подсистемой, другой системы, находящейся на более высоком уровне (надсистема). Эта же система состоит из ряда элементов, располагающихся на более низком уровне (подсистем). Таким образом, в каждом отдельном акте познания можно выделить и зафиксировать системы высшего, среднего и низшего уровней. Кроме того, следует учитывать связи системы с внешней средой. В зависимости от задач, стоящих перед исследованием, системы одного уровня могут выступать как подсистемами, так и надсистемами.

При анализе систем наиболее сложной является задача выявления и уяснения содержания системы высшего уровня. К. Маркс уже при анализе капитализма составил общее представление о будущем коммунистическом строе, которое позволило оценить его прогрессивную роль в ходе исторического развития общества. Такая попытка предвидения была предпринята К. Марксом в Экономико-философских рукописях 1844 г. В «Капитале» и других своих работах он научно предсказывал черты будущего общества. Наряду с этим управление экономикой требует построения гипотетической модели будущего, с точки зрения которой можно дать оценку настоящего. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. о совершенствовании хозяйственного механизма предусмотрено составление пятилетних планов на основе долговременной экономической стратегии Коммунистической партии, Комплексной программы научно-технического прогресса и Основных направлений экономического и социального развития СССР, намечаемых на очередные 10 лет.

Существенным свойством экономической системы является наличие в ней единой внутренней цели, в которой находят выражение субстанциональные причинно-следственные связи системы, определяющие направления развития и обеспечивающие относительную устойчивость ее элементов и структуры. В политической экономии общая цель выражается в основном экономическом законе. Частные, локальные цели, подчиненные единой цели, ставятся перед подсистемами, которые не только подчинены системе, но и имеют относительную самостоятельность. Среди этих подсистем можно выделить основную.

Единая внутренняя цель экономической системы описывается качественно или (по возможности) качественно и количественно. Посредством точного количественного описания цели

связанное не обязательно необходимыми и устойчивыми связями многообразие явлений. Отсюда видно, что встречающееся в литературе понятие «комплексный подход» является в свою очередь несовершенной разновидностью понятия «системный подход».

могут быть найдены оптимизируемая функция и ограничивающие условия решаемой задачи. Следовательно, системный подход органически включает принцип оптимального развития, переплетается с оптимальным подходом.

Экономические системы разных общественно-экономических формаций качественно различаются по своим целям и способам функционирования и развития. Например, цели экономических систем капиталистической и коммунистической общественных формаций противоположны, так же как и механизмы функционирования и управления системами в них. Если капиталистическая экономическая система развивается стихийно, то социалистическая экономика развивается и управляется целенаправленно и планомерно на основе использования объективных экономических законов.

На наш взгляд, системный подход можно подразделить на содержательный и формально-логический. Первый связан с исследованием содержания развивающихся экономических систем, анализирует их причинно-следственные связи. Он может быть доведен, но не обязательно, до строгой формализации, составления экономико-математических моделей на основе сложной электронно-вычислительной техники. Формально-логический системный подход почти не связан с содержанием систем и анализирует лишь функциональные связи между элементами знания. Содержательный системный подход осуществляется по отношению к социально однокачественным экономическим системам, охватывает все элементы данной системы, а формально-логический подход анализирует множество социально разнокачественных элементов, взятых не обязательно в полном их составе. Этот подход может использоваться как подготовительный этап к содержательному рассмотрению систем.

В политической экономии применяется содержательный системный подход. Важнейшей формой такого подхода здесь является метод восхождения от абстрактного к конкретному, посредством которого из простейших абстрактных понятий выводятся все богатые конкретные понятия, формируется система политэкономических понятий, категорий, законов. Содержательный системный подход применяется при анализе механизма действия экономических законов, создании механизма их использования, определении экономической стратегии на длительную перспективу.

Содержательный системный подход очень близок к философскому принципу системности, но не совпадает с ним, у него есть свои специфические проблемы, например проблемы классификации систем, установления свойств систем (стабильности, дискретности, инерционности и т. п.). Хотя содержательный системный подход может не завершаться строгой формализацией, однако в нем, как правило, находят применение некоторые элементы формальных методов — выявление блоков, составление схем, графиков.

Системный подход имеет большое значение для политэкономии, так как он открывает возможность последовательного решения крупных исследовательских проблем. Благодаря расчленению системы на элементы процесс исследования комплексной проблемы сводится к взаимоувязанному процессу поэтапного анализа менее сложных проблем, но с большей степенью детализации их содержания. То же относится к решению крупных народнохозяйственных стратегических задач.

Для решения управленческих задач в современных условиях широко используется программно-целевой подход, являющийся разновидностью системного подхода. Если системный подход устанавливает типологию систем, их свойства, т. е. основное внимание уделяет познавательной стороне, то программно-целевой подход доводит до предложений, рекомендаций, в конечном счете — до реализации цели. В одиннадцатой пятилетке принято 14 программ по наиболее важным народнохозяйственным проблемам — продовольственная, сокращения ручного труда, увеличения производства товаров народного потребления, хозяйственного освоения зоны БАМа и др. Приняты программы по крупным проблемам научно-технического прогресса в народном хозяйстве и отраслях.

Целевые комплексные программы строго ориентируются на решение определенной крупной проблемы, имеющей важное значение и носящей, как правило, межотраслевой и (или) межрегиональный характер. Составление программы начинается с постановки конечной цели. На основе анализа общественных потребностей и возможностей их удовлетворения намечаются конечные конкретные результаты, которые должны быть достигнуты в процессе выполнения программы; определяются необходимые для достижения цели трудовые, материальные и финансовые ресурсы и их источники; устанавливаются сроки выполнения программы. Целевая программа может состоять из подпрограмм различных уровней, в ней предусматривается интеграция всех видов деятельности, направленных на достижение цели. Рассчитывается эффективность программы. Обязательным атрибутом целевой программы выступает предложение о создании управляющего органа, организующего, контролирующего и отвечающего за реализацию программы.

Классики марксизма-ленинизма не пользовались специфическим понятийным аппаратом системного подхода, который создан лишь в последние десятилетия. Однако практически они являются пионерами его применения в анализе крупных социально-экономических проблем.

Несмотря на большое значение системного подхода, не следует его преувеличивать, как это делают буржуазные ученые, которые пытаются представить системный подход как некую идеологическую доктрину, новую философию, стоящую над материализмом и идеализмом. Таких взглядов придерживался, к примеру, французский философ-экзистенциалист Ж. П. Сартр.

Его идеалистическая и позитивистская точка зрения направлена против марксистско-ленинской идеологии.

Системный подход следует применять не изолированно, а в сочетании с другими методами и подходами, например с генетическим, рассматривающим экономические системы с позиций их возникновения и развития[1], что дает хорошие результаты в исследовательской деятельности.

3. ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Развитие политэкономических понятий

Явления экономической действительности находятся в постоянном движении и развитии, поэтому в постоянном движении и развитии находятся и понятия политэкономии, отражающие действительность. К. Маркс в письме к П. В. Анненкову заметил, что экономические понятия и категории «так же мало являются вечными, как и те отношения, выражением которых они являются. Это — продукты исторические и преходящие»[2]. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» писал, что «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, „искусство оперировать с ними" (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов. . .»[3]

Человеческие знания — не сумма неподвижных, а система развивающихся, совершенствующихся, обогащающихся понятий. Изменчивость, всесторонняя гибкость, текучесть понятий имеют исключительно важное значение. Только благодаря этому они дают нам научную, логическую картину постоянно изменяющейся действительности. В движении и развитии понятий политической экономии, которые мы находим в «Капитале» и «Империализме, как высшей стадии капитализма», отражены возникновение, развитие и гибель капиталистической системы хозяйства.

Следовательно, как и при рассмотрении экономической действительности, при анализе теоретических форм экономической науки должен применяться принцип развития или историзма. Этот принцип применительно к законам политической экономии заключается в признании следующих положений:

[1] Применение системного подхода в сочетании с генетическим иногда называют системно-генетическим подходом. Так, Н. В. Хессин пишет о генетически-системном и формально-системном подходах, относя первый к однокачественным, второй — к разнокачественным совокупностям, системам. (Экономические науки, 1975, № 6, с. 3—17). По принятой терминологии, генетически-системный подход представляет собой содержательный системный подход, а формально-системный — формально-логический системный подход.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 409.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 226—227.

всеобщие и общие законы проявляются и действуют в разных общественно-экономических формациях по-разному;

каждая формация имеет свои специфические законы;

специфические законы данной формации развиваются на различных ее стадиях.

Следует различать абстрактный и конкретный историзм понятий политической экономии. Так, если капитал понимать как деньги, приносящие из оборота деньги, то истоки понятия «капитал» надо искать где-то в древней Финикии. В действительности капитал возникает в тот момент, когда начинает присваиваться неоплаченный труд наемных рабочих. Первый подход к понятию «капитал» можно охарактеризовать как абстрактный историзм, второй — как конкретный историзм. Абстрактный историзм исходит непосредственно из временнóй последовательности явлений. Но на поверхности следствие более очевидно, чем причина, поэтому для понимания явлений недостаточно установления временнóй последовательности, а необходим анализ их существа. Известно, что капиталистический кризис перепроизводства обнаруживается сначала в сфере кредита, потом — в торговле и в конце — в непосредственном производстве. Однако это не значит, что причиной кризиса являются кредитные отношения.

Понятия науки развиваются вслед за развитием экономической действительности в направлении все большего их приближения к ней. Поскольку реальные экономические отношения развиваются необычайно быстро, то экономические понятия должны постоянно уточняться, пересматриваться, обновляться. Однако, как отмечал Ф. Энгельс понятия и действительность никогда не совпадают, понятия лишь с приближением соответствуют действительности, если понятия и действительность совпадут, это будет означать конец развития.

Новые понятия возникают и формируются тогда, когда для этого созревают объективные условия. Аристотель, хотя и видел в товарах нечто одинаковое, не мог открыть понятия «стоимость», так как греческое общество покоилось на рабском труде, а зрелая форма стоимости связана с существованием системы наемного труда. Чтобы обнаружить свои существенные свойства и закономерности, явление должно повториться и достичь определенной степени развития. Поэтому новые понятия могут быть выработаны тогда, когда новые отношения, отражаемые ими, вполне развились и созрели. В порядке научного предвидения новые понятия о будущих явлениях могут возникать на основе анализа закономерностей прошлого и настоящего.

Созревание объективных условий для возникновения новых экономических понятий неразрывно связано с развитием внутренних противоречий экономических явлений.

Развитие внутренних противоречий, заключенных в каждом предмете, приводит к постоянно обнаруживаемым внешним противоречиям между изменившейся действительностью и ста-

рым понятием. И это естественно: понятие о предмете всегда имеет относительную устойчивость, а сам предмет непрестанно развивается, что и создает противоречие между изменяющейся действительностью и старыми понятиями. Развитие экономических понятий происходит в процессе ликвидации данного противоречия. Так, внутренним противоречием понятия «товар» выступает противоречие между стоимостью и потребительной стоимостью. Развитие этого противоречия, выражающееся в усложнении форм стоимости и переходе от случайной к полной и всеобщей, приводит наряду с появлением денег к несоответствию новой действительности старым понятиям и в конечном счете к новому понятию «деньги».

Постоянное возникновение и преодоление противоречий между развивающейся экономической действительностью и понятиями науки являются основой и источником углубления знаний об экономике, совершенствования политической экономии и в конечном счете преодоления отрыва теории от практики.

Очевидно, история понятий имеет некоторую самостоятельность, а не просто копирует историю отражаемых предметов. Успешность выработки научных понятий и открытия законов зависит от степени зрелости экономических отношений, достигнутого уровня развития политической экономии, от того, насколько благоприятные социальные условия созданы для такой работы, совершенен абстрактный методологический аппарат, какова техника исследования (например, техника быстрого и точного счета). Эти и некоторые другие факторы оказывают влияние на процесс выработки научных понятий. Общеизвестен пример зависимости развития понятий о микромире от совершенствования средств научного исследования. Поэтому очень велики возможности уточнения некоторых понятий об экономической действительности не вследствие развития самой действительности, а за счет совершенствования научных методов ее исследования, особенно в связи с применением ЭММ и ЭВМ.

Процесс развития понятий может совершаться двояко — либо путем формулирования новых понятий, либо на основе уточнения, совершенствования старых. Первый путь свойствен преимущественно периодам перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

Понятия развиваются и познаются, начиная с простейших, основных. Это соответствует реальной действительности, ибо в ней развитие тех отношений, которые они обобщают, также начинается с простейших. Каждое новое понятие должно содержать и концентрировать в себе богатство предыдущих. Анализ капиталистического способа производства К. Маркс в «Капитале» начинает с простейшего «бытия» — товара, с форм стоимости его; затем переходит к деньгам, прибавочной стоимости, капиталу, прибыли, цене производства и т. д. Анализ монополистического капитализма в «Империализме, как высшей стадии капитализма» В. И. Ленин начинает с понятия монополии, ее возникновения в результате концентрации капитала, ее форм; затем им исследуются финансовый капитал, вывоз капитала, экономический и территориальный раздел мира. Здесь каждое из последующих понятий наполнено новым, более богатым содержанием, включает содержание всех предыдущих, является итогом всего предшествующего анализа.

О развитии категорий из простейших В. И. Ленин писал: «Категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*)... исходя из простейших основных...»[1]

Сказанное не означает абсолютного «запрета» начинать исследование со сложных понятий. Приступая к анализу неизвестного процесса, исследователь еще не знает, какие понятия являются простыми, какие сложными. В силу этого на начальных этапах становления науки политэконому в большинстве случаев приходится начинать анализ именно со сложных, а не простых понятий. Однако сложное понятие ранее простого можно познать лишь частично; полное его познание возможно только после познания простого и на его основе.

По мере развития действительности и движения познания вперед число понятий постепенно возрастает, а содержание углубляется и становится более многосторонним, теория развивается и вширь, и вглубь. Всякое политэкономическое исследование представляет собой единство «продвижения вперед» и «углубления в самого себя». Свидетельством этого служит история марксистско-ленинской политической экономии.

Классическая буржуазная политическая экономия оперировала весьма неглубокими научными понятиями, отображавшими преимущественно поверхностные слои экономической действительности. К. Марксу первому удалось вскрыть спрятанную за внешней оболочкой сущность капиталистического способа производства и создать подлинно научные понятия политической экономии капитализма. С этого момента постоянно развивается понятийный аппарат политической экономии. Особенно много возникло новых и усовершенствовано старых понятий в политической экономии социализма. Так, в последние 15—20 лет в научный оборот вошли такие понятия, как социалистическая экономическая интеграция, экономическая и социально-экономическая эффективность производства и т. д.

Значение принципа историзма понятий политической экономии все более возрастает, так как ускоряется развитие общества. Высокий динамизм производительных сил и производственных отношений, наблюдаемый в современном мире, определяет динамизм понятийного аппарата политической экономии. Этот принцип обусловливает историчность мышления, последовательно проводит идею развития, утверждает исторический оптимизм, неизбежность победы нового над старым.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 86.

Принцип развития, или историзма, понятий науки тесно связан с теоретическим обоснованием предвидения будущего. Необходимость предвидения непосредственно вытекает из развития политической экономии, опережающего развитие действительности. Процесс предвидения опирается на сознательное использование экономических законов.

Основа научного предвидения социально-экономических процессов — учение об общественно-экономических формациях. К. Маркс и Ф. Энгельс предсказали важнейшие черты будущего социалистического общества. Результатом предвидения явился ленинский план построения социализма.

Понятие «предвидение» следует отличать от понятий «предсказание» и «прогнозирование». Так, Е. С. Жариков считает, что понятие «предсказание» применимо для качественного описания будущего, понятие «прогнозирование» — для выражения количественных параметров предсказываемых явлений, а понятие «предвидение» он называет родовым по отношению к первым двум[1]. Политэкономическое исследование по своей природе, по-видимому, больше всего связано с прогнозированием, хотя ему не чужды и предсказания, особенно на длительную перспективу. Прогнозирование основывается на анализе действия объективных экономических законов. В силу особой сложности экономических явлений прогнозирование может наметить лишь весьма приблизительные основные параметры будущих событий и сроков их осуществления. В отличие от природы, где прогнозирование является, за редчайшими исключениями, пассивным, т. е. не предусматривающим вмешательства человека, в экономике оно активно, так как допускает, а при социализме обязательно предполагает практическую деятельность человека по претворению намеченных прогнозов в жизнь. С победой социалистической революции само прогнозирование становится не только возможным, но и необходимым. По словам К. Маркса, производство при социализме является «общественным производством, управляемым общественным предвидением»[2]. В современных условиях особенно важно прогнозировать перерастание социалистических производственных отношений в коммунистические. Рассмотрение понятий в развитии гарантирует от их абсолютизации. Элементы неисторического подхода к сложившимся теоретическим представлениям наблюдались в истории политэкономии социализма. На ее первоначальных этапах существовала точка зрения об отсутствии товарных отношений при социализме. Более широкий исторический взгляд показал необоснованность такого вывода.

Для буржуазной политической экономии характерен антиисторический подход к понятиям политической экономии. Так, классики буржуазной политической экономии абсолютизировали свои теоретические положения. В еще большей степени это относится к вульгарной политической экономии. Буржуазный экономист Г. Брукфилд в книге «Взаимозависимое развитие» высоко оценивал Д. Кейнса, отмечал «экономическую наивность» А. Смита, считавшего буржуазный строй свободного частного предпринимательства «естественным порядком»[1]. Но идеи А. Смита обусловлены капитализмом свободной конкуренции, чего не замечает в порыве антиисторизма Брукфилд.

Принцип историзма понятий политической экономии, направленный на получение нового знания, выступает элементом метода политической экономии как непосредственно, так и опосредованно: через общенаучный метод — исторический или генетический подход (метод).

Исторический (генетический) подход, вытекающий из философского принципа историзма понятий, по природе своей содержателен, но в отличие от системного подхода он трудно формализуем. Этот метод направлен на исследование исторического развития не эмпирическим способом, а с учетом его внутренних закономерностей. Он рассматривает сменяющиеся события как внешние проявления этих закономерностей. В известном смысле исторический метод противоположен методу восхождения от абстрактного к конкретному, который в данном отношении выступает как логический метод. Исторический метод может быть идентифицирован с методом восхождения от конкретного к абстрактному. Кроме того, исторический метод подразумевает исследование предшествующих теорий.

Исторический (генетический) метод в подавляющем большинстве случаев применяется в сочетании с системным. В таких случаях он выступает генетически-системным или системно-генетическим (соответствующее сочетание двух терминов зависит от направленности и содержания конкретного анализа). Думается, не будет ошибкой, если этот двуединый метод назвать просто системным в широком смысле, имея в виду, что он рассматривает объект исследования в пространственной (структурно-функциональной) и временной системах координат. В конечном счете познание экономической системы предполагает раскрытие закономерностей не только ее структуры, но и ее развития. Такой системный подход является конкретизацией принципов системности и историзма понятий политэкономии.

Принципы единства исторического и логического в политэкономии

Понятие исторического и логического неоднозначны. В широком философском смысле историческое — это сама объективная действительность, существующая система производст-

[1] Жариков Е. С. Научный поиск. Киев: КГУ, 1967.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 9.

[1] Brookfield H. Interderpendent Development. University of Pittsburgh Press, 1975.

венных отношений, а логическое — отражение экономической действительности в понятиях науки, теоретическая система политической экономии. В логико-гносеологическом плане историческое выражает генезис экономических явлений, логическое — их структуру, систему. Под историческим и логическим понимают также соответствующие методы исследования.

Историческое и логическое находятся в диалектическом единстве, которое означает, что логический ход познания, исследования в общем и целом отражает историю развития самого предмета. Процесс политэкономического познания начинается с того же, с чего начинается история экономического объекта, и идет тем же путем, что и развитие объекта. Примером единства исторического и логического служит «Капитал» К. Маркса, в котором теория капитализма выступает как обобщенная история капитализма. Развитие теории идет здесь от простого к сложному. Например, в переходе от понятия «товар» к понятию «деньги» и от последнего — к понятию «капитал» отражен исторический процесс развития товарного производства, движения от простого товарного производства к капиталистическому. Единство и совпадение исторического и логического наблюдаются в такой последовательности понятий, как простая кооперация — мануфактура — фабрика или формальное — реальное подчинение труда капиталу. К. Маркс писал, что «ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»[1].

Принцип единства логического политэкономического анализа и исторического развития экономики строго выдерживается в трудах В. И. Ленина. Этот принцип по отношению к исследованию финансового капитала он сформулировал так: «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее, слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»[2].

В политической экономии социализма единство исторического и логического соблюдается, по нашему мнению, если в качестве исходной экономической категории рассматривается категория «непосредственно-общественный продукт социалистического производства», поскольку действительная история социализма началась с появления, развития и победы социалистических форм. Социалистическое производство — источник всех достижений народа, история производства непосредственно-общественного продукта — это история становления социализма.

Единство исторического и логического не означает их тождества, между ними имеются противоположности и различия. Они в каждом отдельном акте познания выполняют противо-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 728—729.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 344.

положные функции: историческое отражает генезис, логическое — структуру экономических явлений. Различие, в частности, состоит в том, что логическое выступает, по выражению Ф. Энгельса, как «исправленное» историческое. «Исправление» исторического состоит в отвлечении от массы второстепенных деталей, обстоятельств, в связи с чем логическое предстает как бы в «чистом виде», в более ясной и отчетливой форме.

Но это не главная причина несовпадения исторического и логического. Логическая последовательность экономических понятий строится в том порядке, в котором они относятся друг к другу в обществе, достигшем наивысшей степени зрелости[1]. В таком порядке экономические категории расположены в «Капитале». В «Империализме, как высшей стадии капитализма» вывоз капитала В. И. Ленин рассматривал после слияния банкового капитала с промышленным, а исторически первая категория предшествовала второй.

Категория исторического выражает не абстрактный историзм (следование хронологии истории), а конкретный историзм (следование генезису данного конкретного явления). Рассматривая собственно капитал, нужно искать его истоки не в богатстве купцов древнего мира, а в присвоении и накоплении прибавочной стоимости, извлеченной в результате эксплуатации наемных рабочих. В политической экономии социализма товарно-денежные отношения, хотя они и унаследованы от предыдущих формаций, должны рассматриваться не в начале, а после и в свете тех отношений, которые являются специфическими для зрелого социалистического общества.

Историческое и логическое применительно к процессу экономического исследования выступают как логический и исторический способы исследования. При логическом способе исследование экономических явлений осуществляется в их наиболее обобщенном виде, на основе последовательного развертывания понятий, категорий. Исторический способ исследования воспроизводит ход развития явления в его конкретности. Типичным для логического способа экономического исследования выступает применение системного подхода, а в наиболее развитом виде он выступает как метод восхождения от абстрактного к конкретному. Исторический способ тождествен историческому подходу и методу восхождения от конкретного к абстрактному.

Логический способ исследования практически возможен при достаточно высоком уровне развития политической экономии. По словам К. Маркса, до тех пор, пока политическая экономия не выработала первичных элементарных понятий (разделение труда, стоимость, деньги и др.), логический метод в ней не применялся и не мог применяться. Лишь после того, как были абстрагированы отдельные простейшие моменты капиталистического способа производства, стало возможным применение

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 734.

логического способа, зачатки которого появились в буржуазной классической политической экономии.

Логический способ (метод) исследования имеет большое значение для формирования теоретической системы политической экономии. Поскольку с его помощью изучаются структура и функционирование экономических систем в условиях социализма, он необходим также для организации научного управления народным хозяйством.

Исторический метод не следует представлять как простое эмпирическое описание фактов, он означает рассмотрение лишь типичных ситуаций, с его помощью мышлению удается познать действительность, раскрыть объективную логику исторического развития. Если логический способ в конечном счете тот же исторический, только освобожденный от его конкретной формы, то исторический способ — это тот же логический способ, только облеченный в «плоть и кровь» конкретных исторических фактов.

Исторический способ исследования служит объяснению причин явлений, на его основе устанавливается ряд конкретных исторических состояний исследуемого объекта. Он применяется при исследовании конкретного исторического процесса прежде всего в таких экономических науках, как история экономической мысли и история народного хозяйства. Этот способ является единственно возможным также и в случаях формирования новых наук.

Логический и исторический методы исследования нельзя противопоставлять друг другу, оба они строго научны, являются формами диалектического метода, находятся во взаимной связи и единстве, применяются в зависимости от необходимости. Так, логический способ не может быть использован при исследовании конкретного исторического процесса, а исторический непригоден при анализе законов развития в «чистом» виде. «Логическое развитие...— писал Ф. Энгельс,— не обязано держаться в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью» [1].

Теоретический анализ экономики, особенно социалистической, наряду с логическим методом исследования должен использовать исторический метод, посредством которого может быть усвоено все многообразие быстроразвивающейся конкретной действительности. С другой стороны, нельзя применять исторический способ исследования, например в истории народного хозяйства, не руководствуясь определенными теоретическими идеями и не ставя задач установления закономерностей исторического развития хозяйства. В практике экономического исследования логический и исторический способы не существуют в чистом виде, а всегда переплетаются друг с другом. Так, хотя «Капитал» может считаться классическим образцом логического способа исследования, в нем приводится огромный исторический материал. Классическим образцом исторического способа исследования можно считать работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Но и в этой работе наряду с обобщением колоссального фактического материала мы находим чисто теоретический анализ таких экономических вопросов, как образование внутреннего рынка для капитализма, процесс разложения крестьянства в ходе становления капитализма и т. д.

Итак, политэкономическое исследование должно опираться на единство логического и исторического. Без исторического подхода к экономической действительности исключается возможность логического осознания ее закономерностей, а без логического осмысления истории экономики невозможно вскрыть внутренних причин и закономерностей ее движения.

Особо важное значение единство исторического и логического методов имеет в политической экономии социализма. Свойственная каждому определенному этапу развития система социалистических производственных отношений в то же время выступает моментом генезиса системы коммунистических производственных отношений. В методе политической экономии социализма должны органически сочетаться логический (для изучения сложившейся структуры) и исторический (для изучения генезиса) способы познания.

Единство логического и исторического способов исследования обусловливает следующий вывод. Политэконом должен избегать как чрезмерного увлечения цитатами и абстрактным логизированием, игнорирующим необходимость привлечения конкретных фактов, так и простого описания фактов, не сопровождающегося теоретическими обобщениями. Обе эти крайности выступают нарушением принципа единства логического и исторического. Этот принцип требует, чтобы политэкономы исходили из фактов, обобщали, анализировали жизненные процессы с точки зрения главных направлений экономического развития, определяемых экономическими законами социализма.

Закон перехода количества в качество. Единство качественного и количественного политэкономического анализа

Как и явления экономической действительности, понятия политической экономии подчиняются основным законам материалистической диалектики — закону перехода количественных изменений в качественные, закону единства и борьбы противоположностей и закону отрицания отрицания. В этих законах находит конкретное выражение принцип развития понятий политической экономии.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 499.

Закон перехода количества в качество применительно к экономическим понятиям означает, что переход от старых понятий политической экономии к новым представляет собой переход от одного качества мысли к другому. Иными словами, качественная определенность свойственна не только материальным предметам, но и мыслям о них, т. е. понятиям, категориям, законам и другим формам теоретического мышления. Сами переходы могут быть как скачкообразными, так и постепенными.

В. И. Ленин в «Философских тетрадях» писал следующее: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*»[1].

Процесс развертывания экономических понятий от сущности низшего порядка к сущности высшего порядка и представляет собой переход от понятий одного качества к понятиям другого, более глубокого и содержательного качества. Известно, что меркантилисты считали производительным трудом лишь труд, затрачиваемый в торговле, а физиократы — в земледелии; А. Смит ввел понятие производительного труда вообще. Переход от первого понятия производительности труда ко второму, от второго к третьему есть последовательный переход от понятия одного качества к понятиям более глубокого качества.

Переход от одних понятий политической экономии к другим происходит путем постепенного количественного накопления знаний, фактов, эмпирического материала, которые обобщаются в новые понятия, новые законы. Это обобщение по существу представляет собой переход, скачок от единичного к общему, от ощущения к мысли, от менее сложного понятия к более сложному, от понятия к суждению, от суждения к умозаключению и т. д. Причем такие скачки, такие переходы могут представлять собой большие революционные перевороты в науке. Пример тому — переворот в экономической науке с появлением работ К. Маркса «К критике политической экономии» и «Капитал». В. И. Ленин особо выделял вопрос о «скачке» от ощущения к мысли. Сущность этого скачка состоит в том, что в понятиях чувственное превращается в идеальные образы, непосредственно не тождественные с видимым, единичным.

В законе перехода количества в качество, действующем в познании, как и в том же законе, но осуществляющемся в объективной действительности, находит отражение диалектика категорий качества и количества, взаимосвязь между которыми выражается в категории меры.

Существуют по крайней мере два вида понятий качества: предметно-функциональное и системное. Первое относится к отдельным предметам, элементам совокупности, частям целого. Второе — атрибут системы, совокупности целого. Конкретный товар, например пальто, имеет многие предметные качества —

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

фасон, размер, цвет и т. д. Но он имеет и системное качество — стоимость. Работающий ткацкий станок подвергается износу не только физическому (предметно-функциональное качество), но и моральному (системное качество). Отдельный человек обладает многими конкретными физическими и биологическими качествами, хотя он выступает и как член особого человеческого общества[1]. В политэкономическом исследовании главным из двух видов понятий качества является системное, рассматриваемое не в отрыве, а в сочетании с предметно-функциональным качеством. Следует различать соответствующие уровни качественного анализа — «элементный», или предметный качественный анализ, и «анализ совокупностей», или «системный» качественный анализ. В целом качественный анализ развивается от предметного уровня к системному, от однозначного — к многозначному.

Определенным понятиям качества соответствуют определенные понятия количества и меры. Предметно-функциональное качество, как правило, может быть измерено непосредственно объемным или экстенсивным количеством (числом единиц, метрами, килограммами и т. д.), системное качество измеряется опосредованно, преимущественно интенсивным количеством (относительными и средними показателями). Взаимосвязь понятий «качество» и «количество», т. е. понятие «мера» в познании, как и в действительности, выступает применительно к двум названным вариантам как простая и системная меры.

В объективной действительности качество и количество экономических явлений возникают и развиваются вместе, они всегда неразрывны. В познании понятия «качество» и «количество» могут рассматриваться (в определенных границах) отдельно, изолированно. Встает вопрос, как развивалось знание о качестве и количестве, какое понятие (качества или количества) сформировалось раньше?

На первоначальных этапах познания из этих понятий первым было выделено в сознании понятие качества, а потом уже количества. Это соответствует логике познания действительности. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» отмечал: «Самым первым и самым первоначальным является ощущение, а *в нем* неизбежно и *качество*...»[2] При первом ознакомлении качество явления выступает в виде совокупности различных свойств, признаков. В ходе познания представления о качестве углубляются, оно сближается с понятием сущности. Греческий историк Фукидид, описывая состояние богатых, не давал количественной характеристики богатства, а указывал лишь на

[1] В книге «Метод политической экономии социализма» (с. 80) предметное качество называется специфическим, а системное — общим. Такая терминология неточна. В литературе общими обычно принято называть понятия, характеризующие общество в целом, а не отдельные его формации, а специфическими — понятия, относящиеся к отдельным формациям.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

великолепные дома и драгоценную утварь[1]. Сравнивая самолет и поезд, мы сразу определяем, что скорость самолета значительно больше скорости поезда. Но для более глубокого суждения по данному вопросу нужно дать точную количественную характеристику скорости этих видов транспорта, что связано с установлением единицы скорости движения, измерением ее в этих единицах и сопоставлением полученных результатов. К. Маркс в «Капитале» отмечал, что при рассмотрении товаров сразу бросается в глаза их качественное различие как потребительных стоимостей. Но товары имеют и количественную характеристику, для обнаружения которой необходимо отвлечься от качественных различий товаров, что достигается последующим значительным напряжением мышления. Заметим, что отвлечение от качественных особенностей явлений, открывающее возможность обнаружения количественной стороны этих явлений, представляет собой своеобразный переход качества в количество.

Все это относится к понятиям предметно-функционального качества, экстенсивного количества и простой меры. Сложнее обстоит дело с соотношением понятий системного качества и интенсивного количества, познанием системной меры. Познание системной меры — это процесс многоэтапный, в котором переплетаются различные подходы и методы, в том числе качественный и количественный анализ. В многоплановом исследовании системной меры первым этапом выступает познание количества, затем — познание качества, и наоборот. Это соответствует и примату качественного анализа над количественным (качественный анализ предшествует количественному) и закону перехода количественных изменений в качественные (количественный анализ предшествует качественному).

Важной методологической задачей качественного и количественного анализа является определение «точек» перехода количества в качество. Эта задача решается на основе глубокосодержательного качественного анализа.

Хотя в сфере познания возможен раздельный анализ качества и количества, однако такой анализ — лишь подготовительный этап к системному качественно-количественному анализу. Только на основе такого анализа возможны построение теоретической системы политической экономии социализма и научная организация управления народным хозяйством.

Длительное время экономисты исследовали главным образом качественную сторону экономических отношений нового способа производства (преимущества социалистической системы хозяйства, ее отличия от капиталистической системы хозяйства и т. д.). Но это было исследование преимущественно предметного качества, как правило, не подкрепленное анализом количества и не раскрывающее сущности экономических процессов.

[1] Фукидид. История. Т. 1. М., 1915, с. 138.

Определенный отрыв качественного анализа от количественного выражался в практике хозяйственного руководства в том, что иногда недостаточно учитывались затраты на производство продукции и др.

В последние годы усилилось внимание к анализу количественной стороны экономических явлений, что открывает путь для проникновения в системное качество этих явлений. Однако это может привести к чрезмерному увлечению количественным анализом. Достигнутый уровень развития теории и практики дает возможность сочетать глубокий количественный анализ с раскрытием внутренних необходимых связей экономических явлений, т. е. в мышлении находить подлинную меру этих явлений. Закон перехода количества в качество в целом ориентирует на необходимость исследования количественной и качественной сторон экономических явлений в единстве и взаимосвязи, выражаемых в категории меры.

Буржуазные политэкономы разрывают качественный и количественный анализ, занимаются преимущественно количественным исследованием экономических отношений. Так, представители математической школы считают количественный анализ единственным научным методом политической экономии. В той или иной степени затрагивая в своих исследованиях качественную сторону экономических явлений, буржуазные ученые выпячивают их предметно-функциональные качества, например капитал представляют как накопленный труд, как совокупность орудий труда и т. д. Все это, вместе взятое, приводит к формализму буржуазного экономического исследования.

Закон единства и борьбы противоположностей

Первостепенное значение для уяснения развития понятий политической экономии имеет закон единства и борьбы противоположностей. Любая область объективной действительности есть противоречивое единство. Поэтому понятия, категории, законы выражают заключенные в конкретных явлениях противоречия, их взаимопроникновение и борьбу, выступают зеркалом этих противоречий. Теоретическая картина объективного мира не будет соответствовать действительности, если в ней не будут отражены реальные ее противоречия. «Познание,— писал В. И. Ленин,— есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не „мертво", не „абстрактно", *не без движения*, **не без противоречий**, а в вечном **процессе** движения, возникновения противоречий и разрешения их»[1].

Отдельные понятия политической экономии отражают отдельные стороны, свойства, взаимосвязи экономических отноше-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.

ний. Поскольку между сторонами явлений или явлениями в целом могут существовать и существуют противоречия, постольку могут иметься и имеются противоречия между различными понятиями науки. Понятия, категории, законы политической экономии «вбирают» в себя, отражают движение и развитие реальных противоречий экономической действительности. Познание противоречий между формами теоретического экономического мышления способствует познанию объективных противоречий.

Противоречия в объективном мире и познания выступают и представляются при их исследовании различно. В объективном мире противоречие — всегда нераздельность, взаимосвязь противоположных сторон. В познании иначе. Мышление не может сразу охватить и выразить живое противоречие, для познания оно вынуждено его расчленить на противоположные стороны, выразив последние в понятиях, и изучить эти стороны, понятия отдельно. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения,— писал В. И. Ленин,— не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого»[1]. Изображение мыслью движения и всякого понятия «есть всегда огрубление, омертвление»[2]. После изучения противоположных сторон противоречия, представленных в виде понятий, исследователь должен их мысленно соединить. В таком соединении противоположностей в мышлении проявляется действие закона единства и борьбы противоположностей в познании.

Понятия политической экономии находятся в сложном переплетении противоречивого единства и противоположности по отношению друг к другу. Рассмотрение противоречий экономических понятий и законов мы находим в «Капитале» К. Маркса. Известно обнаруженное и разрешенное им противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью (меновой стоимостью) товара; противоречие между законом стоимости, согласно которому обмениваются стоимости, эквивалентные затратам труда, и законом средней нормы прибыли, согласно которому получаются одинаковые прибыли на одинаковые капиталы независимо от размеров затрат живого труда, создающего стоимость. Или другое противоречие: если обмениваются эквиваленты, то не возникает прибавочная стоимость, если обмениваются неэквиваленты, то не действует закон стоимости. Прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения и точно так же не может возникнуть вне обращения.

Разрешение противоречий теоретических экономических форм К. Маркс производил путем выявления механизма разрешения реальных противоречий в самой экономической действительности. Дело в том, что в процессе развития реальных противоречий созревают условия для их разрешения; в опре-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 233.
[2] Там же.

деленный момент противоречия разрешаются. Так, противоречие товара находит свое относительное разрешение в раздвоении товара на товар и деньги, в появлении реальных денег. Однако деньги не устраняют противоречия товара, а лишь создают форму, в которой оно существует в дальнейшем. Как в реальной жизни деньги рождаются в качестве средства разрешения противоречия товарного обмена, так и теоретическое понятие «деньги» в «Капитале» выработано в качестве средства разрешения противоречия между теоретическими понятиями стоимости и потребительной стоимости.

Противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью — противоречие простого товарного производства. Противоречие между законом стоимости и законом средней нормы прибыли и противоречие, отражающееся в необходимости и невозможности эквивалентного обмена, относятся к капитализму. Разрешение последнего К. Маркс осуществил тем, что в экономической действительности обнаружил и выразил в теоретической форме товар особого рода, который создает больше, чем стоит, а разрешение первого — путем анализа промежуточных звеньев между стоимостью и средней нормой прибыли.

Метод разрешения К. Марксом противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара Ф. Энгельс объяснял так: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.»[1]

Таким образом, разрешить противоречие в познании — это значит обнаружить соответствующий прототип в действительности, понять его и объяснить. Разрешение теоретического противоречия означает не устранение его из теории, а научное разъяснение действительности, раскрытие содержания объективного противоречия.

Чтобы успешно соединять и тем самым разрешать противоположности в познании, нужна строго научная формулировка имеющегося противоречия, ясная постановка проблемы перед мышлением. В «Капитале» четко поставлена проблема важнейшего противоречия, проявляющегося в необходимости обмена эквивалентами и видимой невозможности этого обмена. «Наш владелец денег,— читаем мы в «Капитале»,— который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен ку-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497—498.

пить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы»[1]. Иногда противоречие формулируется в виде своеобразного парадокса, как, например, в приведенной цитате: превращение владельца денег в капиталиста должно совершиться «в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения».

Закон единства и борьбы противоположностей в познании выступает и конкретизируется в таких специфических противоречиях мышления и познания, как эмпирическое и теоретическое, теория и практика, качественный и количественный анализ. Важное значение имеет противоречие между качественным и количественным анализом. Тот и другой представляет собой единство, но они в то же время различны. Разрыв их может привести к ошибочным выводам, в познании следует добиваться их рационального сочетания, доходящего до единства. Применительно к экономике главной формой противоречия между качественным и количественным анализом выступает противоречие между политической экономией и математикой.

Диалектически противоречивы экономическая теория и практика. Новые практические запросы и возможности вступают в противоречие с теми или иными положениями теории и требуют их пересмотра. Это противоречие толкает политическую экономию вперед. В свою очередь новый уровень политэкономических знаний помогает преодолевать ограниченность практики, создает стимулы развития. Тем самым создаются благоприятные условия для поступательного движения и теории, и практики. Диалектика экономической теории и хозяйственной практики проявляется и в росте взаимопроникновения их друг в друга, в результате чего практика приобретает осознанный, теоретический характер, а теория — практическую целенаправленность.

Существенным противоречием в познании выступает следующее: чтобы иметь представление о системе, нужно знать ее элементы, а чтобы знать последние, надо иметь представление о системе в целом.

Формой противоречия в познании является противоречие между новыми данными об объекте и прежними знаниями о нем.

Закон единства и борьбы противоположностей в познании отражается в «борьбе» научных теорий, взглядов, мнений. Быстро и плодотворно развивается та теория, внутри которой возникают различные точки зрения. При этом противоречивыми могут быть не только точки зрения внутри одной теории, но и разные теории в целом. Различные точки зрения или различные

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 176—177.

теории в процессе научных дискуссий и полемики, выявления и устранения имеющихся в них противоречий диалектически синтезируются, в результате чего образуются теоретические положения более высокого научного уровня. Академик Н. Н. Семенов писал, что «особенно важное значение для научного познания имеют не столько подтверждения уже существующих представлений, сколько возникновение представлений, противоречащих им. Эти противоречия служат главным стимулом развития наук. Для ученого натолкнуться на большое или малое противоречие — дар судьбы»[1]. Противоречие выявляет именно те узловые пункты в системе старой теории, отмечал далее Н. Н. Семенов, в которых сосредоточены ее точки роста и в которых лучше всего проявляется ее способность «расти через противоречия».

Для человеческого мышления противоречие — это сигнал появления проблемы. Обнаружение и анализ диалектических противоречий — признак того, что ученый строит свою систему из единого принципа, а не занимается механическим сшиванием разноцветных лоскутков и обрывков различных систем воззрений. Диалектически противоречить друг другу и соединяться могут лишь внутренне связанные противоположности, относящиеся к одному экономическому процессу. Так, «триединая формула» не противоречит ни сама себе, ни очевидным экономическим фактам, в ней между капиталом и процентом, землей и рентой, трудом и заработной платой не устанавливается никакой внутренней связи. Поэтому она не имеет научного содержания. Материализм и идеализм не могут выступать диалектическими противоположностями и соединяться, поскольку между ними нет необходимой связи, один из них (материализм) имеет научное содержание, а другой (идеализм) антинаучен.

В науке часто бывает недостаточно выдвинуть идею, надо суметь еще преодолеть так называемый «барьер интеллектуального поля», препятствующий ее признанию.

Нельзя себе представить, что любое экономическое исследование является изучением либо реальных, либо теоретических противоречий. В науке встречаются такие направления, которые не приводят к выявлению внутренних противоречий и созданию новых концепций, а заняты лишь комментированием известных положений и эмпирическим описанием действительности. В ряде случаев более целесообразно упорядочить имеющийся материал, нежели собирать новый. Однако законом познания является переход исследования от тождества к различиям, противоположностям, противоречиям. Поэтому политэкономическое исследование всегда в той или иной мере связано с анализом диалектических противоречий.

[1] Семенов Н. Н. Наука и общество. Статьи и речи. М.: Наука, 1973, с. 251.

Закон единства и борьбы противоположностей, действующий в познании, имеет исключительно важное теоретическое и практическое значение.

В окружающем нас мире существует универсальное противоречие между содержанием объектов и содержанием понятий науки об объектах. Политэкономия разрешает это противоречие применительно к своему объекту исследования. Однако противоречие между содержанием существующей системы производственных отношений и содержанием теории политической экономии возникает вновь и вновь, поскольку и производственные отношения, и наука о них не стоят на месте.

Одну из главных ролей в разрешении данного противоречия играет диалектико-логический закон единства и борьбы противоположностей, посредством которого политэконом шаг за шагом приближается к объективной истине. Познание и последовательное разрешение противоречий понятий политической экономии ведут к научному познанию объективных экономических противоречий. Степень познания последних определяет достигнутый уровень теории, возможности построения и совершенствования системы понятий, категорий и законов политической экономии. Особенно важное значение это имеет для построения теории политической экономии социализма. Оперирование понятиями политической экономии, «обожженными огнем внутренних противоречий», свидетельствует о высоком уровне развития политической экономии коммунистической формации в целом.

Познание и последовательное разрешение теоретических противоречий, ведущие к углубленному познанию объективных противоречий, играют большую роль в практике социалистического экономического строительства. Научное познание объективных противоречий экономики открывает широкий путь для разработки практических предложений по целенаправленному улучшению экономической деятельности.

При определении путей разрешения противоречий в политэкономии часто применяется метод посредствующих звеньев. В самом деле, какими путями можно разрешить в теории и на практике противоречие между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, планомерностью и товарно-денежными отношениями, централизацией и местной инициативой? Как логически согласовать такие противоречия утверждения, что в социалистических условиях имеется товар и нетовар, деньги и неденьги? Очевидно, «примирить», согласовать противоположные утверждения. Разрешить имеющиеся в жизни и в теории противоречия одним рывком, «в лоб» нельзя, следует осуществлять это последовательно, с применением посредствующих звеньев.

З. М. Оруджев промежуточные звенья определяет «как явления (или понятия, их выражающие), отличающиеся от крайних членов отношения, но в то же время сочетающие некоторые их свойства и черты»[1]. Например, разрешение противоречия между городом и деревней требует таких промежуточных звеньев, как повышение степени механизации и электрификации сельскохозяйственного труда, создание на селе современной производственной и социальной инфраструктуры, повышение уровня образования в сельских школах и т. д. Эти промежуточные звенья, выявленные в реальной действительности, должны быть отражены в мышлении. При согласовании противоположных утверждений, что при социализме существует и товар, и нетовар, надо последовательно выстроить промежуточные звенья, постепенно сближающие противоположные точки зрения.

К закону единства и борьбы противоположностей в познании примыкает известный «принцип дополнительности», введенный в теорию познания Н. Бором для анализа противоречивых квантовых явлений. Согласно данному принципу для исследования противоречий природы явлений необходимо применять взаимоисключающие и дополняющие друг друга классы понятий (методов). Дополняющие методы в физике были применены для анализа корпускулярной и волновой природы света. На наш взгляд, применение методов, дополняющих друг друга, возможно и в экономических исследованиях (видимо, дополняющими в определенном смысле можно считать классические методы трудовой теории стоимости и новый аппарат оптимального программирования)[2].

Н. Бор считал, что анализ явлений с одной стороны, одним методом недостаточен. Он полагал, что для глубокого познания необходимо исследование другой стороны, другими методами. Синтез, взаимодополнение методов — вот к чему должен стремиться исследователь.

Идея Н. Бора находит широкое распространение. В литературе высказывается мнение, что, например, несомненное взаимообогащение науки и искусства также является иллюстрацией рассматриваемого принципа.

Хотя в принципе дополнительности соединяются противоположные методы, но это соединение чисто внешнее, а не диалектическое, поэтому к закону единства и борьбы противоположности он, по-видимому, имеет чисто формальное отношение (поскольку в нем используется сходная терминология).

Буржуазная политическая экономия, отрицая наличие внутренних экономических противоречий, тем самым отрицает и реальные противоречия в познании. Занимаясь исследованием внешней стороны экономических явлений, не проникая в их суть, буржуазные ученые представляют экономическую теорию как бесконфликтную, одноплоскостную. А если выявляются

[1] Коммунист, 1977, № 6, с. 62.

[2] О применении принципа дополнительности в социологии см. статью Н. С. Алексеева и Ф. М. Бородкина в сб.: «Моделирование социальных процессов» (М.: Наука, 1970, с. 37—48).

какие-либо противоречия в теории, то объясняются они ошибками и несовершенством формального аппарата познания.

Классики буржуазной политической экономии придерживались противоречивых взглядов, вытекающих из их двойственных (научных и ненаучных) представлений об экономике. Эти теоретические противоречия были плодотворными для дальнейшего развития политической экономии, послужили одним из источников для критического их преодоления К. Марксом при создании экономической теории. Буржуазные классики не понимали существа противоречий понятий. Так, Д. Рикардо, натолкнувшись на противоречие между законом стоимости и законом средней нормы прибыли, истолковал его как «исключение из правила».

Прудон, любивший рядиться в мнимодиалектические одежды, употреблял терминологию, схожую с научной. Он признавал, что всякая экономическая категория имеет хорошую и дурную стороны, составляющие вместе противоречие. Однако недостаток этого положения в том, что он считал возможным сохранить хорошую сторону категории и устранить дурную; это означало фактическое отрицание им внутренних противоречий. Ведь хорошая и дурная стороны явлений, понятий нерасторжимы без уничтожения самого явления, понятия.

Закон отрицания отрицания

Закон отрицания отрицания применительно к понятиям, категориям, законам политической экономии означает, что последние в процессе развития отражают поступательное движение нашего познания экономики от незнания к знанию, от знания сущностей первого порядка к знанию сущностей второго порядка и т. д.

Возьмем последовательное формулирование категорий политической экономии капитализма: товар, стоимость, прибавочная стоимость, капитал, прибыль. Оно отражает переход от абстрактного знания капиталистических производственных отношений ко все более конкретному их знанию. То же относится к специфическим категориям политической экономии монополистической стадии капитализма (монополия, вывоз капитала и т. п.) и категориям политической экономии социализма.

Поступательное движение познания, процесс углубления познания природы экономической действительности — не простой, не прямолинейный, а весьма сложный, диалектический, противоречивый процесс, он совершается не по прямой, не по кругу, а по спирали. Диалектическая противоречивость процесса развития понятий политической экономии, в частности, означает, что в связи с изменением экономической действительности происходит полный или частичный отказ от прежних понятий, в ходе чего формулируются новые или совершенствуются старые понятия.

Углубление познания экономики идет путем отрицания неоправдавших себя положений, пришедших в противоречие с развивающимися производственными отношениями.

Отрицание отрицания в познании является закономерным следствием и результатом разрешения различных односторонних противоположных мнений в науке. Одна из двух противоположных точек зрения отрицает другую (первое отрицание), а затем путем их критической переработки, диалектического соединения обе противоположности отрицаются новой точкой зрения — осуществляется разрешение противоречия в познании (второе отрицание). Суть диалектического отрицания в процессе познания заключается в том, что в новом понятии выявляются достоинства и преодолевается ограниченность старых понятий, удерживается все ценное, что имелось в отрицаемых противоположностях. Именно так «отрицала» теория стоимости К. Маркса прежние теории стоимости А. Смита и Д. Рикардо. Каждое новое понятие не теряет ничего положительного. Гегель считал, что движение мысли на каждой новой ступени «не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»[1].

В закон отрицания отрицания, действующий в познании, на наш взгляд, «вписывается» сформулированный Н. Бором применительно к физике «принцип соответствия». Согласно этому принципу, как и в соответствии с законом отрицания отрицания, новая теория не отбрасывает старую полностью, а берет из нее и сохраняет рациональное содержание; при открытии более общих законов прежние законы становятся частным их случаем.

Движение от отрицания к отрицанию является формой поступательного движения и углубления нашего познания реальных противоречий экономической действительности. Справедливость этого доказана всей практикой познания экономических отношений. В первые годы становления социалистического строя в СССР политэкономы пытались почти полностью отказаться от понятия стоимости и закона стоимости. Такой отказ, в целом неправильный, содержал рациональное зерно, заключающееся в том, что в то время нужно было отказаться от привычных представлений, от фетишизирования закона стоимости, которое приводило к отождествлению социалистической экономики с капиталистической. Однако жизнь показала, что в социалистическом обществе сохраняются стоимость и закон стоимости, поэтому возникли соответствующие понятия. Обогащенные новым содержанием, они отражают действительную природу процессов, протекающих в советской экономике.

---

[1] Гегель. Соч. Т. VI. М., 1939, с. 315.

Некоторые экономисты отрицали и до сих пор скептически относятся к возможности применения в познании социалистической экономики математических приемов. В таком отрицании, разумеется, были основания. Ведь злоупотребление математикой буржуазными экономистами часто превращает экономические исследования в формалистические упражнения. Это прямо или косвенно приводит к затушевыванию классовых противоречий капиталистического способа производства. Однако широкое применение математических приемов в исследовании экономики выступает не только возможным, но и необходимым. Советские экономисты на новой основе восстановили в правах математические приемы в экономических исследованиях. Здесь происходит «отрицание отрицания». Математические приемы интенсивно внедряются в экономический анализ социалистического народного хозяйства, во многих случаях они становятся органической частью методологии исследования экономики.

В соответствии с законом отрицания отрицания совершается общий ход человеческого познания. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс показывает, что сначала мы всегда видим общую картину изучаемого предмета, затем начинается расчленение его на части с целью их изучения. Это — «отрицание» первоначальной нерасчлененности предмета. После изучения частей вырабатывается общий взгляд на предмет; но этот взгляд на предмет теперь осмыслен, глубок, конкретен. Это — «отрицание отрицания». Так обстоит дело не только с каждым индивидуальным актом познания действительности вообще, и экономической действительности в частности, но такова в общих чертах вся история человеческого познания (целостный взгляд на природу в Древней Греции, расчлененность рассмотрения отдельных частей в метафизике, познание действительности как богатого противоречивого целого диалектическим и историческим материализмом). Действие закона отрицания отрицания можно проследить в диалектическом соотношении теории и практики.

Закон отрицания отрицания вскрывает связь и преемственность ступеней совершенствования экономических знаний, дает общую картину их поступательного развития.

Категории диалектической логики в политической экономии

Элементами метода политической экономии выступают не только рассмотренные логико-гносеологические принципы и законы, но и категории диалектической логики — сущность и явление, форма и содержание, единичное, особенное и всеобщее, причина и следствие, случайность и необходимость[1]. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» указывал, что для мышления «необходимы логические категории»[1], которые ученые обязаны знать.

[1] В гл. II эти категории были исследованы в онтологическом, а здесь они рассматриваются в логико-гносеологическом аспекте.

Чем же отличаются диалектико-материалистические категории, взятые в логико-гносеологическом плане, от категорий, рассматриваемых в плане онтологическом? Тем, что они, как и принципы и законы, сознательно используются при постановке и решении познавательных задач, непосредственно направлены на раскрытие законов движения человеческого мышления к истине.

Любой экономический объект имеет противоположные (в действительности нераздельные) стороны — явление и сущность, содержание и форму, единичное и всеобщее и т. п. Каждая из этих пар противоположных сторон, выражаемая в диалектико-логических категориях, характеризует экономический объект с различных пересекающихся и друг друга дополняющих точек зрения.

Сразу понять, высветить объект без специального анализа, как правило, не удается. Для этого человек мысленно вычленяет его противоположные стороны и исследует их по отдельности, начиная с более простых. Скажем, от явления идет к сущности, от случайности — к необходимости. После того как противоположные стороны (категории) изучены по отдельности, осуществляется их синтез, в результате которого экономический объект оказывается познанным глубже, что в дальнейшем проходит проверку на практике.

Последовательность развертывания категорий диалектической логики отражает последовательность ступеней познания, а не развития действительности. В объективном мире связи и отношения явлений выступают перед человеком уже сложившимися, существующими. Лишь познаем мы их не сразу, а постепенно, двигаясь от внешнего к внутреннему, от тождества к различиям и т. д. При этом движение познания может не совпадать с развитием самого объекта. Если в действительности объект без его основы существовать не может, то наука, по словам К. Маркса, в отличие от других архитекторов «не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент»[2].

Сознательное использование категорий диалектической логики в познавательном процессе означает, что анализируются пути формирования и познания отдельных сторон, объектов, способы их описания и, если возможно, измерения.

Рассмотрим методологическое значение некоторых категорий диалектической логики в процессе познания экономической действительности.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 524.
[2] Там же, т. 13, с. 43.

Как и в объективной действительности, в познании могут быть выделены категории «сущность» и «явление», между которыми имеется противоречие. Это противоречие — один из гносеологических источников необходимости науки. К. Маркс писал: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»[1]. Назначение политической экономии в конечном счете заключается в преодолении данного противоречия в объекте своего познания.

Если в объективной действительности сущность и явление неразрывны, то в мышлении они формируются и познаются раздельно. Это обстоятельство открывает возможность исследования отдельных сторон противоречия в познании, а затем мысленного их соединения. Происходит разрешение противоречия между сущностью и явлением в познании, что ведет к углубленному пониманию противоречия между сущностью и явлением в экономике.

Познание сущности и явления, раскрытие противоречия между ними — процесс весьма сложный.

Начало познания — движение от явления к сущности. «Задача науки заключается в том,— замечал К. Маркс,— чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению»[2]. Однако на познании сущности мышление не останавливается. После того как сущность установлена, познание раскрывает, как и почему она выражается в тех или иных явлениях.

Таким образом, чтобы глубоко познать явление, раскрыть противоречие между ним и сущностью, требуется проникнуть в сущность. При этом надо иметь в виду, что логика познания сущности и возникновения объективного экономического процесса не совпадают во времени. Познание отправляется от наиболее глубокой сущности, более развитых форм, чтобы исследовать менее развитые, т. е. проделывает путь, прямо противоположный последовательности действительного развития явления. «Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм,— писал К. Маркс,— вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post festum [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития»[3].

Переход от сущности к явлению, как правило, осуществляется не сразу, а последовательно, путем анализа промежуточных звеньев, которых может быть много. Это видно, например, в «Капитале» при переходе от прибавочной стоимости к ее поверхностным формам, как они представлены «триединой формулой». Чем больше промежуточных звеньев, тем значительнее проявления отличаются от самой сущности, тем сложнее связь между сущностью и явлением и тем труднее найти и объяснить эту связь. Именно на основе исследования промежуточных звеньев Ф. Энгельс раскрыл необоснованность утверждений буржуазных экономистов, приписывавших К. Марксу «противоречие» между понятиями прибавочной стоимости и средней нормой прибыли.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 384.
[2] Там же, т. 25, ч. I, с. 343.
[3] Там же, т. 23, с. 85.

Важными в процессе познания являются логические категории «форма» и «содержание». Очевидно, что не только предметы объективного мира, но и мысли о них, т. е. научные понятия, всегда существуют в определенной форме. Формы мышления в свою очередь всегда наполнены конкретным содержанием.

Если категории содержания в действительности и мышлении определяются практически одинаково (как совокупности элементов, объективность мира, мышления), то в отличие от действительности, где формой является внутренняя организация содержания, в познании форма выступает внешним выражением содержания.

Форма и содержание в познании, как и в действительности, находятся в диалектическом единстве и «борьбе». Это видно из следующего. Содержание наших знаний об экономике беспрерывно углубляется и обогащается. В процессе и в результате углубления содержания знания некоторые понятия политической экономии вступают в противоречие с новым содержанием, возникает потребность разрешения этого противоречия и приведения формы понятия в соответствие с обогащенным содержанием знаний. Образованием нового или совершенствованием старого понятия названное противоречие разрешается.

Существенно, чтобы формы познания не были произвольными домыслами, а были наполнены объективным содержанием. Особенно это относится к применяемым в политической экономии логическим схемам и математическим моделям.

В науке содержание — научная теория, а форма — это научный метод. Содержание и форму имеет сам метод. Объективным содержанием метода политической экономии выступают законы и категории политической экономии, формой его являются выработанные на их основе познавательные приемы.

В формах мышления ярко проявляется единство логических категорий «единичное», «особенное» и «всеобщее». Любое понятие (суждение, умозаключение) представляет именно такое единство, что хорошо видно на наиболее распространенном способе определения понятий (через ближайший род и видовое отличие). На вопрос «что такое империализм» можно ответить, что империализм — это монополистическая стадия капитализма. Здесь ближайшим родом выступает понятие капитализма (всеобщее), видовым отличием — понятие монополистической его стадии (особенное). Следовательно, в приведенном

определении понятие «империализм» раскрыто через единство всеобщего и особенного.

Всякое научное понятие как знание о всеобщем, или общем, неразрывно связано со знанием единичного и особенного. Процесс познания вообще представляет собой мысленный переход от единичного к особенному, а затем к всеобщему. Ф. Энгельс писал, что «всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность»[1]. С другой стороны, постигнув всеобщее (общее), познание стремится на основании его истолковать особенное и единичное, т. е. «спускается» от всеобщего к особенному и единичному.

Это свидетельствует о значимости логических категорий единичного, особенного и всеобщего в процессе познания, в частности — правильного их сочетания. Следует обеспечивать надлежащее соотношение рассматриваемых категорий диалектической логики в экономических исследованиях в целом. Политэкономическим исследованиям должны предшествовать исследования конкретных отраслей, районов. С другой стороны, конкретно-экономические исследования не должны вести к отказу от общего, панорамного представления и перспектив исследования, они должны исходить из теоретических положений, установленных в результате обобщающих политэкономических исследований. В конечном счете это открывает путь к улучшению экономической практики.

Между диалектико-логическими категориями единичного, особенного и всеобщего имеются противоречия. Мысленное соединение названных категорий приводит к разрешению противоречий между ними, к углублению познания объективных противоречий единичного, особенного и всеобщего в реальной действительности.

Логика познания единичного, особенного и всеобщего прослеживается в становлении науки политической экономии в широком смысле. Первой формой здесь была политическая экономия капиталистической формации, т. е. «единичное». Затем сформировалась политическая экономия докапиталистических способов производства, которая в совокупности с политической экономией капитализма составляет уже политическую экономию всех формаций, предшествующих высшей, коммунистической формации («особенное»). Становление политической экономии коммунистической формации, фундаментальные черты которой были определены классиками марксизма-ленинизма, и ее дальнейшее развитие, которое происходит в настоящее время, приводит к «всеобщему» — созданию политической экономии в широком смысле.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 548.

Важное значение в познавательном процессе имеют логические категории «причина» и «следствие». Генетическая связь причины и следствия выражается в категории причинности. В онтологическом плане эта категория означает один из типов связей материальных объектов. Та же самая категория, взятая в логико-гносеологическом аспекте, предназначена для анализа путей формирования и развития причинности, выявления логических приемов установления причин событий, способов и средств их описания и т. п. В частности, традиционными формально-логическими методами установления причинности выступают методы выявления сходства, различия, остатков и сопутствующих изменений. В качестве методов количественной оценки причинно-следственных связей используются (после качественного анализа!) функциональный и корреляционный анализы. Отличительной чертой онтологических категорий причины и следствия является то, что причина во времени всегда предшествует следствию, так как требуется определенный интервал времени, чтобы возник результат действия причины. В мыслительном процессе эти категории могут быть использованы одновременно.

Как и в действительности, в познании надо различать категории «случайность» и «необходимость». Каждое явление познания и необходимо, и случайно: оно подчинено какому-то закону и подвержено воздействию случайностей. Так, открытие в науке — это всегда необходимый продукт всего предшествующего развития познания, но совершается оно «случайно» в том или ином месте, в то или иное время, тем или иным ученым, благодаря его личным качествам — знаниям, опыту и т. д.

Случайность и необходимость едины и противоположны, переходят друг в друга. Например, по отношению к исторической необходимости было случайным, что материалистическое понимание истории открыли К. Маркс и Ф. Энгельс. Но по отношению к самим К. Марксу и Ф. Энгельсу это открытие было необходимым результатом их энциклопедических знаний, гениальных способностей, перехода на позиции прогрессивного рабочего класса.

При исследовании единичных явлений создается возможность вскрыть таящуюся в них за внешней случайной оболочкой необходимость — закон. Разъясняя сущность экономического обобщения на примере исследования цены и стоимости, В. И. Ленин отмечал: «Если цена есть меновое отношение, то неизбежно понять разницу между единичным, меновым отношением и постоянным, между случайным и массовым, между моментальным и охватывающим длительные промежутки времени. Раз это так,— а это несомненно так,— мы столь же неизбежно поднимаемся от случайного и единичного к устойчивому и массовому, от цены к стоимости»[1]. Обобщая единичные

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 47.

экономические явления, преодолевая случайности, политэкономия неуклонно движется к познанию необходимости, открытию законов.

Глава V
ОБЩЕНАУЧНЫЙ УРОВЕНЬ МЕТОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Общенаучный уровень метода политической экономии включает элементы (методы в узком смысле), заимствованные из других наук, являющиеся общими для ряда или всех специальных наук, таких, как логика, математика, кибернетика, статистика, конкретная социология, история и др. В силу взаимопроникновения методов различных наук общенаучные методы являются межнаучными, или междисциплинарными.

Теоретической основой применения методов одной науки в других областях знания выступает единство материального мира и всех форм движения материи, наличие у исследуемых объектов сходства структуры (явление изоморфизма) и закономерностей развития. Так, понятия «система» и «системный подход» относятся к явлениям и объективного, и субъективного мира, поэтому они являются общенаучными. Аналогичны понятия количества, величины, числа, математической модели и т. п.

Процесс взаимопроникновения методов, знаний из одной специальной науки в другую имеет важное значение для синтеза научного знания, для усиления горизонтальной интеграции наук. Сближение, интеграция (как и дифференциация) наук происходили и происходят всегда. Но особенно бурно эти процессы развиваются в ходе научно-технической революции.

Общенаучные методы, зарождаясь в «точках соприкосновения», на «стыках» наук, ведут к взаимному обогащению методами смежных наук. Как правило, это приводит к существенным результатам; опыт показывает, что наиболее быстро развивающимися областями науки выступают пограничные ее области.

Общенаучные методы зарождаются преимущественно в отдельных науках и в дальнейшем распространяются на другие науки. Кроме общенаучных, имеются методы философии или пограничных с ней областей логики. К ним относятся такие методы, как абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, дедукция и индукция, системный подход, исторический и логический методы исследования. Данные методы являются непосредственной конкретизацией философских принципов взаимосвязи и развития, законов единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания,

категорий общего и частного, необходимости и случайности и др.[1]

Возникает вопрос: как отличить общенаучные методы, близкие по содержанию к философским, от собственно философских категорий? Главное отличие заключается в том, что последние универсальны, относятся к природе, обществу и мышлению, выполняют мировоззренческую и логико-гносеологическую функции. Они раскрывают наиболее существенные, содержательные свойства бытия и мышления, связанные прямо или косвенно с решением основного вопроса философии. Общенаучные методы менее универсальны, применяются главным образом в познавательной деятельности человека. Даже такой исключительно важный общенаучный метод, как восхождение от абстрактного к конкретному, относится лишь к области теоретического познания.

Если сравнить задачи, которые решает общенаучный метод политической экономии, с задачами, решаемыми философским уровнем, то первое, что следует здесь отметить,— философский уровень является теоретической основой общенаучного уровня. С помощью философских методов решаются принципиальные задачи теоретико-познавательного и диалектико-логического характера, а общенаучные методы выступают более конкретным исследовательским инструментарием политэкономии.

В познавательном процессе в целом философский уровень направлен преимущественно на содержательный анализ, а общенаучный тесно связан с формализацией и математизацией знания.

Общенаучный уровень метода политической экономии имеет свою структуру. Можно выделить, по крайней мере, две большие группы отдельных его элементов (методов): имеющие «философское» происхождение и зародившиеся в частных науках. Первая из этих групп может быть в свою очередь подразделена на методы, относящиеся к внешнему миру и к мышлению (например, системный подход), и методы, относящиеся только к мышлению (абстрагирование, индукция и дедукция). Хотя методы, входящие в последнюю подгруппу, не имеют прототипов в реальной действительности, в конечном счете они также вытекают из объективной природы познаваемых объектов.

Методы, заимствованные политической экономией из других наук, не должны переноситься в нее механически, а должны проходить методологическую адаптацию, приспособляться применительно к специфике производственных отношений. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» резко критиковал

[1] Общенаучные методы, заимствованные из частных наук, в конечном счете также определяются философскими категориями, однако связь их с такими категориями более опосредована.

А. Богданова за необоснованный перенос в экономические исследования естественнонаучных понятий и методов, «биологических и энергетических словечек». Нанизывание бессодержательных слов и понятий он характеризовал как «простое сочинение дефиниций». «На деле никакого *исследования* общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук,— писал он,— *нельзя* дать при помощи этих понятий»[1].

Разумеется, методологическую адаптацию можно осуществлять лишь на основе знания содержания той науки, из которой берутся соответствующие методы.

1. СРАВНЕНИЕ

Сравнение представляет собой действие, посредством которого устанавливается сходство и различие явлений природы, общества и мышления. Как и метод абстрагирования, сравнение выступает наиболее общим, универсальным логическим приемом, общенаучным методом.

Сравнение исключительно важно в познавательном процессе. Ничто в мире не может быть оценено само по себе, любое явление познается в сравнении. Чтобы познавать неизвестное, оценивать его, нужен критерий, которым выступает известное, ранее познанное. Оценка неизвестного через известное происходит при помощи сравнений. В частности, любой экономический показатель, взятый изолированно, без сравнения с другими показателями, мало что говорит; при сравнении же с другими показателями он становится выразительней. Без сравнения экономических показателей нельзя произвести самого элементарного анализа, самых простейших обобщений. Так, если известно, что в колхозах области в отчетном году было получено 500 тыс. т молока, то одна эта цифра еще не дает возможности сделать выводов о продуктивности животноводства в области. Для этого данную цифру нужно сравнить с планом и определить, насколько он выполнен, сравнить с производством прошлых лет и рассчитать динамику данного показателя, сравнить с поголовьем коров, установить средний годовой удой на корову и т. д.

К. Д. Ушинский писал, что «сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления»[2]. Этому приему он отводил важное место как первой образной логической операции, явившейся исходной в эволюции логических форм мышления. Первостепенное значение сравнениям придавали классики марксизма-ленинизма. Так, В. И. Ленин писал: «Чтобы понять, в чем собственно состоит „вопрос о рынках", лучше всего сравнить народническое и марксистское представление о процессе...»[3]

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 348.
[2] Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 7, с. 332.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 102.

Сравнения вплетаются в живую ткань всего процесса познания, начиная с самых элементарных актов осмысления ощущений и восприятий, проходя этап установления отдельных научных понятий, суждений, умозаключений, открытия законов и кончая построением всеобъемлющих теоретических систем. Особо важное значение сравнения имеют, несомненно, на стадии абстрактно-теоретического мышления, где они служат первой ступенькой проникновения в суть явлений. Так, на сравнении основывается распространенный и важнейший для исследования процесс измерения, поскольку многие изначальные экономические величины получаются в результате сопоставления определенных экономических явлений с какими-то стандартными единицами измерения (килограмм, метр и др.). Сравнения пронизывают и все другие методы и приемы исследования и познания экономической действительности. Насколько велико значение сравнений в познании, видно из того, что в ряде других наук существуют специальные дисциплины — сравнительная анатомия, сравнительное языкознание и др.

Объективная возможность сравнений обусловливается наличием реальных явлений, находящихся в определенных связях и отношениях. Посредством сравнений обнаруживаются все виды связей и реальных отношений явлений — равенство и неравенство, тождество и противоположность, причина и следствие и т. д. Однако ближайшей и непосредственной познавательной задачей сравнений выступает установление различий и сходства объектов, обнаружение их общих свойств и особенностей, что является предпосылкой и первым шагом к установлению всеобщего, образованию научного политэкономического понятия.

Значение сравнений в названном аспекте К. Маркс выразил в следующих словах: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: „Я есмь я", то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода „человек"»[1]. В другом месте К. Маркс писал: «*Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Между тем это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многократно расчлененное, выражающееся в различных определениях»[2]. В. И. Ленин отмечал, что из «сравнения может быть выведен действительно научный закон, известная закономерность и правильность»[3]. Таким образом,

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 62 (примечание).
[2] Там же, т. 12, с. 711.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 12

всеобщее, а следовательно, и научное понятие извлекается из явлений объективного мира путем сравнения, применяемого в совокупности с другими познавательными приемами.

Большое значение сравнения имеют в систематизации явлений и построении классификаций, производимых посредством установления сходства и различий предметов; в познании взаимосвязей и развития явлений, когда сравниваются различные состояния одного явления во времени или на различных стадиях развития либо разных явлений в пространстве; в изучении причинно-следственных связей, осуществляемом, в частности, традиционными средствами индуктивного исследования (выявление сходства, различия, остатков, сопутствующих изменений).

Сравнения различны по своему содержанию и форме. Среди них могут быть выделены качественные и количественные, относительные и разностные, во времени и в пространстве, по одному и нескольким признакам, частей с целым и т. д.

При проведении сравнений возникает много методологических вопросов. Это — вопросы о сравнимости имеющейся эмпирической или теоретической экономической информации, о выборе базы сравнения, о приведении несравнимых данных к сравнимому виду и др.[1]

Заметим, что хотя в принципе сравнения играют огромную роль в политэкономическом познании, тем не менее их познавательная функция сама по себе (если сравнения применяются в отрыве от других приемов) ограничена. Являясь наиболее общим логическим приемом, они устанавливают лишь поверхностные особенности явлений. Однако сравнения дают возможность сделать первые шаги в познании и, что особенно важно, создают условия для более глубокого проникновения во внутреннюю сущность явлений, реализуемые в последующем исследовании другими логическими приемами. Например, сходство, подмеченное посредством сравнения, может оказаться только внешним (скажем, сходство двух колхозов зернового направления, двух металлургических заводов). Но констатация сходства — первый шаг в познании экономических объектов. Чтобы продолжить и углубить познание объектов, необходимо применить другие, менее общие и вместе с тем более действенные логические категории, методы. Такими методами выступают прежде всего анализ и синтез.

2. АНАЛИЗ И СИНТЕЗ

Экономические явления воспринимаются человеком непосредственно как нечто целое, единое, без различения их отдельных частей и свойств. Общая картина, которую дает нам восприятие, недостаточна для познания объекта. Чтобы изучить,

[1] Подробнее о методологических проблемах сравнений см. Суслов И. П., Турава М. И. Методология статистических сравнений. М.: Статистика, 1980.

познать явление, надо его разложить, расчленить на составные части, выделить его отдельные признаки. Мысленное расчленение изучаемого явления на его составные части с целью их изучения называется анализом[1]. При этом анализ может быть содержательным, или диалектическим, и элементарным, или формальным. В настоящем разделе рассматривается первый из них за исключением отдельных случаев, которые оговорены особо.

Исследуемый объект имеет множество частей, элементов, свойств, изучить которые физически невозможно, да и ненужно. Среди многих частей или признаков одни имеют существенное, важное значение для познания предмета, другие менее важны, мало или совсем несущественны. В процессе анализа явления исходя из поставленной теоретической или практической задачи исследователь выделяет для детального изучения признаки, части, существенные в том или ином отношении, и те из несущественных, без знания которых трудно решить поставленную задачу.

Расчленение на части осуществляется не в любом порядке, а в объективно обусловленной последовательности, с учетом имеющихся связей. Среди выделенных частей исследователь отыскивает главную, наиболее существенную «порождающую основу», которая связывает воедино все части явления, в которой отражается его главное внутреннее противоречие, объективный закон. Посредством анализа исследование идет от единичного к всеобщему, от случайного — к необходимому, от непосредственно данного, эмпирически конкретного — к опосредованному, мысленно абстрактному.

Выделенные в процессе анализа части рассматриваются не сами по себе, не изолированно, а как элементы единого целого. Именно этим логический прием анализа отличается от логического приема абстрагирования, при котором существенное хотя и выделяется, но рассматривается вне связи с другими элементами как существенными, так и несущественными, в полном отвлечении от них.

Анализом является расчленение единого процесса производства прибавочной стоимости на производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости; разложение противоречия на различия, существенные различия и противоположности; расчленение системы понятий и законов на отдельные понятия и законы и т. д.

Диалектический анализ существенно отличается от элементарного. Последний представляет собой простое расчленение явлений на невзаимосвязанные, равноправные и «равнодушные» друг к другу части, понятия. Подобного рода «равнодушными»

[1] Об анализе можно говорить и как о физическом расчленении явления. Эта сторона вопроса здесь не рассматривается. Кроме того, понятие «анализ» иногда употребляется как синоним понятия «исследование».

понятиями часто пользуются буржуазные экономисты, говорящие о таких вечных понятиях, как труд, орудия труда («капитал»), прибыль и т. д. Особенностью вечных экономических понятий является то, что между ними невозможно установить какую-либо внутреннюю связь.

Анализ как логический прием в целом может выступать в различных формах. Весьма важно рассматривать явления в чистом виде, отвлекаясь от случайных, сопутствующих обстоятельств. Так, К. Маркс, исследуя стоимость, отвлекается от колебаний цен под влиянием спроса и предложения и исходит из того, что обмен товаров есть обмен эквивалентов; исследуя влияние на норму прибыли различных факторов, он отвлекается от действия всех остальных факторов, кроме интересующего. В. И. Ленин, рассматривая в реферате «По поводу так называемого вопроса о рынках» процесс превращения мелкотоварного хозяйства в капиталистическое, отвлекается от влияния количества населения, производительности труда и других факторов [1].

Исследователь, рассматривая явления в чистом виде, не поступает произвольно, а лишь следует за действительностью. Говоря о сведении цен к стоимости, К. Маркс писал, что «такое сведение отнюдь не является одним только научным, методологическим приемом. Постоянные колебания рыночных цен, их повышение и понижение, компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене, как своей внутренней норме»[2]. Прием рассмотрения явлений в чистом виде широко применяется при разработке статистических индексных показателей.

Анализ имеет большое значение в процессе экономического исследования, его широко использовали классики марксизма-ленинизма. Так, например, процесс воспроизводства К. Маркс аналитически расчленил на производство, распределение, обмен и потребление; товар — на стоимость и потребительную стоимость. В. И. Ленин в русской пореформенной экономике выделил отношения, складывавшиеся в крестьянских помещичьих хозяйствах, в торговом земледелии, в промышленности; установил пять основных признаков империализма, выделив в качестве определяющего образование монополий на базе концентрации и централизации капитала.

Результатом аналитического расчленения экономического целого на части являются группировки, широко применяемые в теории и на практике.

Анализ, открывая возможность изучить отдельные стороны объекта, разрушает его целостность, приводит к появлению отдельных абстракций, поэтому один он не может дать полной картины действительности. Мысленно расчленив явление на составные части, изучив эти части, получив отдельные абстракции, понятия, мы должны соединить их, восстановить единство явления, воссоздать целостную картину. Поэтому разложение целого на части и изучение этих частей (анализ) должны быть дополнены их противоположностью — синтезом. Синтез — это мысленное соединение частей явления, познание его как единого целого [1].

Как и анализ, синтез может быть диалектическим и формальным. Диалектический синтез означает соединение внутренне связанных частей, формальный синтез — это попытка соединить изолированные, «равнодушные» друг к другу части; такие попытки, несомненно, несостоятельны. Так, нельзя синтезировать научные и ненаучные взгляды по тому или иному вопросу; соединить можно лишь имеющие общую научную основу идеи. Синтезом является «снятие», разрешение противоположностей.

Значение синтеза в познании экономической действительности исключительно велико. В самом деле, цель познания заключается не только и даже не столько в том, чтобы расчленить экономические явления, получить информацию об отдельных частях и сторонах их, познать эти части и стороны, но главным образом в том, чтобы, исходя из результатов анализа, уметь объяснить явления как в целом, так и по частям, дать научную картину экономической действительности. Именно эту роль и выполняет синтез. К. Маркс писал: «Истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге» [2]. Синтез связывает воедино все результаты аналитической деятельности исследователя, показывает внутренние зависимости познанных частей явления.

Если в ходе анализа исследование идет от единичного, эмпирически конкретного к всеобщему, то в процессе синтеза оно развертывается от всеобщего к теоретически познанному, структурно расчлененному конкретному. В результате синтеза познаваемое явление предстает как единое целое, объясненное из его «порождающей основы», внутреннего закона. Так, в первых шести главах «Империализма, как высшей стадии капитализма» В. И. Ленин вычленяет отдельные стороны империализма и его главную сторону — монополию. В начале главы VII он указывает на необходимость «подвести известные итоги, свести вместе сказанное выше об империализме» [3]. В результате синтетического подведения итогов дается краткое определение империализма как монополистической стадии капитализма, монополии связываются с империалистической политикой, реакцией по решающим направлениям развития буржуазного общества.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 67—122.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 177 (примечание).

[1] В отношении синтеза нужно сделать замечание, подобное сделанному по поводу анализа: он может быть не только мысленным, но и физическим соединением частей в целое.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 7—8.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.

Познавая действительность, политэконом постоянно анализирует и синтезирует ее. Вначале он собирает факты о различных сторонах предмета, выявляет их сущность и тем самым осуществляет логический процесс анализа; затем устанавливает связь между фактами, приводит их в систему, т. е. синтезирует. Не чем иным, как анализом, является рассмотрение общих экономических показателей промышленного объединения министерства в разбивке по предприятиям, показателей предприятия по цехам, характеристика деятельности предприятия по отдельным признакам. Подведение итогов показателей работы цехов, предприятий промышленных объединений, министерств является синтезом. Синтез — это объединение однородных явлений в определенные социальные или экономические типы, формулирование выводов как результата анализа экономических данных по тому или иному вопросу.

Анализ и синтез составляют единство противоположностей, две стороны единого познавательного процесса, поэтому недопустим их разрыв. О неразрывности анализа и синтеза Ф. Энгельс писал, что «мышление состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в некоторое единство. Без анализа нет синтеза»[1]. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» пишет, что одним из элементов диалектики является «соединение анализа и синтеза,— разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе»[2]. Органическое единство анализа и синтеза проявляется в системном подходе. Системы расчленяются и состоят из относительно самостоятельных подсистем (анализ), в то же время последние объединяются общей целью и действующими общими закономерностями в целостную систему (синтез).

В принципе любой познавательный акт представляет собой одновременно и анализ, и синтез. Например, вывод из стоимости денег, т. е. переход от более абстрактной категории к менее абстрактной, представляет собой не только синтез, но и анализ, так как при этом исследователь привлекает эмпирические данные о товарных отношениях, показывающих формирование денег и научного понятия о них. Однако анализ и синтез как внутренне неразрывные противоположности, присущие каждому познавательному действию, могут быть представлены и исследованы раздельно[3]. Применительно к исследованию можно говорить об отдельных этапах и периодах аналитической и синтетической работы. Скажем, исследование крупной экономической проблемы осуществляется по частям в отдельных подразделениях научного института или даже в разных институтах. Результаты такой аналитической работы затем синтезируются. На каждом этапе исследования может выдвигаться на первый план или анализ, или синтез. Анализ готовит «работу» для синтеза, синтез помогает анализу глубже проникнуть в сущность явлений. Весь процесс экономического исследования можно условно изобразить в виде цепи, где за звеном анализа следует звено синтеза, затем — более сложный анализ и синтез и т. д.

В историческом ходе познания аналитические и синтетические методы могут попеременно доминировать, даже разрываться во времени. Ученые древности в своих первоначальных построениях пытались объять всю действительность сразу. Естественно, что это вызывало большие трудности, в силу чего наука тогда развивалась необычайно медленно. Лишь после того как для исследования стали выделяться отдельные области, стороны действительности, когда начали внедряться аналитические методы познания, прогресс науки ускорился. В истории науки анализ предшествует синтезу. Однако в некоторые периоды познание, не располагая достаточным аналитическим материалом, в порядке предвидения создавало синтетические теории. В этих случаях синтез опережает анализ. Синтез предшествует анализу при использовании гипотез.

Односторонний аналитизм, под знаком которого развивалась домарксистская общественная наука в последние столетия, раздробляя мир на куски, не дает возможности понять, обозреть его в целом. Марксизм-ленинизм осуществил синтез общественно-экономических отношений. Сейчас во всех общественных науках, в том числе и в политической экономии, ощущается потребность в дальнейших синтетических обобщениях.

3. ИНДУКЦИЯ И ДЕДУКЦИЯ

Важную роль в политэкономическом исследовании играют такие общенаучные методы, как индукция и дедукция, индуктивное и дедуктивное умозаключения.

Индукция — движение мысли от единичного к всеобщему, от знания меньшей степени общности к знанию большей степени общности. Дедукция — движение мысли от всеобщего к единичному, от знания большей степени общности к знанию меньшей степени общности.

Положим, область состоит из 10 районов. Известно, что каждый район выполнил план посева зерновых. Исходя из такого знания о каждом районе следует сделать индуктивный вывод о выполнении плана посева зерновых областью в целом. История демографии свидетельствует, что длительное время существовало убеждение, что рождается больше де-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 41.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

[3] Такой «разрыв» противоположностей в мышлении широко распространен. Скажем, выше раздельно рассматривались внутренне неразрывные парные категории материалистической диалектики (явление и сущность, количество и качество, единичное и всеобщее и т. п.). Внутренне неразрывные стороны товара — стоимость и потребительная стоимость — не только расщепляются в мышлении, но и приобретают самостоятельное значение, функционируя в виде денег и товаров.

вочек, чем мальчиков. В XIII в. во Флоренции по данным о крещении было установлено уже правильное соотношение. Это соотношение было вновь открыто четыре века спустя для Лондона Дж. Граунтом, который еще не был уверен, что оно является общим. Через полтора столетия И. Зюссмильх подтвердил расчеты Граунта на материале нескольких стран. И только в конце XIX — начале XX в. окончательно утвердился полученный индуктивным путем всеобщий показатель соотношения численности девочек и мальчиков[1].

Приведем примеры дедуктивных умозаключений. Если известно, что все районы области приняли встречные обязательства по производству молока, а интересующий исследователя район входит в эту область, то можно сделать дедуктивное умозаключение, что этот район также принял соответствующие встречные обязательства. Зная, что в социалистическом обществе действует принцип распределения по труду, мы вправе ожидать, что в любой из отраслей система оплаты труда основывается на данном принципе. Такое ожидание зиждется на дедуктивном умозаключении.

Когда явления немногочисленны, индукция может осуществляться непосредственно. В случае исследования больших совокупностей явлений необходимо использовать статистические методы обобщения, т. е. статистическую индукцию.

Как видно из определений индукции и дедукции, теоретической основой их возникновения и существования является диалектическая связь единичного, особенного и всеобщего.

Индукция и дедукция могут быть формальными и диалектическими. Индукция формальна тогда, когда она обобщает лишь внешние тождественные черты, осуществляет формально-логический переход от индивида к виду или от вида к роду; при помощи формальной индукции нельзя познать внутреннюю необходимость, «порождающую основу» предмета, а можно прийти только к формально-общему. Индукция является диалектической, если мысль поднимается от единичного к особенному, а от него — к всеобщему, от знания низшего уровня к знанию высшего уровня. Так, путем формальной индукции нельзя перейти от фактических уровней прибыли, процента, земельной ренты к понятию прибавочной стоимости; здесь нужна диалектическая индукция. Аналогичным образом обстоит дело и с дедукцией. Путем формальной дедукции может быть выведен вид из рода или индивид из вида; путем диалектической дедукции выводится единичное и особенное из всеобщего. Формы прибавочной стоимости (прибыль, процент, рента) могут быть выведены из прибавочной стоимости только посредством диалектической дедукции. Невозможен перенос всеобщего (обмен по стоимости) на отдельные товары, поскольку обмен их на рынке совершается, как правило, не по стоимости. Здесь возможна также лишь диалектическая дедукция. Отличие формальных и диалектических индукций и дедукций состоит в том, что первые статичны, а вторые отражают изменение и развитие экономических процессов.

[1] Джини К. Логика в статистике. Пер. с англ. М.: Статистика, 1973, с. 89.

Диалектическое дедуцирование единичного и особенного из всеобщего, как правило, проходит ряд промежуточных ступеней. Д. Рикардо пытался дедуцировать из стоимости цену производства непосредственно. Разумеется, эта попытка не увенчалась успехом, ибо между стоимостью и ценой производства стоит ряд промежуточных звеньев, которые Д. Рикардо игнорировал.

Индукция и дедукция дают разные по своему познавательному значению выводы. Если в основу дедуктивного вывода положены правильные посылки, дедукция дает правильные выводы. Выводы же индукции (преимущественно формальной) часто оказываются верными лишь с определенной степенью вероятности. Дело в том, что формальную индукцию подразделяют на полную и неполную. Полная индукция строится на исчерпывающих посылках (в области десять районов, по каждому из них имеются данные, положенные в основу обобщения). Выводы по неполной индукции основываются не на исчерпывающем, а на частичном материале (в области десять районов, данные имеются только по пяти, но выводы по ним делаются обо всех районах). Очевидно, что надежность выводов по неполной индукции зависит от того, насколько репрезентативны данные, выбранные в качестве посылок. В определенной степени проблематична и полная формальная индукция, поскольку подлинно научное обобщение всегда содержит нечто большее, чем имеется в формально общем, получаемом в результате такой индукции. Оценкой индуктивных выводов занимается вероятностная логика.

Рассматриваемые общенаучные методы имеют важное значение в познавательном процессе, индуктивные и дедуктивные выводы политэконом делает постоянно, на каждом этапе исследования. На индукции и дедукции основаны соответственно исторический и логический методы исследования. Индуктивным выступает метод восхождения от конкретного к абстрактному, дедуктивным — метод восхождения от абстрактного к конкретному. Индуктивным является в известной мере весь процесс познания в целом, дедуктивным — использование полученных ранее научных абстракций, без которых исследователь не может связать наблюдаемых конкретных фактов и сделать из них выводы. Индукция означает обращение к реальным фактам, а дедукция в свою очередь освобождает исследователя от необходимости бесконечного изучения родственных фактов, позволяет применить к ним ранее сделанные теоретические выводы.

Индукцию и дедукцию широко применяли классики марксизма-ленинизма. На основе индуктивного обобщения гигантского фактического материала построен «Капитал», и в то же время

это гениальное произведение пронизано дедукцией, поскольку К. Маркс свое исследование и изложение строит по методу восхождения от абстрактного к конкретному. Мастерски использует индукцию и дедукцию В. И. Ленин. Во второй главе работы «Развитие капитализма в России» он рассмотрел статистические данные, характеризующие пореформенное крестьянское хозяйство, в конце главы сделал индуктивный вывод о совершающемся процессе разложения крестьянства[1]. Выводы о бурном внедрении капиталистических отношений, приведенные в «Развитии капитализма в России», а также о перерастании капитализма в империализм, приведенные в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», осуществлены В. И. Лениным на основе индуктивного обобщения огромного количества фактов. С другой стороны, эти выводы можно считать и дедуктивными, так как, скажем, главам работы «Развитие капитализма в России», в которых рассмотрены фактические данные, предпослана первая глава, трактующая общие теоретические положения политической экономии, из которых (мы можем сказать) «выведены», дедуцированы производственные отношения, свойственные тому периоду. В. И. Ленин писал: «Понять значение работы на скупщика нельзя, не поставив ее в связь со всем строем промышленности в данный период или на данной стадии развития капитализма»[2]. В данном случае «строй промышленности» — всеобщее, работа на скупщика — единичное; единичное надо вывести из общего. Индукция и дедукция находятся в единстве, взаимосвязи и взаимопроникновении, они — неразрывные внутренние противоположности процесса мышления. Поэтому подлинно научное познание возможно лишь при совместном их применении. Любое экономическое исследование производится на основе предположения о наличи в мире объективной связи и закономерности. «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними,— отмечал В. И. Ленин,— *уже* включают в себе представление, убеждение, *сознание* закономерности объективной связи мира»[3]. Такое предположение и представление означают, что вывод при любом исследовании является дедуктивным, идущим от общего к частному. С другой стороны, принципиально любое новое экономическое знание получается в результате переработки и обобщения экономических фактов, относящихся к единичному. Это означает, что в конечном счете вывод при любом исследовании экономики является индуктивным, идущим от частного к общему.

Единство индукции и дедукции хорошо видно на примере исследования К. Марксом стоимости. На первом этапе он осуществляет индуктивный переход от форм проявления стоимости к категории стоимости, на втором этапе выводит из стоимости

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 61—180.
[2] Там же, с. 551 (примечание).
[3] Там же, т. 29, с. 160.

различные формы ее проявления. «Мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости,— писал К. Маркс.— Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости»[1].

Индукция, не опирающаяся на общую теорию, может лишь упорядочить, но не в состоянии осмыслить факты. Дедукция, не опирающаяся на фактический материал, имеет схоластический характер.

В каждом конкретном акте политэкономического исследования индукция и дедукция органически переплетаются друг с другом, процесс исследования в такой же степени идет от единичного ко всеобщему, как и от всеобщего к единичному. Устанавливая уровень производительности общественного труда по стране за определенный период времени, исследователь исходит из имеющегося фактического материала (идет от единичного к всеобщему) и теории политической экономии, установившей понятие производительности общественного труда (идет от всеобщего к единичному). Индукция подготовляет дедукцию, дедукция расширяет поле деятельности для дальнейшего индуктивного изучения явления. Переход от индукции к дедукции и от нее к проверке на фактах (к индукции) совершается непрерывно. Этапы индукции и дедукции, следуя друг за другом, образуют единую цепь, ведущую ко все более и более глубокому познанию экономической действительности.

Хотя индукция и дедукция внутренне неразрывны, в познавательном процессе они (в определенных пределах и при условии, когда не упускается из виду их связь) могут рассматриваться раздельно. В истории науки известны длительные периоды, когда познание односторонне развивалось то под знаком индукции, то под знаком дедукции. На начальных стадиях развития науки преобладала индукция, значение которой для естественнонаучного наблюдения эксперимента отмечал Ф. Бэкон. Долгое время индукция признавалась единственным научным методом, заслуживающим внимания ученых. Когда наука выработала исходные теоретические понятия и создала системы этих понятий, права гражданства завоевал и дедуктивный метод исследования. Р. Декартом и его последователями этот метод был провозглашен единственно научным методом. Только в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса была преодолена односторонность так называемых всеиндуктивизма и вседедуктивизма, показано органическое единство индукции и дедукции. Ф. Энгельс писал: «Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 56—57.

виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга»[1].

В современных условиях в политической экономии социализма необходимо совершенствование как индуктивного, так и дедуктивного метода, применение их в комплексе с другими философскими и общенаучными методами. Наиболее сложным является дедуктивный метод, т. е. переход от всеобщих абстракций к практике, осуществляемый через промежуточные звенья. В политэкономии социализма разработаны общие теоретические положения, однако переход от них к конкретным выводам через промежуточные звенья, которые не очевидны и отыскание которых затруднено, нуждается в значительном улучшении.

4. АНАЛОГИЯ

Аналогия — это перенос свойства (совокупности свойств) одного явления на другое. Для переноса с явления на явление определенных свойств или признаков нужно, чтобы они, кроме переносимых, обладали другими сходными признаками. Если два предприятия имеют сходные признаки (наличие однотипного сырья) и если по поводу одного из них известно, что оно выпускает определенные готовые изделия, то по аналогии можно заключить, что и другое предприятие выпускает изделия того же типа.

Схематически вывод (или умозаключение) по аналогии может быть представлен так. Если явления *А* и *Б* имеют общие свойства и если известно, что явление *А*, кроме того, обладает свойством *с*, то можно сделать вывод, что явление *Б* тоже обладает свойством *с*.

Объективным основанием для выводов по аналогии служат имеющиеся в реальной действительности необходимые связи и отношения между признаками явлений.

Умозаключения по аналогии не достоверны, а лишь в той или иной степени вероятны. При этом степень вероятности тем выше, чем больше охвачено сходных признаков и чем существеннее эти признаки у сравниваемых объектов. Так, если бы по поводу предприятий в нашем примере было известно, что на них трудятся рабочие с одинаковыми профессиями, то сделанный выше вывод по аналогии был бы более вероятен. Если сходные признаки в сравниваемых явлениях случайны, аналогия может оказаться ложной.

Аналогия применяется на начальных этапах исследования, в процессе выдвижения предположений, догадок. Выдвигая предположение, исследователь использует весь накопленный багаж знаний, напрягает творческое научное воображение, ищет сходства исследуемого явления с известными подобными явлениями. При этом подобные объекты, выбранные для сравнения,

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 542—543.

могут быть взяты из других, иногда отдаленных областей знания.

Учитывая чрезвычайную сложность общественных явлений, выводы по аналогии следует применять с особой осторожностью. Эти выводы должны подтверждаться результатами, полученными посредством других методов, и тщательно проверяться на практике.

Умозаключения по аналогии наиболее тесно связаны с индуктивными умозаключениями, с логической категорией сравнения, а также известным математическим приемом экстраполяции. В определенном смысле аналогию можно рассматривать как частный случай индукции (когда исследованию подвергается единичный случай связи) и разновидность сравнения, поскольку она направлена на изучение сходства и различия явлений.

Аналогия имеет несомненную ценность в познании, особенно для открытий. Д. Пойа, говоря об открытиях в математике, писал, что «аналогия, по-видимому, имеет долю во всех открытиях, но в некоторых она имеет львиную долю»[1]. Выводы по аналогии важны тем, что они подводят к весьма обоснованным догадкам относительно непознанных еще явлений, к предвидению явлений, указывает путь для глубокого их исследования. В. И. Ленин называл аналогию догадкой, научным предвидением[2].

Применение аналогии в политической экономии имеет довольно большую историю. Ф. Кенэ, автор знаменитой «Экономической таблицы», указывал, что его «Таблица» навеяна представлениями о кровообращении в человеческом организме. Аналогией относительного выражения и измерения стоимости товаров в золоте Ф. Энгельс считал использование физиками закона Бойля, а химиками — атомного веса водорода для измерения физических и химических величин[3]. В политэкономии давно и широко используется идея равновесия, заимствованная из механики[4]. В экономической науке применяются аналогии с термодинамическими процессами (понятие энтропии и негэнтропии). В экономико-математическом направлении находит применение идея «потоков» и «резервуаров» и т. д.

Большую роль аналогия сыграла в формировании идей кибернетики, которые зародились именно на основе аналогий между системами различной физической природы, в частности между механической конструкцией и живым организмом, между

[1] Пойа Д. Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1957, с. 36.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 320.
[4] Буржуазные политэкономы идею равновесия возводят в ранг основополагающих теорий развития капиталистического производства. Марксизм равновесие в капиталистическом хозяйстве в соответствии с его действительной ролью рассматривает как некое начальное состояние, которое в дальнейшем подвергается различным изменениям.

мозгом и ЭВМ (механизм рассматривается как аналог, модель живого организма). Небезынтересно отметить, что об аналогии «между процессами мышления и процессами природы и истории» Ф. Энгельс писал в «Диалектике природы» еще сто лет назад [1].

Особенно в широких масштабах исследователю приходится привлекать аналогию при формировании новых теоретических систем. В такой ситуации политэконом вынужден исходить из уже известных теоретических позиций и сложившегося методологического аппарата [2]. Предсказывая черты будущего коммунистического общества, ученые часто делают теоретические выводы по аналогии с первой фазой коммунизма. Аналогия применяется в текущих экономических исследованиях. На основе аналогии исследователи осуществляют первые прикидки, теоретически осмысливая вновь возникающие процессы. Однако во всех случаях выводы по аналогии не могут служить доказательством. Они имеют лишь предположительное значение, в частности помогают выдвинуть гипотезу.

5. ГИПОТЕЗА

Гипотеза — это научно обоснованное предположение о возможных связях, отношениях, причинах явлений.

Смелой научной гипотезой вначале было предложенное К. Марксом материалистическое истолкование истории, о которой В. И. Ленин писал: «Разумеется, *пока* эта была еще только гипотеза, но такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам»[3].

Всякое научное исследование проводится не наугад, а целесообразно, по плану. Если содержание изучаемого явления неизвестно, причины его неясны, а факторов для их объяснения нет или очень мало, исследователь в планировании и организации намечаемой работы вынужден ограничиться догадкой. Как иногда говорят, между загадкой и разгадкой лежит догадка, которую можно охарактеризовать как априорное предположение. Но это еще не научная гипотеза, а лишь ступень к ней. Она не может быть подвергнута проверке на истинность.

Гипотеза строится на базе достоверных фактов, которых достаточно для теоретического предположения, но мало для создания полноценной теории. Поэтому вывод о предполагаемых гипотетических связях, причинах не достоверен, а только вероятен, он нуждается в дальнейших доказательствах, практических подтверждениях. Однако подлинно научная гипотеза объясняет имеющиеся факты [1].

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 581.

[2] В первые годы становления политической экономии социализма ученые нередко применяли особый тип умозаключения — «аналогию наоборот»: если в капиталистическом хозяйстве действует закон стоимости, то в социалистическом хозяйстве он не действует, если при капитализме есть прибыль, то при социализме ее нет и т. д. Этот упрощенный подход к анализу действительности вскоре был преодолен.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136.

Гипотеза вызывается к жизни тогда, когда обнаруживаются факты, необъяснимые с точки зрения существующей теории, когда возникает противоречие между новыми фактами и старой теорией. Средством разрешения такого рода противоречий она и служит.

Но гипотеза появляется не только в итоге какого-то наблюдения, обнаружившего принципиально новые факты. Она может выдвигаться перед началом исследования, в ходе его и в конце, может служить исходным пунктом и результатом исследования. В непрерывной и бесконечной цепи больших и малых этапов исследования вообще трудно определить, где его начало, а где конец, ибо завершение одного этапа выступает началом другого.

В ходе исследования используются различные гипотезы. Последовательно сменяющие друг друга гипотезы представляют собой ступеньки своеобразной лестницы, ведущей познание к открытию законов и формированию теоретических систем. Для решения исследовательской задачи иногда выдвигается не одна, а несколько гипотез, которые затем проверяются.

О необходимости применения гипотез в процессе познания природы Ф. Энгельс писал: «Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в *чистом виде* для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»[2]. Говоря о естествознании Ф. Энгельс заметил, что все окончательные истины в нем окружены «густым лесом гипотез» [3].

Строго научная гипотеза должна отвечать следующим требованиям:

строиться на достоверном фактическом материале, в строгом соответствии с теорией и методологией. Методологический арсенал построения гипотезы, помимо общих теоретико-философских оснований, включает сравнения, индукцию и дедукцию, аналогию;

[1] Отсюда видно, что утверждения, выдвигаемые исследователями, могут иметь характер априорного предположения, научной гипотезы, доказанной теории. (Подробнее см.: Вальтух К. К. Обоснование планов и процедуры развития экономической теории.— ЭКО, 1979, № 3, с. 33—48).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 555.

[3] Там же, с. 89.

быть принципиально проверяемой. Проверка обычно сводится к выведению из предполагаемых причин одного или нескольких следствий и сопоставлению этих следствий с действительностью. Если гипотетические следствия согласуются с опытом, гипотеза считается проверенной, научной; если не согласуются — она отбрасывается. Гипотеза ставится под сомнение, если сама она или какое-нибудь ее следствие вступает в противоречие хотя бы с одним единственным фактом. Формой проверки гипотез служат научные дискуссии, в которых точки зрения оппонентов могут считаться гипотезами;

обладать предсказательной силой, т. е. быть приложимой к более широкому кругу фактов, явлений, чем круг явлений, на котором она основана. В этом заключается ее эвристическое значение;

быть логически простой, в ней недопустимы произвольные и искусственные построения, не вытекающие из теоретико-методологических принципов науки. Гипотеза должна быть во всем похожей на теорию, кроме неокончательной ее доказанности.

Среди научных гипотез выделяют так называемые рабочие гипотезы, которые не претендуют на строгую научность и длительное существование, а принимаются лишь для данного исследования; такие гипотезы подтверждаются или отбрасываются в процессе или с окончанием конкретного исследования.

Последнее время в экономической науке нередко применяются модельные гипотезы, выступающие в виде экономико-математических моделей. Посредством их производятся расчетные эксперименты — «проигрываются» на ЭВМ варианты решения определенных задач, оценивается поведение экономической системы в зависимости от ее различных гипотетических исходных состояний. Характерной чертой подобного рода гипотез является то, что их выводы должны проходить двойную проверку — с точки зрения соответствия модели и с точки зрения соответствия моделируемому объекту.

Назовем еще одну разновидность научных гипотез — статистические гипотезы. Известно, что многие умозаключения статистики гипотетичны. Математическая статистика разработала специальный аппарат оценки статистических гипотез. Принципиальная особенность этих гипотез состоит в том, что они выступают в виде так называемых нулевых гипотез. Суть нулевой гипотезы сводится к априорному признанию того, что расхождение между теми или иными эмпирическими фактами и теоретическими их характеристиками случайно. Если в последующем анализе нулевая гипотеза отвергается, расхождение признается существенным, если не отвергается — расхождение несущественно, случайно.

С открытием фактов, ранее науке неизвестных, но существование которых предполагалось как следствие из гипотезы, с массовым подтверждением гипотетических выводов на практике научная гипотеза превращается в доказанную теорию.

Гипотеза имеет большое значение в познании экономики. Д. И. Менделеев говорил, что гипотезы облегчают научную работу, так же как плуг земледельца облегчает выращивание полезных растений. Гипотезу строит любой экономист, приступая к организации того или иного исследования, в частности намечая план сбора фактических материалов для будущих обобщений. Гипотеза снабжает политэконома идеями, которые помогают ему быстрее и эффективнее продвигаться вперед в познании экономических закономерностей и законов, не ожидая, когда они станут более ясными. В гипотезе заложена определенная потенциальная энергия для саморазвития политэкономического знания, поскольку вероятное предположение гипотезы как бы забегает вперед, увлекая исследователя на поиски новых фактов для подтверждения гипотетических выводов. Даже когда гипотеза опровергнута, она имеет позитивное значение — указывает путь, по которому идти не следует.

Гипотезы играют существенную роль на любом этапе развития науки, но особенно важны они в период становления науки, в частности в период формирования политической экономии социализма. Процесс становления этого нового раздела политической экономии представляет собой непрерывное выдвижение, разработку, проверку гипотез. Видимо, большинство сложившихся научных положений политической экономии социализма проходило этап гипотез. Например, законы и понятия политической экономии социализма сначала были сформулированы в виде различных гипотез, затем прошли через горнило жарких дискуссий. До сих пор выдвигаются, защищаются, опровергаются гипотезы по вопросам о критериях и показателях экономической и социально-экономической эффективности социалистического производства, об исходной экономической категории социализма, структуре курса политической экономии социализма. И это вполне закономерно. Пока существует и развивается политическая экономия, будут выдвигаться, защищаться и опровергаться все новые и новые гипотезы.

Гипотезы широко используют буржуазные экономисты. Однако их гипотезы, как правило, имеют идеалистический и метафизический характер, так как они оторваны от опыта, являются порождением суждения, воображения. Буржуазные ученые хотели бы представить «рабочей гипотезой» все социальное значение.

6. МЕТОД ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ. МЕТОД ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ КОНКРЕТНОГО К АБСТРАКТНОМУ

Понятия «конкретное» и «абстрактное» неоднозначны. Иногда они употребляются (особенно в формальной логике) для обозначения соотношения объективной действительности и ее мысленного отображения. В этом случае конкретное, т. е. объ-

ективная действительность, является первичным, абстрактное (мысленное отражение) — вторичным, а движение от конкретного к абстрактному предстает как процесс познания.

В литературе данные понятия трактуются шире, их относят и к объективному, и к субъективному. Конкретное прежде всего выступает как чувственно-конкретное — совокупность реально существующих нерасчлененных явлений и процессов, взятых в их многообразии и разносторонности, выступающих непосредственно. В нем, как в живом целом, переплелись, срослись (латинский термин «concretus» — сросшиеся) сущность и явление, форма и содержание, необходимое и случайное и т. д. Конкретное в мышлении — это уже познанное и объясненное конкретное, выступающее в виде теоретической системы понятий, категорий, законов. Мысленно конкретное беднее подробностями, но богаче чувственно-конкретного по раскрытию сущности и содержания. Абстрактное в действительности — это неполная, неразвитая, отдельная сторона или часть чувственно-конкретного, абстрактное в мышлении — отражение в форме научного понятия абстрактного в действительности. Конкретное и абстрактное, как и любые парные диалектические категории, едины и противоположны, переходят друг в друга. Например, производственные отношения абстрактны, если их рассматривать как часть всех общественных отношений, но они конкретны, если их характеризовать как целостную систему, выступающую предметом политической экономии.

Задача познания экономики не только и даже не столько состоит в том, чтобы сформулировать на основе анализа реальных фактов отдельные понятия и категории, открыть законы действительности, сколько в том, чтобы объяснить посредством их окружающий нас экономический мир, воспроизвести на основании его законов экономическую действительность во всей ее конкретности. «Значение *общего*,— писал В. И. Ленин, — противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*...»[1] Первая часть познавательной задачи представляет собой переход от чувственно-конкретного к абстрактному, вторая часть — переход от абстрактного к мысленно-конкретному. Лишь решение этой двуединой задачи познания открывает кратчайший путь для связи экономической теории с практикой и возможность воздействия на действительность.

Обратимся сначала к переходу от абстрактного к мысленно-конкретному, имеющему особо важное значение в теоретическом познании экономики.

Конечной целью метода восхождения от абстрактного к конкретному в экономической науке является воссоздание в теоретически последовательной форме целостной картины действительности, развертывание идеальной модели реального экономического организма. Исходным пунктом восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному выступает такое абстрактное, которое в зародыше содержит все противоречия изучаемого процесса[1], является тем семенем, из которого вырастает дерево науки.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 252.

В ходе восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному происходит последовательное развертывание и разрешение внутренних противоречий экономической системы. Образование экономических понятий идет от наиболее общих абстракций к абстракциям все более и более конкретным, шаг за шагом раскрывающим богатое многообразие действительности. Причем восхождение от абстрактного к мысленно-конкретному не есть простое соединение или механическая увязка ранее полученных экономических абстракций в новые абстракции, а представляет собой способ последовательной самостоятельной выработки новых абстракций на основе и с использованием более общих абстракций и соответствующего экономического фактического материала. Чувственно-конкретные данные находятся на вооружении и используются ученым и в начале и в течение всего процесса исследования.

Восхождение от абстрактного к конкретному выступает как выведение того, что лежит на поверхности явления, из того, что составляет его основу, как выведение производного из определяющего. Иначе говоря, здесь мысль движется от более глубокой экономической сущности к менее глубокой, от сущности — к явлению. Метод восхождения от абстрактного к конкретному дает возможность из сущности объяснить форму ее проявления, что выступает важнейшим показателем зрелости и завершенности науки и познания предмета.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному глубоко историчен, в нем отражается логика исторического возникновения и формирования развернутой системы политэкономических понятий. Поскольку рассматриваемое восхождение протекает на теоретической ступени познания, непосредственно оно имеет субъективную форму, часто не совпадает с объективным историческим процессом возникновения понятий (например, понятия земельной ренты и торговой прибыли сформировались раньше, чем понятия промышленной прибыли). Однако в целом этот метод имеет глубокую объективную основу.

Хотя метод восхождения от абстрактного к конкретному историчен, но главная его особенность заключается в том, что он выступает ярко выраженной формой системного, логического подхода в политэкономическом исследовании.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному теснейшим образом связан с принципами и категориями диалектической логики, общенаучными методами, но особенно с синтезом

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

и дедукцией, с логическим методом исследования, в нем наиболее полно воплощен диалектический метод.

При формировании новых понятий всегда приходится использовать какие-то исходные, ранее установленные понятия, категории данной науки. Отсюда видно исключительное значение рассматриваемого метода в процессе образования политэкономических понятий. Только применение метода восхождения от абстрактного к конкретному дает возможность увязать старые категории с новыми, воспроизвести реальный мир экономики как продукт саморазвития, понять его исторически, в развитии от простого к сложному, от низшего к высшему; только посредством этого метода может быть осуществлен синтез понятий и законов политической экономии в стройную и субординированную теоретическую систему.

Важнейшее значение метода восхождения от абстрактного к конкретному состоит в том, что в процессе формирования теоретической системы раскрывается наиболее глубокая сущность экономической действительности.

К. Маркс первым из экономистов показал основополагающее значение этого метода для научного политэкономического исследования и широко использовал его в своих работах. Исследование в «Капитале» он начинает с исходной категории — товара. В результате тщательного и глубокого анализа последовательно рассматриваются другие, более сложные категории. Метод восхождения от абстрактного к конкретному нашел воплощение и в общей структуре «Капитала»: I том посвящен самым глубоким абстракциям процесса производства, II том — более конкретным категориям процесса обращения, в III томе исследование подымается к поверхности явлений, доходя в седьмом отделе до обобщающей картины капиталистического производства в целом. По поводу последовательности рассмотрения категорий политической экономии применительно к норме прибыли и норме прибавочной стоимости К. Маркс замечал, что «легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ni l'un, ni l'autre (ни того, ни другого)» [1].

Метод восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному применен В. И. Лениным в «Империализме, как высшей стадии капитализма». Исследование новой эпохи он начинает с понятия монополии, образующейся в результате гигантской концентрации производства, далее определяет понятие финансового капитала, которое зиждется на понятии монополии. В своем развитии финансовый капитал быстро перерастает национальные рамки, существенное значение приобретает вывоз капитала (это понятие сформулировано В. И. Лениным). На базе предыдущих понятий, и особенно понятия «вывоз капитала», вырабатывается понятие экономического раздела мира, а в завершение — понятие территориального раздела мира. Понятия империализма вырабатываются В. И. Лениным на базе общих понятий капитализма (стоимость, прибавочная стоимость, капитал, средняя норма прибыли и т. д.).

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 227 (примечание).

Буржуазные экономисты метод восхождения от абстрактного к конкретному используют в своих исследованиях непоследовательно или совсем не используют. Это является, как и недостаточная глубина или отсутствие научных абстракций, крупным методологическим пороком их исследований. Классики буржуазной политической экономии А. Смит и Д. Рикардо, а впоследствии буржуазные вульгарные экономисты смешивали абстрактные и конкретные отношения, механически связывая отдельные абстракции друг с другом. Хотя А. Смит и Д. Рикардо строили свои экономические системы путем восхождения от простейших абстракций к более сложным и конкретным, но действительного отношения между абстрактным и конкретным они так и не поняли; они пытались перейти от стоимости непосредственно к прибыли, минуя необходимые промежуточные звенья. Неразличение буржуазными экономистами поверхностных и глубинных понятий, игнорирование промежуточных звеньев при переходе от теории к эмпирическим явлениям выступают причинами эмпиризма буржуазной экономической науки.

Вопрос о методе восхождения от абстрактного к конкретному и связанный с ним вопрос об исходной простейшей категории (так называемой «экономической клеточке») имеют большое значение для политической экономии социализма. Эти вопросы обсуждаются советскими экономистами в связи с рассмотрением проблемы выработки логики курса политической экономии социализма.

Рассматривая вопрос о научном изложении системы категорий политической экономии социализма, некоторые экономисты высказываются против следования логике «Капитала», в котором метод восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному выражен в классической форме, считая, что социализму свойственна своя внутренняя логика, принципиально отличающаяся от логики развития капитализма. Представляется, что логическая схема «Капитала» К. Маркса является не только применимой, но и необходимой при построении схемы курса политической экономии социализма. Следование логике «Капитала» отнюдь не означает копирования специфической системы экономических категорий капитализма, а предполагает лишь следование важнейшему диалектическому принципу, на котором построен «Капитал», — развертыванию ложных категорий из простых. Следование от простых категорий к сложным—обычный путь усвоения и изложения экономических категорий, оно представляет собой не что иное, как метод восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному. В условиях социализма нельзя понять денег, если не раскрыта природа

товара, нельзя понять финансово-кредитных отношений, если не раскрыта природа денег.

Изложение системы экономических категорий социализма, как и капитализма, следует начинать с простейшей категории, с «экономической клеточки». Признание «экономической клеточки» вытекает из признания общественно-экономической формации. Общество представляет собой не механическую сумму частей, а развивающуюся систему, своеобразный организм, имеющий свою историю, свои законы функционирования. Естественно, что этот организм развивается из каких-то изначальных элементов — «экономических клеток», в которых закодировано все многообразие системы.

Какую же категорию политической экономии социализма следует принять в качестве исходной категории, или «экономической клеточки»? Многие советские экономисты исходной категорией (называя ее или не называя «экономической клеточкой») считают общественную собственность на средства производства. Основным аргументом служит тот факт, что создание социалистической собственности явилось предпосылкой возникновения и развития социалистического производства. Конечно, в реальной истории социализма создание общественной собственности на средства производства выступило действительной предпосылкой этого способа производства. Однако это не означает, что социалистическая собственность должна служить исходным пунктом анализа системы теоретических форм экономики социализма. В данном отношении представляют интерес следующие слова К. Маркса: «Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным»[1].

Категория социалистической собственности на средства производства не может быть исходной потому, что обобществленные средства производства экономически реализуются лишь в процессе производства, в котором, на наш взгляд, и следует искать исходную категорию.

Ряд авторов, в том числе Н. А. Цаголов, В. В. Куликов и другие, предлагают в качестве исходной категорию «планомерность». «Планомерность» является формой движения производственных отношений и сама определяется общественным характером народного хозяйства, социалистической собственностью на средства производства. Кроме того, «экономическая клеточка» должна обладать богатым содержанием, в частности заключать в себе зародыш всех противоречий формации. Этим свойством планомерность обладает в самой незначительной степени.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 726.

Большая группа ученых (А. И. Ноткин, А. И. Кащенко, В. И. Андреев, Е. И. Лавров и др.) в качестве исходной предлагают категорию общественного продукта в различных ее модификациях — непосредственно-общественного продукта, совокупного общественного продукта, социалистического продукта, необходимого продукта и т. д. И. И. Кузьминов как исходное рассматривал отношение коллективности, А. К. Покрытан — непосредственно-общественную связь, В. Н. Келлик — социально-экономическое благо, В. Я. Ельмеев — человека.

Вопрос о нахождении исходной экономической категории очень сложен. При этом действительные исходные пункты обнаруживаются не в начале становления науки, а после того, как созданы ее отдельные разделы.

Учитывая сложность и дискуссионность проблемы, выскажем некоторые методологические положения, которые могли бы служить отправным пунктом в ее решении, а также попытаемся в общих чертах наметить само решение.

При выделении простейшего элемента из системы понятий и категорий политической экономии социализма нужно исходить из экономических отношений полного коммунизма. Эти отношения выступают системой высшего уровня по сравнению с социалистическими. В процессе исследования осуществляется переход от исходной категории полного коммунизма к исходной экономической категории первой его фазы.

Выделяя «экономическую клеточку», следует исходить из определяющей роли производства по отношению к распределению, обмену и потреблению, в ней должен найти отражение процесс коммунистического (социалистического) производства.

Отыскивая простейшую из категорий политической экономии социализма, нельзя забывать, что экономические отношения складываются в связи и по поводу производства материальных благ, вследствие чего выступают в овеществленной форме. Ф. Энгельс писал, что производственные отношения «всегда *связаны с вещами* и *проявляются как вещи*»[1]. Поэтому «экономическая клеточка» должна иметь материально-вещественное содержание, отражать единство материального и идеального. Материальные блага, созданные в процессе производства, внутренней субстанцией всегда имеют труд, поэтому простейшая категория в конечном счете должна также отражать трудовые отношения. Значение, которое К. Маркс придавал труду, видно из того, что политическую экономию пролетариата он называл политической экономией труда[2].

Исходная экономическая категория должна быть наиболее распространенной, всеобщей и глубокой по содержанию, отражать сущность, причину экономических явлений. Она образует условие и форму движения всех других отношений. «Экономи-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 498.
[2] Там же, т. 16, с. 9.

ческая клеточка» должна выступать пределом аналитического расчленения специфики общественного строя, предельной абстракцией, в которой еще сохраняется мера явления и из которой выводится, развивается все остальное. Это не означает, что исходная экономическая категория — самое абстрактное, самое простое. Она обладает определенной структурой и представляет лишь простейшую экономическую конкретность, т. е. предельное простое из тех кирпичей, из которых складывается здание экономики. Исходное отношение подобно имеющей свою структуру молекуле вещества.

Исходная экономическая категория должна заключать в себе зародыш противоречий данного способа производства. В условиях капитализма «экономическая клеточка» содержит в зародыше возможность и необходимость как превращения товарного производства в капиталистическое, так и (посредством развития противоречий) гибели капиталистической формации. При социализме свойственные ему неантагонистические противоречия приводят не к гибели, а к совершенствованию строя и ускорению его перерастания в коммунизм.

«Экономическая клеточка» может зарождаться в предшествующих общественно-экономических формациях и достигать своего апогея в данной формации. Она выражает основную генетическую связь способа производства, образует звено между разными экономическими системами. Исходное экономическое отношение связано и выступает предпосылкой формирования основного экономического отношения подобно тому, как исходное противоречие системы служит предпосылкой и развивается в основное ее противоречие. При выделении исходной экономической категории следует иметь в виду, что «исходное» не обязательно совпадает с основным, главным. Так, при капитализме исходным отношением выступает товар, а главным является отношение по производству капитала. «Исходное» является не тем, с чего начинается исследование, а тем, с чего начинается формирование системы понятий политической экономии.

Когда рассматривают исходную экономическую категорию, исходное начало, «окончательную клеточку», во всех случаях имеется в виду определенное экономическое отношение. Это отношение обычно имеет носителя. Например, капиталистический товар как «экономическая клеточка» является носителем отношений, возникающих при его производстве. Исходное отношение и его носитель выступают своеобразными содержанием и формой. В тексте названные термины обычно употребляются как синонимы.

В последние годы среди политэкономов идет дискуссия по вопросу о природе исходного отношения: принадлежит оно объективному миру или познанию? До недавнего времени его относили к научным абстракциям, сейчас же получает распространение точка зрения, что оно является частью реальной действительности. Так, некоторые экономисты утверждают, что исходным пунктом выступает «простейшая и наиболее общая эмпирическая данная экономическая форма»[1].

Традиционное толкование исходного отношения как научной абстракции представляется целесообразным. На ступени теоретического познания исследователь всегда имеет дело с абстрактными объектами. Поскольку метод восхождения от абстрактного к конкретному развертывается на этой ступени, исходное отношение может выступать только в виде научной абстракции. Однако это такая абстракция науки, за которой отчетливо виден реальный предмет. Поэтому К. Маркс с полным основанием писал, что он исходит не из «понятий». В конечном счете все это именно так, хотя при переходе от абстрактного к мысленно-конкретному политэконом непосредственно идет от выработанных неполных, но научных абстракций.

Нам представляется, что в качестве исходной категории для полного коммунизма выступает непосредственно-общественный продукт. Для социализма, поскольку непосредственно-общественные отношения здесь еще развиты не вполне, непосредственно-общественный продукт выступает в форме социалистического продукта, который характеризуется диалектическим единством свойств непосредственно-общественного продукта и товара.

Непосредственно-общественный продукт является носителем отношений между обществом и его членами по поводу планомерного производства и присвоения материальных благ. Он — объект и результат материального производства, предметный носитель коммунистических производственных отношений. В нем овеществлен непосредственно-общественный труд членов коммунистического общества.

Непосредственно-общественный продукт представляет собой источник общественного богатства, накопления и удовлетворения постоянно растущих потребностей народа. Он не только результат общественного производства, но и объект распределения, обмена и потребления, т. е. охватывает все моменты социалистического воспроизводства при определяющей роли производства. В непосредственно-общественном продукте, принимающем форму социалистического продукта, отражаются наиболее всеобщие и универсальные экономические отношения, гармонично сочетаются материальные и идеальные общественные отношения.

Категория непосредственно-общественного продукта наиболее богата по содержанию, в ней заложены все важнейшие экономические противоречия коммунистической формации. На фазе социализма развитие и разрешение противоречий социалистического продукта ведет к сбрасыванию его социалистической формы с продукта и к превращению его в зрелый непосредственно-общественный продукт.

---

[1] Метод политической экономии социализма, с. 151

Непосредственно-общественный продукт выполняет функцию связующего звена различных экономических систем. Зачатки его обнаруживаются в капиталистической формации, где с появлением простой капиталистической кооперации возникают элементы непосредственно-общественного труда.

Использование в качестве исходной экономической категории непосредственно-общественного продукта не означает игнорирования других важнейших категорий политической экономии, рассматриваемых как исходные (например, непосредственно-общественного труда, общественной собственности на средства производства, планомерности). Непосредственно-общественный труд является субстанцией непосредственно-общественного продукта. Общественная собственность на средства производства, определяя характер распределения последних, служит главным условием и основой коммунистического (социалистического) производства, результатом которого выступает непосредственно-общественный продукт. Отношение по производству непосредственно-общественного продукта органически включает также отношения планомерности. Таким образом, непосредственно-общественный продукт — это вещественная форма непосредственно-общественного труда, отношений по поводу собственности на средства производства и планомерности.

Раскрыв наиболее общие и абстрактные отношения по производству, распределению, обмену и потреблению непосредственно-общественного продукта, познав его внутреннюю противоречивость, исследователь может успешно двигаться по пути дальнейшего усвоения и познания всех остальных отношений и противоречий коммунистического (социалистического) общества. Такой путь и представляет собой метод восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному.

В литературе встречаются возражения против применения непосредственно-общественного продукта как исходной категории формирования теоретической экономической системы коммунистической формации. Так, А. К. Покрытан считает, что при полном коммунизме, когда труд из средства к жизни превращается в первую ее потребность, будет преодолена предметно-вещественная форма общественных связей, главным результатом коммунистического производства и богатством общества станет сам человек, условия его развития[1]. Конечно, развитие человека при коммунизме является центральной задачей. Но эта задача стоит перед всеми сферами общественного механизма, в том числе перед всеми науками. Каждая отрасль деятельности имеет свою специфическую задачу. Задача экономики — обеспечение человека материальными средствами существования, а задача политической экономии — соответствующее теоретическое обеспечение экономической практики. Без материального производства и его результата — непосредственно-общественного продукта — не может быть обеспечено духовное, интеллектуальное развитие человека. Распределение предметов потребления при полном коммунизме будет осуществляться по потребностям, но это не значит, что не будет учитываться количественное соотношение между производством и потреблением. Проблема рационального ведения хозяйства, экономного расходования средств и труда на производство жизненных благ будет стоять перед человеком всегда. Чем меньше времени человек будет тратить на необходимое материальное производство, тем больше он сможет заниматься творческой деятельностью. Представляется, что категория непосредственно-общественного продукта будет всегда иметь огромное значение. Поэтому возражения против использования ее в качестве исходной категории представляются неубедительными.

[1] Покрытан А. К. Историческое и логическое в экономической теории социализма. М.: Мысль, 1978.

Эти соображения об исходной экономической категории полного коммунизма являются не более чем гипотезой. Превращение этой гипотезы в теорию — дело будущего.

В заключение отметим, что некоторые авторы ставят вопрос о возможности применения в качестве исходной не одной, а нескольких категорий политической экономии[1]. Для построения системы экономических понятий формации, на наш взгляд, необходима одна исходная категория. Это не исключает, что при анализе отдельных уровней и аспектов системы могут быть выбраны особые «исходные пункты». Например, при анализе заработной платы и ее форм — необходим продукт (V), при исследовании амортизации — фонд возмещения (C).

Путь познания экономики не исчерпывается восхождением от абстрактного к мысленно-конкретному. Это восхождение является только одной (хотя и важнейшей) стороной познавательного процесса. Прежде чем осуществить восхождение от абстрактного к мысленно-конкретному, надо совершить восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному, проделать первую часть пути.

Чувственно-конкретное предстает перед исследователем как эмпирическое единство, нерасчлененная совокупность различных сторон, свойств явления, в котором переплелось главное и неглавное, внутреннее и внешнее, необходимое и случайное и т. п. Переход от такой эмпирической конкретности к теоретическому целому осуществляется посредством аналитического расчленения эмпирического конкретного на части и выражения этих частей в научных понятиях. В результате такой переработки «созерцания и представления в понятия»[2], проводимой на эмпирической стадии познания, исследователь получает простейшие, неполные абстракции. Среди последних находится экономическая категория, от которой идет постепенный переход

[1] Сергеев А. А. Структура производственных отношений социализма. М.: Наука, 1979.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 38.

к мысленно-конкретному — системе экономических категорий и законов данного способа производства. На этапе восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному происходит переход от единичного к особенному и всеобщему, от явления — к первым слоям сущности, от случайного — к необходимому и т. д.

Следовательно, путь теоретического познания экономической действительности состоит из двух частей, или «восхождений»:

от чувственно-конкретного к абстрактному;

от абстрактного к мысленно-конкретному[1].

Восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному является органической, неотъемлемой частью познавательного процесса.

Одни политэкономы в истолковании выбора пути теоретического познания недооценивают восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному, хотя содержанием всякого теоретического познания в первую очередь является переработка данных чувственного опыта в соответствующие формы теоретического мышления, а затем использование этих форм в человеческой практике. К. Маркс указывал, что «задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...»[2] «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях),— отмечал В. И. Ленин,— открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания* и *политической экономии* (и истории).»[3] Это подтверждается обозримой историей понятий политической экономии социализма, которые первоначально формировались и уточнялись на основе обобщения экономической практики (категории сферы товарно-денежных отношений, экономические законы и т. д.).

Другие политэкономы преуменьшают роль восхождения от конкретного к абстрактному[4]. Н. В. Хессин считает, что «есть один метод — восхождение от абстрактного к конкретному, в рамках которого находится как обязательный исходный и конечный момент — движение от реально-конкретного к абстрактному»[5]. По его мнению, метод восхождения от конкретного к абстрактному — лишь часть метода восхождения от абстрактного к конкретному. В соответствии с этим следует отказать в самостоятельности методу анализа, который применяется совместно с синтезом, методу индукции, применяемому совместно с дедукцией. Конечно, все «парные» категории и методы,

[1] Нельзя не заметить аналогии этих двух «восхождений» с анализом и синтезом, индукцией и дедукцией, единичным и всеобщим, другими парными категориями логики.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 343.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 298.

[4] Метод политической экономии социализма, с. 174—175.

[5] Вестник Московского Университета. Экономика, 1975, № 6, с. 79.

в том числе и обсуждаемые «восхождения», поскольку они являются противоположностями, применяются совместно. Но это не должно служить основанием для поглощения одних методов другими.

Совместное применение «парных» категорий и методов не исключает того, что в определенные периоды времени преимущественное использование находят одни из них, а в другое время— противоположные, как, например, анализ и синтез, индукция и дедукция. На первых этапах развития политической экономии, когда общественные отношения и наука были неразвитыми, исследователь обходился практически одним методом восхождения от конкретного к абстрактному. В современных условиях широко используются оба метода, каждый для решения своих задач.

Экономисты, преуменьшающие роль метода восхождения от конкретного к абстрактному, ссылаются на высказывание К. Маркса о том, что правильным в научном отношении можно назвать метод восхождения от абстрактного к конкретному[1]. Это положение К. Маркса не означает отрицания метода восхождения от конкретного к абстрактному, оно направлено против одностороннего его применения, когда исследование только им ограничивается. Именно такой подход характерен для буржуазных политэкономов. Задача политэкономического познания не исчерпывается отысканием наиболее общих абстракций, а состоит в том, чтобы показать как они развертываются в теоретическую систему и выступают на поверхности экономики. Лишь такое познание открывает широкий путь для применения теории на практике, использования достижений политической экономии для решения задач экономического строительства.

Итак, данные методы восхождения являются не только взаимосвязанными, но и равноправными. Их взаимосвязь настолько тесна, что П. В. Копнин счел возможным и необходимым объединить в единый всеобщий закон развития человеческого познания «движение от чувственно-конкретного через абстрактное к конкретному в мышлении»[2]. Нам представляется, что признание этого познавательного закона завершит многолетнюю дискуссию по вопросу о значении того или иного «восхождения».

7. ПРОЦЕССЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИЗЛОЖЕНИЯ

Собственно экономическое исследование — это специально организуемый процесс познания нового результата, осуществляемый посредством некоторых операций. Кроме собственно исследования, познание экономики в незначительной степени происходит путем непосредственной практики, т. е. выводов по

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 37.

[2] Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания, с. 142.

результатам «проб и ошибок». Совокупность собственно экономического исследования и познания экономики из практики может быть названа экономическим исследованием в широком смысле, которое по содержанию совпадает с понятием познания экономической действительности. В последующем изложении экономическое исследование понимается как исследование в широком смысле[1].

Задача экономического исследования — не просто познание действительности, открытие действующих в ней законов, а познание, направленное при наличии соответствующих условий на воздействие и изменение действительности.

Широко известно высказывание К. Маркса о том, что философы лишь различным образом объяснили мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его. Этот тезис относится не только к философскому, но и к любому познанию, в том числе и экономическому.

Экономическое исследование можно подразделить на две части: общетеоретическое, или политэкономическое, и конкретно-экономическое. Политическая экономия и конкретные экономические науки находятся не только во взаимосвязи, но и в диалектическом единстве, они решают двуединую задачу: конкретные экономические науки дают прикладное знание, необходимое для практической экономической работы, а политическая экономия вооружает теоретическими знаниями конкретные экономические науки. Нельзя изготовлять только предметы потребления, не изготовляя средств производства, так и в экономической науке нельзя создавать лишь прикладное знание, не заботясь об абстрактно-теоретическом знании. Верно и обратное положение. Общетеоретические и прикладные части экономической науки должны развиваться в необходимых пропорциях.

Экономическое исследование начинается с выявления и постановки научной проблемы, которая вызывается или назревшими запросами практики, или требованиями экономической теории, связанными с необходимостью разрешения противоречий, возникших между старыми понятиями и новыми научными фактами.

Научная проблема — это «знание о существовании такой области действительности, свойства и сущность которой нам неизвестны»[2]. Научная проблема — это знание о незнании. Проблемой может выступать любая трудность в познании, которая

[1] А. И. Ракитов исследование определяет «как процесс или способ создания новых научных знаний» (новых, т. е. неизвестных ранее науке). Исследование как вид интеллектуальной деятельности отличается, по его мнению, от материального производства тем, что если в последнем идентичные единицы — продукты массового производства — не лишаются ценности, то в научном исследовании производство идентичных единиц лишено всякого смысла. (Вопросы философии, 1968, № 12.)

[2] Жариков Е. С. Научный поиск, с. 14.

не может быть разрешена формальными средствами, а требует содержательного анализа. При этом перед познанием ставятся только такие проблемы, которые оно способно разрешить на данном уровне развития. Поэтому постановка проблемы включает знание путей ее разрешения. По справедливому замечанию П. В. Копнина, «уметь правильно поставить проблему, вывести ее из предшествующего знания — это и значит уже наполовину решить ее»[1].

Научная проблема реализуется в конкретной цели и задаче (задачах), которые ставятся перед определенным исследованием. Цель и задача должны вытекать из научного анализа предшествующего знания и современного состояния исследуемой области экономики.

Экономическое исследование охватывает оба изложенных выше метода «восхождения» — от чувственно-конкретного к абстрактному и от абстрактного к мысленно-теоретическому. Наиболее ярко в нем, как и в любой зрелой теории, проявляется метод восхождения от абстрактного к конкретному. В частности, экономическое исследование обязательно исходит из теории высшего уровня, которая выступает теоретической основой исследования. Сюда относятся прежде всего принципы, законы, категории марксистско-ленинской философии, соответствующие общие положения экономической теории. Известны слова В. И. Ленина, что русские производственные отношения можно исследовать, лишь пользуясь выработанными приемами материалистического метода и теоретической политической экономии. В предисловии к первому изданию «Развития капитализма в России» В. И. Ленин писал: «План нашей работы таков. В I главе мы рассмотрим... основные теоретические положения абстрактной политической экономии по вопросу о внутреннем рынке для капитализма. Это послужит как бы введением для остальной, фактической части сочинения и избавит от необходимости многократных ссылок на теорию в дальнейшем изложении»[2]. В ней он рассматривает такие важнейшие теоретические положения политэкономии, как общественное разделение труда, стадии развития капитализма, теория воспроизводства общественного продукта, теория национального дохода и т. д.

После постановки цели и определения научной задачи исследователь, руководствуясь теоретическими основами, осуществляет экономический анализ содержания исследуемого процесса, определяет, что конкретно и какими методами нужно изучать, каких результатов исследования можно ожидать. В итоге такого анализа выбирается объект исследования, делается априорное предположение или выдвигается гипотеза о закономерностях его развития. На основе этого разрабатывается

[1] Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания, с. 200.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 6.

рабочий план исследования, а затем осуществляется само исследование.

Когда план намеченной работы выполнен, итоги исследования подведены, выводы сделаны, необходимо проверить истинность последних на практике. Не исключено, что выдвинутая гипотеза не подтвердится, полученные результаты по тем или иным причинам не удовлетворят исследователя. В таких случаях гипотеза пересматривается, намечается новый план, и проводится повторное исследование. Подобного рода коррективы могут вноситься неоднократно, до тех пор, пока исследование не установит истины — системы понятий, отражающей реальные связи экономической действительности. Такое исследование К. Маркс называл истинным[1]. Значительную роль в достижении истины играют научные обсуждения и дискуссии.

Полный цикл экономического исследования включает постановку целей и задач, выбор объекта и его аналитическое расчленение, нахождение исходного пункта, развертывание на его основе системы понятий, проверку на практике истинности полученных выводов. Такие циклы присущи исследованиям глобальных проблем. В хозяйственной практике часто возникает необходимость исследовать отдельные аспекты системы производственных отношений, их территориальные, отраслевые или временные особенности. Поэтому то или иное экономическое исследование может охватывать различные участки пути познания, протекать на разных этапах «восхождения», например не включать стадию эмпирического изучения или стадию анализа системы понятий. Исследование может начинаться с различных отправных точек, служить продолжением другого или, наоборот, готовить почву для другого и т. д.

Существенным признаком научного экономического исследования, особенно когда его объектом служит капиталистическая экономическая действительность, выступает единство критического преодоления буржуазных воззрений и позитивной разработки теории того или иного вопроса. Любое экономическое исследование должно отличаться классовым, коммунистически партийным подходом.

Системы производственных отношений исследуются и результаты излагаются в литературе. Научное изложение представляет собой не просто констатацию конечных результатов исследования, а последовательное развертывание системы научных понятий, соответствующее объективному экономическому процессу. В изложении воспроизводится ход не любого из вариантов исследования, а лишь истинного исследования, т. е. последнего, наиболее правильного варианта. Этот истинный вариант достигается при исследовании зрелого объекта. При незрелом объекте результаты исследования и их изложение оказываются в той или иной степени неопределенными. Например,

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 7—8.

до тех пор пока социалистические производственные отношения находились на стадии становления, результаты политэкономического исследования и их изложение были нечеткими. Как известно, первый учебник, в котором были систематизированы идеи политической экономии социализма, был издан только в 1954 г.

В литературе много внимания уделяется сравнительной характеристике процессов исследования и изложения в политической экономии. Высказывается точка зрения об их принципиальном различии; в частности, исследование идентифицируется с методом восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному, а изложение — с методом восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному. При этом ссылаются на следующие слова К. Маркса: «Способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение»[1].

Здесь К. Маркс указывает не на принципиальные различия, а лишь на различия «с формальной стороны». Классики марксизма-ленинизма не противопоставляли процессы исследования и изложения. Нам представляется, что попытки отыскания существенных различий между ними в литературе безуспешны. Несомненно, что процесс исследования охватывает не только метод восхождения от конкретного к абстрактному, но и оба «восхождения». Процесс изложения по основному содержанию не отличается от процесса исследования, оба они предназначены для отражения объективной диалектики в субъективной, хотя с формальной стороны они имеют некоторые отличия. К последним можно отнести виды публикаций (учебник, монография, статья и т. д.). В крупных монографических исследованиях изложение должно следовать процессу научного политэкономического исследования. В учебниках и учебных пособиях возможны различные способы изложения в зависимости от типа учебных заведений, для которых они подготовлены. В статьях, отдельных главах изложение зависит от решаемых ими задач и типа издания, в котором они помещены.

8. ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ

К общенаучным методам, применяемым в политэкономическом исследовании, следует отнести аппарат формальной логики, рассматривающей элементарные законы и правила мышления, лежащие в основе любого суждения, умозаключения.

Знание законов и правил логики в области мышления иногда

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 21.

уподобляют знанию грамматики в области языка. Можно правильно говорить и писать, не зная грамматики, но нельзя без глубокого знания грамматики говорить и писать безукоризненно. Можно правильно мыслить, не зная законов формальной логики, но чтобы рассуждать и делать умозаключения в совершенстве, нужно знать эти законы.

Законы и правила, изучаемые в формальной логике, сложились в ходе многовекового развития мышления, в процессе практической деятельности человека. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» отмечал, что «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения»[1]. Определение законов и правил формальной логики явилось величайшим научным открытием, обеспечившим невиданный прогресс в познании мира.

Рассмотрим основные элементарные законы логики.

Первым законом формальной логики является закон тождества. Согласно этому закону каждая мысль в процессе рассуждения должна сохранять одно и то же определенное содержание, сколько бы раз она ни повторялась. Если в книге употребляется понятие «производительность труда», то это понятие, сколько бы раз оно ни встречалось, должно иметь всюду одинаковый смысл.

Закон тождества направлен против неопределенности, расплывчатости, чрезмерной общности высказываний, совершенно недопустимых в научной работе. Он имеет большое значение в процессе познания и исследования. Если бы люди излагали свои мысли неопределенно, то они не понимали бы друг друга, не могли бы правильно рассуждать, не были бы в состоянии выработать ни одного понятия.

Из закона тождества следует, что прежде чем приступить к обсуждению или открывать дискуссию по тому или иному вопросу, необходимо установить точный смысл понятий, которые могут встретиться в процессе обсуждения, дискуссии.

Установить точный смысл понятия — это значит дать ему определение, в котором раскрывается содержание понятия. Определение тесно связано с процессом образования понятия, представляет органическую часть этого процесса, оно подводит краткий итог анализа существа явления. Знание практически всегда существует в виде формулировок, раскрывающих содержание понятий.

Наиболее распространенным способом определения понятий выступает определение через ближайший род и видовое отличие. Национальный доход в стоимостной форме обычно определяют так: национальный доход социалистического общества — это стоимость, вновь созданная в процессе социалистического производства. Здесь ближайшим родом выступает стоимость, видовым отличием — стоимость, вновь созданная и присоединенная к общественному продукту за тот или иной отрезок времени.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 198.

Формальная логика установила ряд правил определения понятий, нарушение которых ведет к нелогичности мышления. Правила особенно строго запрещают тавтологию в определении (повторение в сказуемом того, что уже высказано в подлежащем). Критикуя П. Струве, который определял хозяйство как «субъективное телеологическое единство рациональной экономической деятельности, или хозяйствования», В. И. Ленин показал, что это определение по существу является идеалистическим, а вместе с тем оно неграмотно и логически, заключает в себе тавтологию, ибо «хозяйство определяется через хозяйствование! Масляное масло...»[1].

Как велико значение определений, видно из слов французского философа Р. Декарта, который как-то заметил: определяйте значение слов и вы избавите свет от половины его заблуждений.

Закон тождества не допускает аморфности, нечеткости суждений. Неконкретность, расплывчатость высказываний, понятий часто используется буржуазными учеными в апологетических целях. Разоблачая народника Н. Даниэльсона, применявшего неопределенный термин «капитализация промыслов», В. И. Ленин отмечал, что этот термин совершенно неуместен в экономическом исследовании. «Под „капитализацией" можно разуметь,— писал он,— что угодно: и наем одного „работничка", и скупку, и паровую фабрику. Извольте-ка потом разобрать что-нибудь, если все это свалено в одну кучу!»[2]

Закон тождества направлен против подмены одних понятий другими, также часто используемой буржуазными политэкономами в своих апологетических целях. Так, понятие социального прогресса они подменяют понятием научно-технического прогресса; по существу на этой точке зрения стоят все идеологи единого индустриального общества. В прошлом веке, говоря о «средних классах», буржуазные экономисты имели в виду мелких предпринимателей. Они исходили из отношения этой группы к средствам производства. В настоящий момент средние классы определяются ими исходя из уровня жизни членов капиталистического общества. К этим классам относятся те, кто получает не самый высокий и не самый низкий доход.

Подмена одних понятий другими характерна для буржуазных критиков проводимых в социалистических странах мероприятий по совершенствованию хозяйственного механизма. Многие из них считают, что, уделяя внимание таким показателям, как прибыль, рентабельность, кредит, советские экономисты

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 42.
[2] Там же, т. 3, с. 451 (примечание).

якобы переходят от социалистических принципов хозяйствования к капиталистическим. Это означает непонимание существа социализма и проводимых мероприятий, существа социалистических экономических категорий. Прибыль, рентабельность, кредит и другие экономические категории социализма коренным образом отличаются от одноименных экономических категорий капитализма, чего не замечают или не хотят замечать буржуазные экономисты, подменяя социалистические экономические категории капиталистическими. Такая подмена нарушает требование, согласно которому при раскрытии содержания категорий их нельзя вырывать из соответствующих теоретических систем.

К установлению идентичности содержания понятий необходимо подходить исторически. С течением времени экономические понятия в большинстве случаев существенно меняют свое содержание.

Следует отметить, что добиться полной тождественности понятий трудно. Сам язык, посредством которого определяются понятия, по своей сути полиморфен, в нем имеется множество синонимов и омонимов. Кроме того, трудность в установлении тождества понятий возникает и потому, что различные исследователи по-разному понимают и усваивают одни и те же понятия [1].

Мысли, высказывания должны быть не только определенными и четкими, они должны быть последовательными и непротиворечивыми. Мышление не может основываться на противоречивых, опровергающих друг друга или противоречащих друг другу рассуждениях. В. И. Ленин писал: «„Логической противоречивости",— при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе» [2].

Логические противоречия — это противоречия субъективные, которых следует избегать. От логических, или субъективных, противоречий надо отличать объективные противоречия самой жизни, которые существуют независимо от человека. Такие противоречия произвольно ликвидировать нельзя; их можно лишь соответствующим образом разрешить, или они уничтожаются при коренных ломках социальных отношений.

В теории выработаны два важных закона, направленных на достижение последовательности и непротиворечивости мышления,— закон противоречия и закон исключенного третьего.

Закон противоречия гласит, что две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть истинными, но могут быть обе ложными. Если высказана мысль, что предприятие «А» плохо работает, и другая, что предприятие «А» хорошо работает, то обе эти мысли сразу истинными быть не могут. Они могут оказаться истинными, только в тех случаях, если: 1) предприятие «А» из первого утверждения и предприятие «А» из второго — разные предприятия; 2) имеется в виду одно и то же предприятие, но взято оно в разные годы, допустим в 1973 г. и в 1983 г.; 3) предприятие то же, время то же, но оценка дана в различных отношениях, предположим по основному и вспомогательному производству. Если речь идет об одном и том же предприятии в одно и то же время и оценка дана в одном и том же отношении, то названные мысли обе истинными быть не могут, но могут быть обе ложными. Между так называемыми противоположными мыслями, о которых идет речь в законе противоречия, всегда возможна третья, средняя; между хорошим и плохим, длинным и коротким, высоким и низким имеется среднее, выше среднего, ниже среднего. В нашем случае высказанные мысли могут оказаться ложными, если предприятие «А» является не хорошим, не плохим, а средним.

Закон исключенного третьего можно сформулировать так: из двух отрицающих друг друга мыслей об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, одна непременно истинна, а другая ложна. Если сказано, что предприятие «А» в 1983 г. выполняет обязательства перед государством и что оно в том же году те же обязательства выполняет неполностью, то очевидно, что одно из этих утверждений истинно, а второе ложно.

Следует иметь в виду, что отрицающие друг друга мысли — это не противоположные мысли. Разница между ними заключается в том, что противоположные мысли обе что-то утверждают, а между ними — некое третье, среднее. Из отрицающих друг друга мыслей одна что-то утверждает, другая то же самое отрицает, и между ними не стоит третье. В отрицающих мыслях «третьего не дано».

Знание этих двух законов, обеспечивающих непротиворечивость мышления, дает исследователю дополнительное орудие для критики ненаучных взглядов посредством вскрытия в последних противоречивых мыслей.

Но для получения правильных выводов недостаточно того, что мысли будут определенны и непротиворечивы. Для того чтобы выводы были достоверны, мысль должна быть обоснованной, опираться на действительные факты или другие ранее обоснованные мысли. В связи с этим, кроме названных трех законов, в формальной логике рассматривается еще один закон, особенно важный в научных исследованиях,— закон достаточного основания. Закон достаточного основания утверждает, что всякая мысль, чтобы считаться вполне достоверной, должна быть обоснована фактами действительности или другими мыслями, истинность которых доказана практикой ранее.

---

[1] Методологические проблемы кибернетики (материалы к Всесоюзной конференции). Т. I. М., 1970, с. 69.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 91.

Этот закон формальной логики тесно связан познавательным принципом, согласно которому политэкономические выводы должны обосновываться фактами.

Знание основных законов формальной логики способствует достижению определенности, непротиворечивости и доказательности мышления, без которых невозможен процесс любого познания, в том числе и познания экономики.

Формальная логика рассматривает самые простые правила и законы пользования понятиями, суждениями, умозаключениями; она имеет дело с «готовым» знанием, «жесткими» понятиями, с понятиями, не изменяющимися в процессе рассуждения, в силу чего оказывается не в состоянии исследовать ни истории, ни самого процесса формирования новых научных знаний.

Ф. Энгельс охарактеризовал формальную логику как элементарное учение о формах и правилах человеческого мышления, отображающих простейшие отношения вещей, наличие в них относительного постоянства. Но явления не только и даже не столько находятся в относительном покое и устойчивости, сколько в движении и развитии. Если относительную устойчивость вещей можно отразить с помощью формальной логики, то движение и развитие может отразить лишь диалектическая логика, являющаяся логикой развития. Диалектическая логика выдвигает более глубокие требования к определенности, последовательности и доказательности мышления. Она подразумевает не «жесткие», а «текущие», изменяющиеся понятия, требует, чтобы мышление отражало в понятиях движение, развитие и противоречия объективного мира, чтобы оно охватило противоположности в их единстве.

Методы формальной логики предназначены для мысленной остановки, омертвления, механического расчленения и соединения явлений, а методы диалектической логики — для приведения в движение остановленного, связывания того, что было разложено, мысленного оживления омертвленного. При этом в качестве приемов как формальной, так и диалектической логики выступают общенаучные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция и т. п. Возьмем такое логическое понятие, как анализ. Если при его помощи целое расчленяется на изолированные, «равнодушные» друг к другу части,— такой анализ относится к формальной логике; если посредством его явление расчленяется на взаимосвязанные части, среди которых выделяется главная его основа, то такой анализ относится к логике диалектической.

Диалектическая и формальная логики (традиционная и современная ее разновидность — символическая, или математическая, логика) представляют собой соответственно содержательные и формальные методы исследования. Содержательные, или неформальные, методы характеризуются тем, что они связаны с более или менее непосредственным обращением к фактам и выведением из них теоретических заключений. Эти методы играют главную роль в развитии науки, посредством их формулируются отдельные категории и складываются сложные системы науки. Формальные методы отличаются большей степенью абстрагирования и основаны на отвлечении формы от содержания и обобщении формы самых различных и многообразных по своему содержанию явлений. Важное значение имеют средства логического выведения одних понятий из других, так как в формальных методах в отличие от содержательных нет непосредственной и прямой связи с данными наблюдения. В этом заключаются огромные возможности формализации, позволяющие простыми средствами получать важные результаты, но в этом же сказывается ее определенная ограниченность, приводящая к схематизации явлений.

Содержательные и формальные методы исследования, так же как и диалектическая и формальная логики, находятся в единстве и взаимодействии. Эти методы применяются в одной сфере познания, но решают разные задачи в едином процессе научного познания. Отношение диалектической логики к формальной Ф. Энгельс уподобляет отношению высшей математики к математике элементарной: «Элементарная математика, математика постоянных величин, движется, по крайней мере в общем и целом, в пределах формальной логики; математика переменных величин, самый значительный отдел которой составляет исчисление бесконечно малых, есть по существу не что иное, как применение диалектики к математическим отношениям»[1]. Как для познания количественных и пространственных отношений объективного мира одинаково необходима и элементарная, и высшая математика, так и в процессе познания экономики необходима и формальная, и диалектическая логика.

Если имеются достоверные мысли об экономических фактах и к ним правильно применены законы логики, то выводы (понятия политической экономии) будут истинными, отражающими объективную действительность. Каждый исследователь познает действительность настолько, насколько он теоретически подготовлен. Чем лучше теоретически (в смысле знания законов диалектической и формальной логики, а также своей науки) вооружен исследователь, тем глубже и обоснованнее анализ объекта, тем быстрее и правильнее формируются научные понятия.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 138.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абстрактное 189—201
Абстракция 22, 114, 117, 121—126, 130, 131, 135, 173, 176, 177, 181, 191, 196, 197, 199
Анализ 18, 169, 170, 174—179, 183, 200, 201, 203, 210
Аналогия 184—187
Буржуазные, вульгарные представления
о «беспартийности» экономической науки 24—26, 28, 29
о взаимосвязи экономических понятий 137
о возможностях развития 82
о качественном и количественном анализе 155
о классах и классовой борьбе 63
о методе политической экономии 28—30
о методе восхождения от абстрактного к конкретному 193
о научных экономических абстракциях 130—131
о природе экономических явлений 29
о причинности 76, 77
о противоречиях 161—162
о процессе развития экономических явлений 62—63
о распределении доходов буржуазного общества 26
о связи случайного и необходимого 80
о связях экономических явлений 30, 45—46
о системном подходе 141—142
о соотношении всеобщего, особенного и единичного 72—73
о функциях буржуазного государства 104
об изменении экономических понятий 146—147
об индивидуальном и массовом 85
об использовании фактов 31
об общей теории политической экономии 25
об общественно-экономической формации 38
об экономических законах 111—113
Вероятность 63, 85—88
Вероятностный подход к анализу экономических явлений 87, 88
Возможность 63, 80—83, 85, 86, 92, 196
абстрактная 81, 82
реальная 81, 82
формальная 82
Всеобщее (общее) 63, 70—73, 107, 110, 121—123, 165
в познании 164, 167, 168, 175, 177—183, 200
Гипотезы 126, 186—189, 199, 203, 204
Дедукция 170, 171, 179—184, 187, 192, 200, 201, 210
Действительность 63, 80—83, 86, 92
Диалектический и исторический материализм 16, 25, 33—35, 164
Дифференциация и интеграция наук 22, 23, 170
Единичное 63, 70—73, 78, 107, 121—123, 165
в познании 164, 167, 168, 175, 177—182
Закон единства и борьбы противоположностей
в действительности 49, 53—60
в познании 151, 155—162, 170
Закон отрицания отрицания
в действительности 49, 61
в познании 151, 162—164, 170
Закон перехода количественных изменений в качественные и обратно
в действительности 49, 51—53
в познании 151—155
Законы логики формальной 32, 205—211
достаточного основания 209
исключенного третьего 208, 209
противоречия 208, 209
тождества 206—208
Законы объективной действительности 6, 81, 86, 100, 107, 102
Законы политической экономии 20, 121, 126, 128, 140, 142, 156, 160, 162, 167, 189, 190, 199
Законы экономические 34, 35, 88—109, 111, 113, 126, 133
всеобщие 93—95, 143
их познание 97
их системы 13, 20, 23, 96, 97, 99, 129, 135, 136
как законы-тенденции 92, 93
капитализма 90, 111
механизм действия 97—99, 100, 101, 104, 129, 140
механизм использования 97, 99—104, 129, 140
общие 89, 93—95, 143
объективность 90, 91, 175
основной закон капитализма 94—96
основной закон социализма 43, 60, 94, 97, 102, 133
основной закон формации 93, 95, 97, 135
специфические 89, 93—95, 143

социализма 24, 90, 94—97, 100, 101, 104, 136, 151
Закономерность 36, 86, 88, 89, 105—109, 126, 129, 134, 147, 150, 151, 173, 189, 203
динамическая 106
статистическая 106, 107
Индивидуальное 63, 83—85
Индукция 170, 171, 179—185, 187, 200, 201, 210
Историческое 147—151
Категории
общенаучные 32, 109, 115
политической экономии 10, 20, 88, 89, 108—111, 121, 126, 127, 156, 160, 162, 167, 192, 193, 195, 198, 199
философские 10, 32, 33, 89, 114—116
экономические 108—111, 126, 127, 142, 149, 193, 194, 208
Качество 49—51, 61, 178
в познании 49—51, 152—155
Классовый, партийный подход к исследованию 10, 20, 24—31, 204
Количество 49—51, 54, 178
в познании 177, 189—201
Логика диалектическая 17, 33, 34, 110, 115, 122, 131, 163, 168, 191, 210, 211
Логика формальная 32, 110, 122, 189, 205, 207, 209—211
Логическое 147—151
Массовое 63, 83—85
Математические приемы в экономике 22, 164
Мера
в познании 152—155
простая, или внешняя 50, 51, 154
реальная 54
системная, или внутренняя 50, 51, 154
Метод восхождения
от абстрактному к конкретному 14, 140, 149, 170, 171, 175, 181, 182, 189—201, 203, 205
от конкретного к абстрактному 149, 181, 189, 199—203, 205
Метод исследования
содержательный 210, 211
формальный 210, 211
Метод общенаучный 5—8, 10—12, 14, 15, 18, 24, 116, 147, 167, 170—172, 191
Метод политической экономии 5, 7—13, 16, 18—24, 26, 27, 31—34, 114, 147, 151, 167
Методология 10, 11, 18
конкретно-экономического исследования 9, 10, 20
политической экономии 5, 9—11, 20, 34
Необходимость 63, 77—82, 85, 86, 88, 92, 121, 122, 130, 165, 169, 190, 196
в познании 164, 169—171, 175, 200
Общественно-экономическая формация 36—40, 46, 48, 53, 54, 58, 69, 79, 90, 93—95, 97, 117, 121, 124, 140, 143, 146, 194, 196
Основное звено в экономической действительности 44, 45
Особенное 63, 70—73, 107, 122, 123
в познании 164, 167, 168, 180, 181, 200
Предмет политической экономии 12—15, 21, 22, 32
Понятия
политической экономии 20, 22, 126—128, 130, 131, 135, 138, 142, 145, 151, 152, 156, 160, 173, 189, 191, 192, 206
экономические 109, 126, 127, 131, 142, 144, 149, 156, 190, 191, 199, 208
Повод к возникновению события 75
Правильность 105, 107, 126, 173
Предвидение 77, 139, 146, 185
Принципы
взаимосвязи, или системности, политэкономических понятий 116, 131, 133—137, 142—147
взаимосвязи, или системности, экономических явлений 34, 38—42, 44, 48, 49
«дополнительности» 161
общенаучные 126
обоснованности политэкономических выводов фактами 117—120
развития, или историзма, политэкономических понятий 116, 142—147
развития, или историзма, экономических явлений 46—49
«соответствия» 163
Причина 63, 73—77, 86, 92, 93, 143, 173, 196
внешняя 75, 76, 87
внутренняя 75, 76, 87
главная (определяющая, решающая) 76
неглавная (побочная, второстепенная) 76
необходимая 77
объективная 76
случайная 75, 87
субъективная 76
Причинность 75, 88
в познании 169
Проблема научная 202—203
Прогнозирование 47, 146
Противоречия
анализа и синтеза 178
внешние 58, 59, 143, 161
внутренние 58, 59, 61, 143, 144, 160, 175

всеобщего, особенного и единичного 71, 168
всеобщие 58, 60, 61
в познании 156—158
индукции и дедукции 182, 183
исторического и логического 148, 149
их значение для политической экономии 55, 56
как источник развития 53, 58, 59
как форма выражения находящихся в единстве и борьбе различий, существенных различий и противоположностей 53, 54
капитализма 54—56, 62, 66, 196
между изменившейся экономической действительностью и старыми понятиями 144, 202
общие 58, 61
объективные 59, 61, 62, 160, 208
основное капитализма 55, 60
основное социализма 60
основное формации 60, 95
причины и следствия 73
случайности и необходимости 78, 169
содержания и формы 69, 167
социализма 56, 57, 59, 60, 196
специфические 58, 61
субъективные (логические) 59, 61, 208
сущности и явления 64—66, 166
экономических законов 90, 96, 99
экономической теории и практики 158
Развитие
во времени 46
в пространстве 46
как переход количественных изменений в качественные 49, 52, 53
понятий политической экономии 142—144, 155, 162
через борьбу нового со старым 57, 58
через борьбу противоположностей 53, 57, 58
через отрицание отрицания 61
экономических явлений 35, 38, 46—53, 80, 82, 83
Роль зачатков нового 47
Роль практики в политэкономических исследованиях
источник и движущая сила политической экономии 158
критерий истинности политической экономии 158, 204
Связи
вертикальные 110
внутренние 40, 105
горизонтальные 110
законов политической экономии 133
качества и количества 50, 51
метода и теории 16, 17
многозначные 106
однозначные 106
понятий политической экономии 131—137
предмета и метода 12, 14, 15
причинно-следственные 73, 74, 76, 77, 88, 92, 105, 107, 139, 140
случайные, внешние, временные, несущественные 40, 107
устойчивые, постоянные, повторяющиеся, существенные 40, 126
экономических явлений 22, 38—41, 133, 173
Синтез 170, 174—179, 183, 191, 192, 200, 201, 210
Системный подход к анализу экономики 18, 37, 41, 137—142, 147, 149, 170, 171, 178, 191
Следствие 63, 73—77, 86, 92, 93, 143, 173, 196
в познании 164, 169
Случайность 63, 77—81, 86, 121, 122, 130, 169, 190
в познании 164, 165, 169—171, 175
Содержание 63, 68—70, 105, 190
в познании 164, 165, 167
Сравнения 172—174, 185, 187
Стиль научного познания, мышления 10, 11, 35
Ступень познания теоретическая 120
Ступень познания эмпирическая 100, 117
Суждения 126, 167, 173, 205, 210
Сущность 63—68, 76, 78, 121, 122, 165, 166
в познании 152, 162, 164—167, 178, 191, 195, 200
Теория политической экономии 12, 15, 16, 18, 21, 26, 27, 31, 32, 114, 116, 128, 129, 183
Умозаключения 126, 152, 167, 173, 179, 180, 184—186, 188, 205, 206
Форма 63, 68—70, 165, 190
в познании 167
Цель 98, 101, 139, 140, 203
«Экономическая клеточка» 193—196
Электронно-вычислительные машины (ЭВМ) 17, 31, 144
Экономическое исследование 201—205
Явление 33—38, 51, 54, 59, 63—68, 73—77, 87, 89, 90, 92, 93, 115, 121, 122, 124, 131, 133, 138, 142, 148, 149, 151, 153, 165, 166, 173—178, 180, 190, 195
в познании 164, 166, 167, 176, 178, 185, 191, 200

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Часть первая. **ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ** . . . 5

Глава I. **Понятие метода политической экономии** . . . 5
1. Метод и методология политической экономии . . . 5
2. Метод и предмет. Метод и теория . . . 12
3. Значение и задачи метода . . . 18
4. Классовый характер метода . . . 24
5. Структура метода политической экономии . . . 31

Глава II. **Диалектический и исторический материализм о природе экономических явлений** . . . 34
1. Принципы и законы марксистско-ленинской философии в раскрытии природы экономических явлений . . . 36
2. Категории марксистско-ленинской философии в исследовании экономики . . . 63

Глава III. **Экономические законы, закономерности, категории** . . . 88
1. Экономические законы . . . 89
2. Экономические закономерности . . . 105
3. Экономические категории . . . 108

Часть вторая. **УРОВНИ МЕТОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ** 114

Глава IV. **Диалектико-логические и гносеологические принципы и категории — основа и высший уровень метода политической экономии** . . . 114
1. Научные политэкономические абстракции . . . 117
2. Принцип взаимосвязи понятий политической экономии . . . 131
3. Принцип развития понятий политической экономии . . . 142

Глава V. **Общенаучный уровень метода политической экономии** . . . 170
1. Сравнение . . . 172
2. Анализ и синтез . . . 174
3. Индукция и дедукция . . . 179
4. Аналогия . . . 184
5. Гипотеза . . . 186
6. Метод восхождения от абстрактного к конкретному. Метод восхождения от конкретного к абстрактному . . . 189
7. Процессы исследования и изложения . . . 201
8. Элементарные законы мышления . . . 205

Предметный указатель . . . 212